

О.А.МАРКЕЛОВА
**ЛЕС
ПОДСОЗНАНИЯ**

• СТИХОТВОРЕНИЯ •

МОСКВА

Ольга Александровна
Маркелова

Лес
ПОДСОЗНАНИЯ

Москва
2018

КРЕДО

*Не думай о словах: они придут
так просто, как приходит день,
распятый по-над трубами завода.
(И солнца диск, обмотанный колючкой).
Они придут
неумолимо, как тошнота или боль,
и будет долгое плаванье по вечным волнам,
и будет полночь
где-то в сердце,
и взорвётся бомба.
Она не может не взорваться, ведь сколько уже накопело.*

*А пока –
жду...*

2 июня 2005, 10.20, Москва

ПОРОХ

Да я не знаю, для кого пишу,
мешая, словно вина, языки...
Облекшись серой шкурой, выхожу
навстречу дню, вострящему клинки.
В слепящей тьме – единый лад и лёт,
А в счастье – не колеблется струна...

Пусть лучик песни ветер обовьет
И полыхнет застывшая страна!
Ударит взрывом – в колбе сонных стен!
Ведь здесь в избытке ветер и огонь!..

И дотлевают костяки систем,
закутавшись в нечистый дым и вонь...

.....
Единый вечный лад сквозь дым и лёд,
по струнам вен – шпыками языков.
Не ведаю – кто словит, кто поймет...
Но в колбе сердца – дремлет порох слов.
26. декабря. 2003, Рейкьявик

ПОЭТ

Я
боюсь
будущего:
в нем лишь долги и железный скелет войны.
Под откос
пущены
вагоны дней, что везли население страны.

- Добровольца идти в огонь по норам ищите! -
Только робки и молчаливы жители дыр:
тот, кому есть, что терять, всегда беззащитен,
а поэт вдвойне: ведь его владенья - весь мир.

Опустеет душа, повиснет червь языка,
когда исчезнет страна в последнем тумане.
Как всегда, тому выпадает шагнуть во пламя,
чьи владения не вместить в нутро сундука.
10 июня 2003

ЖДУ

Черепная коробка пуста, темна и сыра.
Для пера
Ни единой темы.
Проползают тени,
задевая одна другую концом хвоста.
Красная пустота.
В ней молчанье и тьма.
Но вот-вот
 она наполнится смыслом.
И тогда пробежит огонь по соломенным числам,
и плетень упадёт.
И наступит Слово.
А пока – только вечер
 и жирная тряпка в невытом котле.
Каждый раз – всё по новой.
Звездю чревата крылатая тьма на покатои земле.
24 июля 2004, воскресенье, Рейкьявик

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Открывается сталью повесть.
В броню облачилась совесть.
Вперёд пошёл бронепоезд –
 рельсовая война!
В стране все дороги железные.
Здесь все кони железные.
Здесь все люди железные –
 гвоздь принимает стена!
Стальная пропасть без дна...

В стране все реки железные.
А ты пиши, что цветочные!
Железный век скоро кончится,
на смену придёт бетон.
На смену придёт пластмасса –
с экрана заблеет масса,
прольётся не кровь, а краска,
на щебет заменят стон.

А ты всё равно пиши
об одних лишь цветочных полянах:
не об астрах – так о тюльпанах,
ты свободен в выборе фраз.
Но рухнули гордые стены –
ни починки им, ни замены.
Израненное молчание
остановит лихой перепляс
навек... Нет, на год. Нет – на час!

Что хочешь, то и пиши,
пиши себе на здоровье:
о голоде, боли и крови,
убийцах, ворвавшихся в дом...
Все нынче об этом пишут;
никто не прочтёт, не услышит:
все заняты важным делом,
все смотрят фотоальбом.

И вновь разломилось время.
Стоишь ты один с пером,
своим бесполезным пером,
беззащитным пером.

Несгибаемых строк не стало...
- Я буду учиться с начала:
капли сердца – вот мои строки.
Мои читатели – боги.
Свиток неба – единственный том.

23 января 2009, Москва

Льёт дождём,
гремит огнём,
шуршит песком
и летает надо мной своими птицами.
Разбегается морскими брызгами.
Нависает горными уступами.
Завывает шпором.
Светит звёздами.
Наплывает новыми эпохами.

Надвигаются слова и песни
на меня — из влажной пустоты.

6 августа 2010, Москва

Стихи не разворачивались свитками
и не текли ручьём в одном лишь направлении.
Они росли из середины во все стороны:
ветвями разметались по поверхности,
пунктиром пробивались под сознанием,
и были беспредельными, бескрайними.
И расстилались вдаль -
- по всем мирам!

23 августа 2011

ТВОРЕЦ

Из грязей вековых вставал лохматым панком.
Тянулся в воздух хворым телом.
И сквозь туманы, сели и шипы
макушкой дорастал до неба по-над смогом,
до тихой мудрости сосновых звёзд.

28 августа 2012

Возможно, что слова окажутся простыми:
«деревья», «солнце», «ждать», «смотреть».
Возможно, что банальным будет ритм,
не будет сложных образов, фигур, сравнений...
(Эх, лезут в голову учёные слова:
«минимализм», «наивное искусство»!
Но ты не бойся ярлыков:
они когда-нибудь отстанут).
Но выскажи – что просится наружу
и что сказать бы мог один лишь ты.
Сначала робко, неумело...
Потом окрепнет красноречия хребет.
Хребет неведомого зверя –
неповторимого, возвращённого тобой.
Он обойдёт все закоулки мира и сознания.
И разбудит солнце.

2 января 2013

СТИХИЯ

Расскажи мне, Аполлон, ведь ты всё время знал:
как из подсознанья / вытекает небо,
как преображаются / за окном постройки,
как становится ненужной / золотая сбруя.

Расскажи-ка мне ещё, ты это знал всегда:
как течёт живая кровь в чернильные приборы,
как теряет разум – кто к тетради прикоснулся,
как выходят призраки: с приказами, с кнутами.

Расскажи мне, расскажи, я тоже знать хочу:
как миры взрываются, как дыбом скачут реки,
как в котле планеты кашу смешивает хаос,
а мы потом выуживаем / яркие крупички,
прилепляем по порядку на немое небо, -
чтобы снова вышел мир, а в нём - стихотворенье.

Расскажи мне это всё: мне важен твой рассказ
о стихии слова: без угаек, без прикрас...

24 июля 2013, Kópavogur

Пора запрячь трёхпалого коня
и снова вспахивать гектары текста.
Обычно пахота проходит ночью,
когда вокруг прохлада, тишина...
И битва с неподатливою почвой!
Полночный труд до звона в голове!

А поутру другие выйдут на поля
и чёрно-белые бороздки
засеют смыслами.

25 августа 2014, Москва

2.ЮНОШЕСКОЕ

КРЫЛАТАЯ ТЬМА

Больше в легком сухом мозгу
Не цветет светлых вымыслов плеть...
Ночь сыра. Я стою на лугу.
Подгляжу бледных бесов дугу,
Чтоб наутро о ней пропеть.

Мир их рядом, средь облачных век.
Трав зрачки по краям луговин.
Безымянные боги рек
Ил счищают с чешуйчатых спин.

Деревянный скелет избы
На кипрейных гуляет холмах.

И под сердце винтом резным
Входит тонкий осклизлый страх.
Страх осиновый, страх родной!
Он свернулся, как длинный змей.
Я сливаюсь с бледной страной,
Где не знают имен и речей,

Где и смерть – не стальной крысолов,
А животный и влажный пар.
Здесь ракиты вместо голов,
Вместо глаз – рога слизняков
И полет сквозь дрёмную хмарь.
И никто не окликнет назад,
Средь стеблей – пустота и покой...

Только разум – мой младший брат
Отмахнется пухлой рукой.

Август 1998

ВИСА

Полдень, ельник и холмы,
Неказисты и двуглавы.
С гребня каменной волны
Подо мной струятся травы.

Жизнь давно обновлена...

Нет следа селений древних:
В пластик облеклись деревни.
Сгинул
 арфы звон напевный:
лётся в уши – электронная волна!

По ютландским городам
тропки к прожитым векам
зря ищу в музейном ломе:
ничего другого, кроме
блеска сытого нуля
здесь не встретилось пока мне!

И осталась лишь земля
И расколотые камни
Здесь от пламенных веков –
Лишь чужих отрывки снов.
Морды подняли курганы
К серым косам проводов.
И подошвы их объемлет
 Из стеблей
 петля...
На телеге солнца дремлют
Древней Дании поля.

22-25 июля 1997, Vjerringbro Ютландия, 31 октября 2007

ПОСЛЕ КОНЦА

После конца света,
Труб, огней и лир,
Может, вспыхнет где-то
Обновленный мир, -

*После конца,
гибели мира,
воды и огня.
После конца.*

И пожаров схлынет
Розовая тьма;
Голову поднимет,
Может, жизнь сама.

Но, боюсь, не будет
В ней стихов и слов,
Тонких, но забытых
В тесноте миров.

2 июля 1997

БРАНТ

На господнем поле – мгла и дождь.
Ветер - как кнут по тёплым глазам.
Серая нечисть сторожит эту ночь.
Темнота впереди. Путь заказан назад.

Просыпаются тролли в холодных гора,
высовывают морды из бурых берлог.
Только то не тролли – то сомненья и страх
Для того, кто к вершине подняться не смог.

Отчего мне так тесен мой новый храм?
Я не сам ли широкие окна стеклил?
Я не сам ли при лампе проект рисовал,
Прорываясь к вершинам от замшелых могил?

На охоту вышла безумная Герд -
Всё выслеживает ястреба на крышах жилищ...
И ревет обвал. И пугает смерть
тех, кто к быту привязан, испуган и нищ.

Говорил я с кафедры: «Оставьте быт!
На холодном ветру вам сразу станет легко!»
Только саваном быта я и сам повит.
Вдаль по ледникам – не уйти далеко.

.....
Герд стреляет – ястреб катится вниз!...
Над обрывом камень навис!

.....
Кончилась ночь. Белый пар плывёт,
плачет над полями, над уставшей душой.
То болотная жёнка варит бесам мёд.
То сомненья и слабости последний прибой.

Все мои родные - под гранитным крестом.
Все мои идеи – туман и мох.
Мой мятежный век не станет белоснежным листом...

Что же медлит с судом молчаливый бог?

1998, 2015

ЛЁД И ЯД **(Овидианские мотивы)**

Всё помост мерещится красный и липкий...
Холод и гнев, да из дома прочь...
За краем безвинного белого свитка
Черной дырою – выросла ночь.

И долог, и труден, и смерти подобен
Путь черной триеры по бурным волнам.
Верховная власть сказала:
- Виновен!...
А в чем, догадайся сам.

Оставлен в живых. Горящим колесам
Не брошен на путь под ропот и шум.
Но точит стрелы великих вопросов
Живой и промерзший,
Истерзанный ум.
Слагателя песен – забудут не вскоре!
Сплюнут на землю, слезинку сотрут...
А я грязным ибисом танцую на взморье,
Черною веткой пляшу на ветру.

А здесь, на Тайшете, великая стужа,
Пошло к Рождеству, не к Великодню.
Верховная власть говорит:
- Ты мне нужен!
Но спросишь зачем, казню.
Советская власть говорит: Ты мне нужен,
Но спросишь зачем, казню.
1997

РУБКА ДЕРЕВЬЕВ

А как они однообразны
На гладких улицах и скверах жестяной Москвы –
Все эти липы да кашганы...
Зеленоватой пикой проткнув землю,
Когда она еще была
Краем, где ясени молятся солнцу
И не умер феникс зари –
Теперь маханием рук увеселяют чьих-то глаз фонари.

-Все это хорошо весьма.
Какие-то столбы с листвою на макушке.
Кивают головой по вечерам,
Зовут куда-то...
Безмозглые! Куда нас приведут?

И зачем городу банков и салонов эта дикая архаика?

Зеленый вечер. А они стоят
И подпирают пальцами упругое небо –
Пускай оно тускло голубеет в черных ветвях,
А в лиственном меху копошатся долгоносые птицы...
А внизу, будто звуки забиваемых свай,
Уже толпятся люди;
Боль входит теплым острым клином –
И дальше, дальше веянье небес.
И мясо деревянное ольхи,
Налипшее на топоре,
С утра уже растаскивают дети.

Горько, когда солнечный бог оказывается березовой чуркой.
Август 1997

Счастливчик Пер¹

Бредя далекой снежной ночью в гору,
Я видел над собой звезду – судьбу.
Сидят Сидениусы по конторам,
Трубят в мещанства жирную трубу.

Зачем для мысли ставить городьбу,
Евангелие новое – по норам
Провозглашать, где площадь будет впору?
Хоть дерзким слыть – зато не жить в гробу!

Любимых мыслей пара – сердце греет.
В безлунной сырости лугов чернея,
На Колдинг поезд повернул свой нос.
Поля – с дремотным, но родным напевом.

А Норны под сырым и серым древом
Вычесывают змей из длинных кос.

1999, Дания и Москва

КОНЕЦ ВСЕГО

Стих сложить, да самим не спеть!
Голос – лопнувшей тонкой струной.
Расплескалась небесная медь
Над умолкшей землей стальной.

Погибаем, не различая
Двери лифта и двери рая.

23 октября 2000

¹ Главный персонаж одноимённого романа датского писателя Хенрика Понттоппидана. «Сидениус» - фамилия семьи, из которой происходил герой, филистеры.

КОНУНГ КНУД И НОЧЬ²

Островитянка-ночь трубит
В свою зеленую трубу.
А Кнуд святой сидит
у холмика раскопок на горбу.
Сидит, поет
о том, что вечен снов пернатых, бронзовых полет,
что не пробьет
росток репейника -
стены хрустальной, гордой.

А ночь вытягивает морду
и вскачь несется в сбруе звездных лир.
"Как старомоден тот, кто делит мир
на выси теплой золотой мечты
и низменной реальности помойку!"
- "Но всё ж пернатой бронзовой поэзии цветы
вне башенок резных
расти не могут бойко.
Зачем высматривать их в листьях лопуха!"
А конь небесный дразнит старика,
Из кучи мусорной алмазы выбивает...
- "Пусть утро с белого листка
мне скажет, что такого не бывает!"

И черно-белый свой экран рассвет зажжет,
Но мне не принесет покоя...
Ты - просто яблоня у крашенных ворот,
иль древо мировое?
Ты - путь в Эдем иль в лавочку тропа?
Нет, ночь с зеленой гривой!
Ты глупа!
Здесь всё не на местах!

Где здесь граница?

Конь ночи смолк и больше не глумится.
Зеленой гривы не танцует тень...
И светит, светит день
безлико, безупречно, прямо.
Кнуд на краю огромной ямы.
Над ним карнизы и щербатая стена.
Тишина.
В углу - всё так же солнечно и сыро...

Но прежней не вернуть картины мира.

21 января 2001

² Святой Кнуд - покровитель Оденсе, одного из самых прозаичных городов Дании, который, однако, кичится своим славным прошлым. Статуя Кнуда стоит в исторической части города, где время от времени производятся археологические раскопки.

МАРТ

Небо – острый взгляд.
Зеркала премудрой зимы не позовут нас назад.
Всё на новый лад...
Усталая мысль пересекает свои следы...
Идет оживление древней болотной воды
На дне человеческих душ.
Резкий свет из небесных луж.
Замолчать и сойти с ума...
Весна...
Кто молил о премудрой тьме – получай пресный воздух!
Грязный след, бледный отзвук...
Весна – потопом по спинам камней, по ребристым дорогам,
световым мечом – по берлогам
 простых и тихих зверей,
поливает тропы болотной водой.
Издыхает зима –
древний змей мировой,
великодушный и грозный,
видевший солнцеворот,
протянув тощий хвост через хляби, грызет.
 Стыдно, поздно
Старые тайны хранить, когда в щепки – все двери.
(Получай взамен пресный ветер!)
Каждая веточка – черный и мокрый хлыст.
 Здесь дремать запрещается!
 Ползает мысль
по углам да окраинам зимних изящных империй.
Сырое солнце – как плётка в руке весны...
Не позовут зеркала...
А клыки у нового божества черны.

6 марта 2001

*** **

Всё снег и мгла.
Спокойно только небо
И ржавые под небом фонари.
Свети, мой ум, до водяной зари!
А день обрубит нитку дум: он мудрым не был.

6 марта 2001

ПЕЧЬ

За белыми боками,
За завитками птичьими
Живет и поет
Огненное древнее поле.
Как тих и уютен мир

Под трубой кирпичною!
Сгорают в печи остатки
Наших счастья и боли.

Заворожит красный вихрь
И не даст опомниться.
Лилии пламени
Посажены радостью и злобой.
Выморочные ваши
Мифы компьютера и поезда –
Ничто перед этой
Великой кирпичной утробой!

Эта вечности повозка –
Старше, страшнее, роднее нам.
Да не так это всё
С душой человеческой бывает ли?
Кто-то кинет лучину внутрь,
Успокоится и согреется,
Но никто не увидит за дверцей
Битвы и пламени.

15 марта 2001

Над пропастью идет
поезд
По ржавым потрохам
зданий,
Сквозь жиденький кисель
рощиц
В ребристые поля
ночи.

Качается фонарь
в люльке,
Промокший тянет сон
к небу
Вдоль улицы растут
руки,
Они передают
деньги.

Ручьи передают
скорби,
Лохмотья серых снов
в сквере.

Заройся в мокрый тюль
ночи
И повенчай тоску
с ивой!

1 июня 2001

ИЗ ТЕТРАДИ СУМАСШЕДШЕГО

1.***

Тоска от бледных поездов,
Гудков, стихающих вдали,
От звездных, от тупых возов,
В пыли кочующих, в пыли.
Напев без зерен и корней,
Исчерченных обломком льда,
Тоска зеленых пресных дней –
 Но вновь вперед,
 Опять туда –
Где тень, простор и пустота,
И до безмолвья, до креста
Смотреть – искать за дверью свет.

Прибоем в стены – пегий бред,
Всяк одинаково одет,
А по ступеням –
 прах да прах –
наш страх на острых каблуках.

Октябрь или ноябрь 2001

2.***

Остался я, бедный западник,
бродить по бумажной улице,
 дремать у безликой пропасти,
молчать под цветными пиками.
Впускать свое отражение
в лорнеты строгих,
 считающих
твой стекляшки - бирльянтами...
... твой брильянты - стекляшками.
Дробясь в зрачках и за стеклами,
кружась, измельчаясь, падая -
тоскую по камню серому,
привычному одиночеству!

Ноябрь 2001

По хребтам оврагов мы бродили,
У моста судьбины застывали.
Нас сырыми стенами встречали,
Над порогом в полутьме кружили.

Новыми равнинами вставали,
Ивовыми реками трубили,
Призрачными правдами прельщали
Да в листках героев хоронили.

Плыли дни над городами,плыли...
Истин в липких путах не искали;
Мы в ветрах топили все печали,
Радости – в свинцовых прядях пыли.

Но под вечер тусклыми не стали
И сожженных песен – не простили.
Мы заветный мост переступили...

Но забыть бы то, что мы предали!

8 июня 2001

ЕЩЕ РАЗ О НОВОМ ВРЕМЕНИ

На божнице – будильник
Возле вербы да Спасовых глаз.
И здесь секундную стрелку считают за бога...

28 августа 2001

Зимний лиловый ветер метет в лицо.
Глаза мои полны снега.
Падаю в белую аморфную бездонную пропасть.
Говорят мне: умолкни, стрелки от часов отломи.
От времени избавься, оно пахнет болотной тиной,
оно похоже на колесо пыток.
Оно непреклонно.
А ты укройся от мира белым платком и спи.
Спи, утопай, - и ты встретишь вечность во сне,
теплую, круглую, солнечную.
Упади и усни!
Так лиловый ветер вкрадчиво поет у стены.
Глаза полны снега, им больно смотреть,
им тяжело не спать.
Да, я тоже верю, что время пахнет болотом
и клыкастыми колесами дробит колеи.
Но я знаю: если я усну –
никогда не увижу вашей светлой и круглой вечности.
Лишь безвременье будет править осколками снов...

Декабрь 2001

Теперь уже не разберешь,
Где золото, а где дракон.
Ты лег на злато... Статуй сон...
Себя в пещере стережешь.

24 декабря 2001

3.НЕВМЕНЯЛОВО

Невменялово.
Легкая шизофрения.
Напитка вкусивши алого,
Мы проснулись - и стали иные.
Открылись чугунные веки
По-над синей горой огневою.
Ветровые двинулись реки.
Руки - стекли луною.

Невменялово.
Вынос вон за скобки,
За черепные коробки,
Грани большого и малого,
Правильного и ложного,
Вечных несказанных слов.
Безмолвный взгляд невозможного
С испачканных лавой листов.

И снова - всплеск слова.
Омытого, усталого.
Обновленный день - невменялово.
Пробудивший мир - невменялово.
Стекланные нити стынут.
Стекает темная лава.
Живая, творческая,
Что ограды сметает.
(От нее - преграды стекают
вниз, в канавы).
Тропы лавы
Взметнутся к луне.
Там ждет безмолвный на вещем коне,
Знамя его - как черная птица.
Покровитель всех невменяемых,
Всех, секущих словами бумагу,
По ночам - темным ветром снедаемых,
Всех, бегущих по краю оврага,
Где стеклянеет весь мир.
Стеклянеет лава.
По хрупким бумажным листам расплескалась лава.
Глазами незримых зверей загорелась лава.
Вонзится граненым копьём
не в меня
лава.
Пусть вечно продлится в омытой душе
Невменялово!
Невменялово!!!

16 апреля 2002

Застыл степенно чинный род.
Замолк на полуслове спор.
Приди на мой солнцеворот,
Оставив свой блестящий сор!

Полет запряган в колею.
Забор не рухнет и во сне...
Смотри, я солнца струи пью,
Сгораю в вихревом огне!

Приди на мой солнцеворот!
Прибавь к пожару свой костер!
В своей душе спалив всё то,
Чем правит гривна и топор.

22 декабря 2001

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ СТИШОК О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

По проспектам движутся рыбы
статные зеленые рыбы
государственные важные рыбы
грязные холодные рыбы
лучистые небесные рыбы
пустоглазые довольные рыбы
зарубежные пестрые рыбы
звонкие полые рыбы
бледные загробные рыбы
железнодорожные рыбы
рыбы-обрубки, рыбы-мешки
рыбы, живущие в странных общежитиях
унылые кисельные рыбы
старинные надломленные рыбы
ветхие сиротские рыбы
рассыпчатые перинные рыбы
крысоподобные тусклые рыбы
сухие бумажные квадратные рыбы
слоями разместились во мгlistой душе
веером кружатся в безмолвном сознание
неизвестные привычные пугающие рыбы
вновь текут сквозь нас
удивленно подбирая вокруг обрывки сновидений.

24 мая 2001

НОВЫЙ ГИМН ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ С ПОСВЯЩЕНИЕМ ОЛДОСУ ХАКСЛИ

Легкими станем, как кружевная тучка,
звонкими станем, как пустая бутылка,
радостными станем, как модная картинка,
полыми станем, как шарик на веревке,
гибкими станем, как воздушные корни.

Станет новый мир!

Дивный новый мир!

Стройными станем, как хрустальная змейка,
мудрыми станем, как глянцевая книжка,
правильными станем, как семейная традиция,
пустотелыми станем и розовыми,
звонкой бабочкой – не каменной бабой
замрем на холме.

И станет новый мир!

Чьей-то плоти пир!

По тусклым окраинам сожмутся сиротливо
хрупкие вещи прошлых веков.

Строгие тени обнеоненных слов.

Внушить мамонту высший смысл раздачи бумажных

цветов...

И станет новый мир!

Самодурства пир!

Страсти вязкий жир!

Страшнее зениток и знамен,
мертвей сожженных квартир –
наш веселый мир!

О, наш веселый мир!

29 мая 2001

Выпили ржавую воду,
Дней растрепали куделю,
Словно бы тело в колоду –
В вечера пропасть глядели.

В ночь черноклювых молили.
Кто на них в гневе – не знали.
Песни в коронах из пыли
В морок по склону стекали.

По склону стекали...

17.08. 2001, Никольск

ПРИЗРАКИ

Виртуальный мир такой искрящийся и плавный.
В нем яснее небо и пьянее солнце,
В нем цветут цветы, которых никогда не будет,
В нем заботливой рукой повычистят страдания,
В нем нет грусти.
В нем гуляет, как положено, твое изображение -
 А тебя нет!
Те, кто еще помнит, кто они – не предусмотрены.
Только лживая картинка и порханье по нездешним цветам.

15 февраля 2002

А я становлюсь невидимым,
И люди идут сквозь меня.
Во мне расцветают черные глаза поездов.
В меня вонзаются стрелы кафельных дней
И растворяются...
Я растворяюсь в тени,
В хляби лестниц, углов, барьеров.
Скалятся черные окна.
У меня есть глаза... Но разве от этого легче?
Я растворяюсь, никто
Не увидит взмаха руки.
В бледные толпы вонзаются стрелы дней.

Март 2002

ТЕ, КТО... или ЭССЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАВНОДУШИИ

Психология проходящих.
Психология посторонних.
Психология тех, кто на время,
Тех, кто в спешке, тех, кто случайно.
Тех, кто к западу, тех, кто к блеску,
К полной миске здравого смысла,
Постных сладостей, гаек с болтами –
Всё потоком, всё мимо, мимо.
Мимо стонов, клыков и башен,
мимо мыслей, сердец и теней,
прочь от крыльев, глаз и ладоней,
дружно, тесно, тепло и тускло.
Психология проходящих.
Психология близоруких.
Психология равнодушных...
 Психология обреченных.

21 февраля 2002

СТРАНА ПОДВАЛОВ

Разорвать обманчивый кокон,
Выйдя вон на простор и страх...
Сколько гостеприимных окон
На тринадцатых этажах!
Сколько золота, сколько грязи!
Бесконечны объятья льда!
Неподвижен и безобразен,
Он в ночи подберет провода.

Крылья схвачены медными кольцами,
Сколько в пропасть ни кинь – всё мало!
Где в крови не хватает солнца...
Необъятна страна подвалов.

Только взоры опущены низко,
Только строки повиснут устало...
Из окна – не к небесному диску.
Ведь живем мы в стране подвалов.

Оттого всё поем о свете,
Знамо, голос льдом окольцован!
Что-то движется в толще запрета...

2002

В КАНЦЕЛЯРИИ У КЛИО

История - это пожар.
История - это враньё.
Глухой тараканий амбар,
Где дело хранится твоё.

Сундук накопил имена,
Доносы, фантазии, сны...
В нем сыщёт знамёна страна
И смысл для последней войны.

19 февраля 2002

Смерть не страшна.
Страшней всего бывает,
Когда душа без тела умирает.

10 июля 1999 (стихотворение приснилось мне под утро)

ЧИТАЯ УМБЕРТО ЭКО

Слепой библиотекарь, ученый дурак,
Лестницы, книги и зеркала.
С утра-то храм, а ночью вертеп.
Знаю сотню наречий, а итог – немота.
Стой, следи за движеньем зеленой тьмы у моста.

Встанет солнце – ты свободен, иди домой.
А ночь растянулась на много недель.
Не улечься мне, не угреться в гнезде,
На сто верст – былички страшноватый мирок.
Ведьма месит в долине звездный пирог.
Утро выкатит горящим колесом на черный порог.

30 августа 2000

ПСЫ В УПРЯЖКЕ

Где вострятся сычи
На чужие харчи.
Где сметают ветра
Чистый лист со двора,
Где заржавленный мох
Заберет каждый вздох -
 Подведет нежеланный итог!

Что сверкало лучом -
Обернулось бичом!
Не забить, не проклясть,
Да непрошена власть.
Но не заперта страсть,
Да не вылита злость...
Верных псов - не нашлось...
У телеги времён переломлена ось.
Псы в упряжке времён -
Мы - с глазами и статью волков.
Мы бежим по ночам
Над ребрами блокпостов,
По-над перьями сов.
Что сверкало лучом -
Обернулось бичом!
Но не пропита страсть,
Не повыбита злость,
Не покрошена кость.
Мы еще соберем раздробившийся камень в горсть!

Ночь 21 марта 2002

КРЕДО

А я не могу быть ни боссом, ни холуём,
Ни собирателем серых промерзших камней,
Ни верить, что мир - это яма, куда мы блюём,
Куда мы сливаем под вечер объедки дней.

Мне трудно стоять указателем у тропы,
Я не проповедник: мне тоже хочется в путь!
А рядом свою неподвижность диктуют столпы
Да нерешительность шлет рогадины в грудь.

Не становясь разгребателем серых камней,
Не приобщась высших тайн розовой ухи, -
Я находить буду солнца в ямине дней,
Пока не вопьюсь зубами в нездешние мхи.

Март 2002

Да, я не жил, не видел ваших глаз,
Не чувствовал, как так: по сердцу - плетью,
И не слышал желаний перепляс
И ветер в черных струнах лихолетья.

Не знал. Но не отпряну... и пойму!
Мой разум - всё, чем в мире я владею.
Понурый полдень обовьёт мне шею
И приоткроет ветхую тюрьму.

Я видел сны, я думал - я не жил.
Сознания лучик - всё, что мне осталось.
К обрыву поведетт меня усталость,
И я пойду, своих не зная сил.

Своих не зная сил.
Не зная крыл,
Что вознесут над царствами могил.

16-17 апреля 2002

КАЧАЮЩИЙСЯ МОСТ

Словно времени хребет,
Перешибленный в пути,
Мост висел на связках лент,
Над туманом звал идти.
Раскачаем этот мост!
Грѐз чешуйчата казна.
Тошен духу вечный пост
И голодная весна.
Над туманом, над рекой,
Над уснувшими в траве –
Отправляюсь я домой,
Искру пряча в рукаве.
Отправляюсь я домой.

23 ноября 2001

ВРЕМЯПРОПАЛО

Когда время исчезло,
сгинул вечный, нелепый, суетливый
страх опоздать.

Ноябрь 2002

После жизни
не вписался
ни в одну систему мира.
Сгинул мост.
Врата закрылись.
Да ни Гелиос, ни Хель
и ни райские конторы
не раскрыли в ночь объятий.
Сам придумал,
сам увидел,
развернул лучами арфу
да двинул домой:
в сени снов,
в гнёзда слов,
к душе своей под кудлатый покров.
Развел на обочине костер -
- своё будет царство.
На семь тревожных сторон
видать все миры.

Апрель 2002

Нити, реки и дороги,
В окна катятся поля.
Избы бледны, однороги,
Тают, света не суля,
Словно накипь вдоль асфальта,
След от схлынувшей волны.
Вещие не скажут сны,
Отчего мы перестали
Быть цветами мироздания,
Стали – сором вдоль дорог.

Гаснет в поле хуторок.
Обрекламлены мечтанья,
Обнеонены лучи,
За асфальтом чахнут зданья.

Эта песня не поётся,
Эта песня не живёт,
Розоватое болотце
Замедляет мой полёт.
Расплескалась возле сердца
Розоватая уха,
По сигналу петуха –
Не молитесь, не рассеется
Хоровод нетопырей,
А при солнце – лишь сильней.

Может быть, оставить путь,
Закопаться в мутный мох,
Да строфу перечеркнуть,
Поунять переполох?

В тине! В ткани! В солнце! В мире!
Буду слушать милый лепет...
Только крылья нетопыря
Всё равно струну зацепят,
Продолжая свой попляс.
Каждой ночью, всякий раз.

Избы – накипь вдоль дороги,
Пенный след на берегу.
Обречённых взоры – строги...

Наметая с крыльев строки,
звери движутся в кругу.

Март 2002

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Голова еще пуста,
Но разомкнуты уста.
За холмом цветет луна,
Под фуфайкой – сердце сна.
 Что-то где-то покатилося,
 Что-то где-то затерялось,
 Что-то там перевернулось.
 Может, где-нибудь в душе,
 Может, где-нибудь в стране,
 Может, где-то стены стонут,
 уцелевшие в огне.
Ветерком пройдет тревога
По пуховым берегам...
Звездный мост – моя дорога!
По ветрам, по проводам...
Свод бордовый – для меня!
Не тоскуя, не кляня,
Не пугаясь, не торгуя,
Смело гляну в ночь живую.
Ложь осядет, словно смог
По канавам вдоль дорог.
Хоть по звездам, хоть на время
Будет пуст ее мешок.
 Словом, это будет.
 Словом, это было.
 Это не бывает.
 Ветер навевает.
Ярче строгих лет свободный миг сгорает.

19 февраля 2002

ЛОЖЬ

Ложь во спасенье... Кого спасешь ложью?
Кого подкрепишь ядовитым глотком?
И птицей, попавшей в толпу носорожью -
Как вылетишь прочь - с неизмятым крылом?
Мы умираем в ночи - от обмана.
Даже в молчании - этот же яд.
Льётся из душ, с кухонь, с экранов...
 Строится ад.
Крутится ад. Строится плот.
По морю-безвременью он понесет -
Нас понесёт, запоёт волна...
На том берегу - иная страна.
Иное спасенье - не то, что делит людей
На нечистых и чистых, виновных и правых, нероев и бесов.
Стёрлись нити засохших корней.

Залепило очи железом.

Ложь во спасенье... Спасенье чего?
Вместо солнца - дыра!
Не взойдет божество!
Если ядом полно торжество!

6 февраля 2002

Больше нет красивых лиц!
В этом городе лишь рыла.
Силикатная могила
Монотонных верениц.

Ходит липкая толпа,
каплет в камни жаркой кровью.
Острой лапкой паука
Гнев скребется в изголовье.

Клетка дня, оконный крест...
Ни героев, ни страданий...
Пухлыми руками зданий
Душит музу ровный блеск.

Вороти меня, июль,
Из своей блестящей бездны!
Бледен лепет бесполезный,
В облаках расплылся нуль.

По карнизам плоский свет,
Гнева погнутые вилы...
В этом городе лишь рыла,
лиц красивых в мире нет!

20 июня 2002

ЗАКАТ ПРИ ЛЕСНОМ ПОЖАРЕ

И плыл вместо солнца кровавый орел,
Расчерченный туч пеленой.
Но он не развеет стеклянный покой
И грёзу задумчивых сёл.

Их медленный вечер стерёг, словно пёс,
Он морду на холм положил.
И плыли, багрясь колеями колёс,
Небесных боёв рубежи.

21 июля 2002

Летела Клиа в небесах,
Летела Клиа в сентябре,
Летела – сквозь погром и страх,
Летела – пела при заре.

Сквозь тяжкий пир, на ржавый лес,
За рваный смех, в гнилой проём
Летела – жгла края небес.
Летела – солнцу в окоём.

Летела - с поднятой рукой.
Летела – в сетке и петле.
(С железным привкусом – покой
да иглы счастья по земле,
Они везде, они опять).
Летела – сквозь обман и ночь.
(Из пыли выстроена рать).
Над сном земли – летела прочь.

Летела прочь, летела вдаль,
Держала в лапках всю страну,
Над паутиной, сквозь печаль...

И прилеплялись травы к сну.

4 февраля 2002

ПЕШАЯ ПРОГУЛКА

Зима.

Пост.

Карман

пуст.

Пурги

пест

В стальной

лист.

Ветров

хлыст.

В ветвях

хлёт.

Прспект

каст.

Весь век –

пуст!

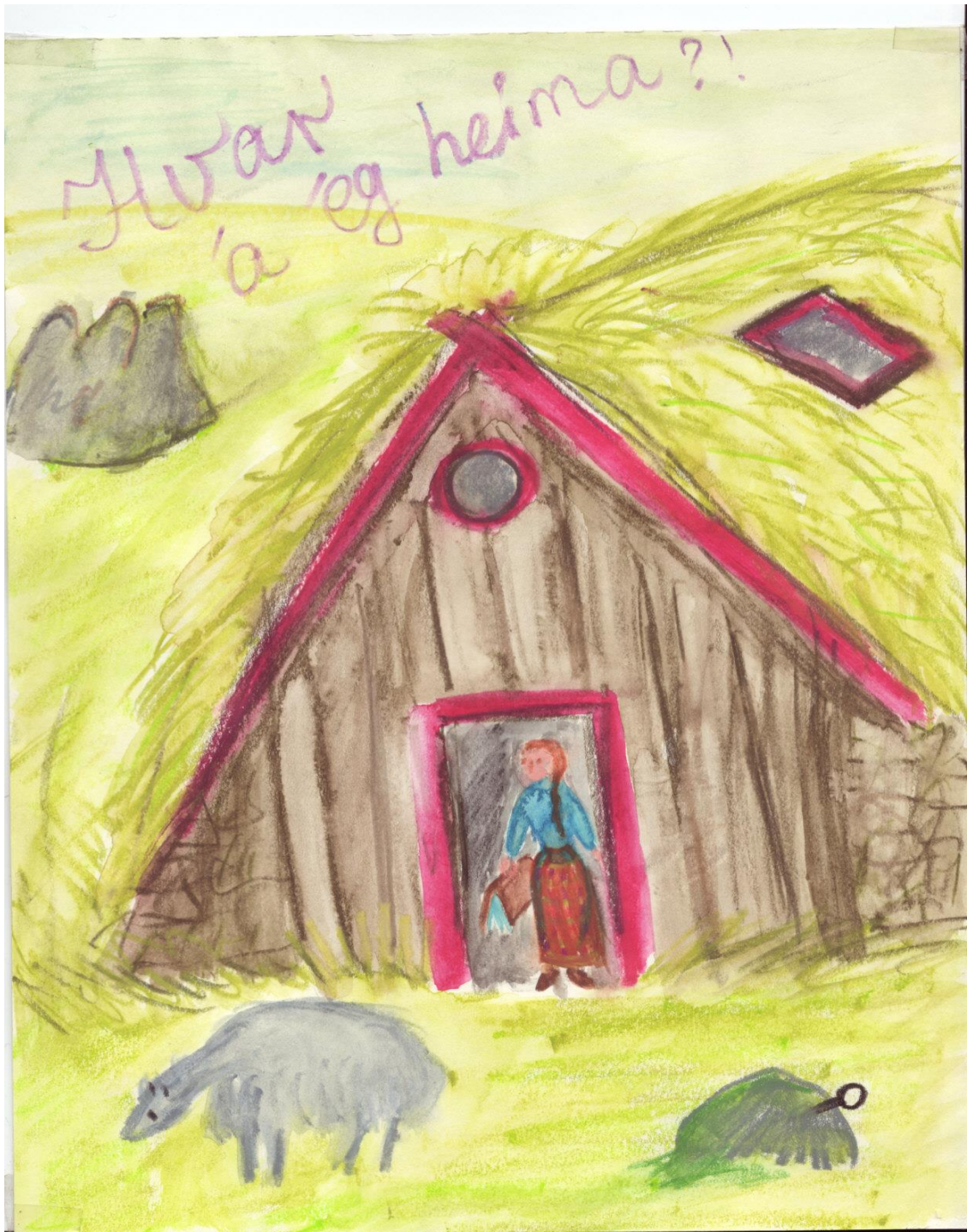
5. Января 2002

Я забыл все термины.
Я больше их не желаю.
Просто вещи не хотят забираться в коробочки слов
И уютно урчать под условными именами,
Чье звучанье мрачно рокочет чугунным ядром.
Если вещи потеряют имена – они не онемеют.
Их сердце будет так же цвести в золотистой тьме,
Их корни – пробиваться прочь за чешую,
Заглядывать в голову,
Медленно стучаться в гнездо под периной ночи.
Слова потеряют имена – обронят тюремные коробки!
Мгую изойдут миражи на каменной реке...
А безумный провидец снова напишет песню
Поверх академической истории всемирного вранья.

Зима 2002

Человек тогда лишь верен себе, когда спит.
Тиха в колодце вода –
Не отражает то, что спускается сверху.
Да и дверца закрыта.
Изнутри она недвижна:
Собирает теплый мрак.
Потом из него вырастут звериные цветы –
Неведомые ветви – из неровных хвостиков темноты.
У заснувшего нет идеологии.
Нет у колодца стенок.
Расплескался по полю живой и творческий сумрак.
Он не лжив, не шаток, он мудрее и больше слов.
Декларации опадут – проступит лицо в вихре тьмы.
Тонкое, тихое – о котором сам узнаешь лишь в сновиденье.

Зима 2002

4. У вечности холодное нутро

Исландия – доисторическая рыба, плывущая на восток. Западные фьорды – ее хвостик, Рейкьявик – ее задний плавник. Рыба круглая, древняя, покрытая коричнево-черной каменной чешуей, в которую кое-где врос зеленый мох. Внутри нее жемчужно, прозрачно и спокойно. Но это не «полный гордого доверия покой» сытых углов и не тишина после взрыва, это высокий и , если угодно, деятельный покой, сметающий с первого плана жирный призрак бытовухи и устремляющий к творческим порывам. Здесь овцы лишены страха.

Молитесь за эту доисторическую рыбу, плывущую через огненное море нашего времени! Она – единственный экземпляр своего вида, уцелевший в нашей цивилизации! Если она задохнется в привычном нам воздухе лжи – кто же будет плыть с крайнего запада на восток, т.е., навстречу солнцу? Молитесь, чтобы ее высокий созерцательный покой не превратился в жирную деревянную рутину! Молитесь, чтобы ее великая культура, все эти звериные соцветия слов, не превратились в ничего не значащую вывеску "Coca Cola – Vikivaki", туристическую наклейку, помогающую отличить себя от других в сером безличном потоке... И всё – с большими или меньшими потерями – подгоняется под эти рамки, и всё летит кувырком. От этого – все наши беды. От этого – невиданные проблемы, тревожащие душу.

Но доисторическая рыба – еще жива, она плывет навстречу солнцу, и мы должны надеяться, что ее базальтовые плавники не запутаются в липкой лжи...

У ВЕЧНОСТИ ХОЛОДНОЕ НУТРО

У вечности холодное нутро –
не то, о чем под звездами мечталось.
Зеленая и влажная усталость,
в ночи тумана полное ведро.

У вечности тоскливый взгляд овцы,
мерцающий из-под облезлой шкуры.
Хребет повиснет мрачно и понуро,
навек останутся часы.

Безмолвие... Ни лика, ни тепла...
И ни звезды в холодном поднебесье.
Где радуга плыла по склону Эсьи, -
гуляет ветра мокрая метла.

Заснуть на острых и сырых камнях
Над черной и клокочущей рекою!
...А всё же в этой тьме гнездо покоя
и позади остался рыхлый страх.

У вечности гнездо среди валунов,
А горы исчертили мрака вилы...

О, да! Теперь, пожалуй, хватит силы
свечу затеплить
и разбить засов.

12 октября 2002, ночь на горе Эсья

Вы ли видели,
что синева здешних гор –
это точный цвет плаща Одина?
Половина ночи уж пройдена,
Полорото зияет двор.

Покатилась монета дня
в звоне, в споре...

Знали ль вы, что трава на взморье –
лишь сухая грива коня?

Конец ноября 2002, Рейкьявик

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

I

Судьба свивается в кольцо
косынкой норны над столбами.
Замерзшее седое пламя,
прозрачной вечности лицо.

Разлит из звездного ковша
священный радостный напиток.
Дни пробегут. Истлеет свиток.
Из-под коры вспорхнет душа.

II

Среди еловых высохших костей
Я жертвовал неведомому богу.
Хлам деклараций, чеков и налогов,
Слепую слякоть выпитых вестей...
Всё жертвую зеленому огню!
Всё, что скопил – на дело очищенья!
Не надо стен, архивов, сбережений –
Среди холмов я память хороню.
Огонь небес поет в земном костре.
Освобожденье. Дыры в коже.

29 января 2003, Рейкьявик

СНЕГ В ГОРАХ (KALDIDALUR)

Направо – озеро из ртути.
Налево – сахарная синь.
И ремешок шуршащий между ними
 позёмка крутит.
У горы есть имя,
есть слово, приказавшее: «Застынь,
 Конь каменный!
 И плащ надень,
небрежно смётанный из двух отрезков:
мгла серой шерсти (снег, ручьёв железо)
и синий шёлк – бездонный день».
Он мхом расшит, он ветром прорван...

В снегах есть камень.
Живёт там ворон
 меж прядями воздушного руна.
Есть сны у туч.
У гор есть имена:
стальные молчаливые соцветья,
что мы лелеем в снах или стихах
под снегопада мокрой плетью, -
и вниз несём на стынувших руках.

28 сентября 2005, Kaldidalur

Четыре дня
ветра малярная кисть
перекрашивала гору:
то ржавчина пегих дождей,
то густые белила зимы.
Не смотри в календарь:
выбирай себе сам время года.
Сумасшедшая чудная свобода.
Неведомая вольная жисть.

Не смотри в календарь.
В горах время года другое.
Каждый вечер осень.
Каждый рассвет – рождество.
Каждая встреча с синей горой – торжество:
непонятное, позабытое.

Студеной водою омытые
непричесанные луга.
Опустились звёзды к ногам.
Небо тебе в дар.
Горный склон – травяная гарь.

Не было склепов,
не было препятствий для ветра
целых четыре дня.

27 дек. 2005, Úlfstaðir

ГОРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Там над туманом
ложбина меж горных горбов:
богово
логово.

7 ноября 2005

Лиловая гора целует брюхо тучи,
сосет воздушное хмельное молоко.
В ее боках застыли тролли,
разинув каменные рты.
Им солнечные дал закат плащи,
а ветер дал им ледяные шлемы.
Нагнулось чисто вымытое небо
- от холода хмельное –
в сети своих кристальных дум:
зеленых, белых, медных.
И синяя дорога – пояс льда

в седых полях.

Я видел красоту: мне было больно.
Я поднял запыленные глаза,
С натугой разлепил стальные веки,
Омыл их синевой и чистым ветром...

Лиловый плащ на много километров,
По краю - лентой – светлая заря.

Я видел божество.
Я жил не зря.

4 декабря 2005, í Þingvallahreppi

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОТИВ

Уже который праздник нет солнца в стране!
Брёл по осенней траве, как по мокрой губке.
Сам себе в зеркалах и стёклах казался призраком –
Reimt er í borginni:
Draugurinn á leiðinni.
Gerviljós og klæðin blaut³.
Призраком была промокшая будничная шкура.
Прорастало что-то живое из зеркала ночи.
Что-то родное – в глаза из померкших стёкол.

Ночная прогулка по взморью – встреча с собой.

25 декабря 2002, Рейкьявик

В ГОРОДЕ ЭЙРАРБАККИ

Словно рыхлая тропа.
Словно небо над водой
Там, где песня и судьба
вновь встречаются с душой.
Словно камень у волны
в жиже бледного песка
да непрожитые сны
в час, когда заря близка –
Невменяемое шествие по каменной гряде!
Ключья мыслей остывали
на бледнеющей воде...
а над ними, а под ними,
обломав ветрам бока,
одномерная пустыня
растянулась на века.
Перед взорами – зоны
мытой пресной пустоты!

³ В городе нечисто: идёт призрак. Искусственный свет да мокрые одежды. (исландск.)

Гор не видно. Скрыты склоны
Пухом серым и густым.
Мысль кружится над водами
без преград, без берегов...
И течет по капле пламя.
Словно между зеркалами
гаснет тропка –
по гряде из валунов.

26 декабря 2002, на рассвете (10 утра)

СТИККИСХОЛЬМ

Вот и кончился рассыпчатый табак.
Вот и холод расплескался по нутру.
Вечер городу дарил цветной чепрак,
пика башни пробивала в нём дыру.

Город – тихим мудрым стадом по горе,
окружённой лоскутами островов,
омываемых в бескрайнем серебре:
без предательства – без страха – без оков.

Будет полночь. Будет ветрено в горах.
Горожане влезут в норы на ночлег.
Только вольным и бездомным – по мирам
бесконечно продолжать бесцельный бег.

8 июня 2004, Stykkishólmur á Snæfellsnesi

ПЕСКИ

(песня)

Я не увидел луч зари
У двери.
Мне не досталось молока
Ледника.
Над черной чешуёй песка
Размыли гривы облака.
Тянется дорога вдаль по зёрнам наждака...
Ríðum, ríðum, rekum
*yfir sandinum.*⁴

На много миль – одна реальность черных песков,
Одна-единственная данность грубых зёрен и мха.
Смотри: над дорогой в доме ветров
Варится небесная требуха.
Ríðum, ríðum, rekum
yfir sandinum.

⁴ Скачем, скачем, едем по пескам... (исл.) Начало популярной исландской песни на слова Грима Томсена.

Ни одного цветного пятнышка в седой пустоте,
Ни одной травинки / на бескрайнем плато.
Но зато здесь нет преград / мысли и мечте, -
Она скользит и не споткнётся ни обо что!

На много часов, на много километров –
Единственная данность песчаного простора.
Глаза устали от бесцветности, слезятся от ветра...
Но зато здесь нет ни стены, ни забора!

Ни стены, ни забора, ни стоокого дозора –
Никто не селится на черных песках!
Ветер выплетает бегучие узоры
В пропыленных, / просмолённых волосах.
Здесь иное время / здесь иной мир,
Здесь твоя мысль – единственный закон.
А выйдешь вон – в стерильность пестрых квартир –
Суете уже не сможешь пойти на поклон.
Пошлости – не пойдешь на поклон.
Банкам – не пойдешь на поклон, -
Сподобившись мудрости / великого песка...

Мне не досталось молока
Ледника...

Июль – август 2006, Исландия

АМЕРИКАНСКАЯ ГОРА⁵

Автомобиль перемалывает кремень брюхом,
Перерабатывает расстояния на ржавчину и гравий.
Трутся о ребра камни.
Шарахаются овцы.
Праздник трупов справляют черные тролли.
Серые сырые руки на теплом горле.
Обрыв...

Всё! Кончилась Исландия!

Обрыв!

И бруствер, брошенный чужеземной армией.

Кончилась Исландия!

Строится армия призраков!

Продолжается праздник падали.

⁵ Это стихотворение было сочинено при таких обстоятельствах. Во время поездки в город Торсхёпн (на северо-восточной оконечности острова Исландии) нам указали на одно рыбное озеро на мысе Ланганес, и мы поехали туда на рассвете, но перепутали дорогу и заехали на гору, где была брошенная американская военная база. На горе был туман, дорогу было видно только на десять шагов перед автомобилем. Меня охватил ничем не объяснимый страх, и мне померещилось, что путь перед машиной загородили два бурых тролля. Я надела очки – ничего, только туман и камни, - но страх не оставлял меня. Мы все же продолжили путь по разбитому каменистому проселку вверх по горе – и вовремя затормозили перед крутым обрывом, за которым уже не было никакой земли. Оставалось только повернуть назад, благо на горе было достаточно места, чтоб развернуться. Стихотворение я написала, когда мы ехали с горы обратно вниз, прочь из тумана, это фиксация минутного состояния.

Кончилась Исландия!
Кончилась земля, отграничься стеной тумана.
Остался хаос.
Хохот троллей...
... Обратно!!!

Langanes, 11. июля 2004, 4.30 ч. утра

Из колодца, из колодца
поднималось веретёнце.
поднимался тонкий пламень
над умолкшими горами
где-то виденной долины.
Не пропеть и половины
песен тех, что раньше знали,
что мостом скрепляли дали
между алыми горами.

... Но горы опоясались цепями,
И бросив благородную привычку
по вечерам перепеваться с альвами,
в безумную вступили перекличку
с краями горделивыми и дальними.
Как след, как надо, как всегда, как все,
А что останется – в музей на стенды:
Волокна мха на пыльном колесе,
все камни альвов посланы в аренду!
А их напев – в загоне. Но пока
еще выходит из колодца на рассвете.
Тем, кто имеет очи, чтоб заметить,
блеснет серебряная флейта ледника:
С утеса, что обезображен гаражами –
белая рука.

17 июня 2004, Skíðadalur – конец июля 2004, Рейкьявик

НА ВЗМОРЬЕ

Свой ритм у моря.
Он не одномерен.
И мало для него семи квадратных нот.
У необъятных вечности ворот
из волн и ветра Ньёрд воздвиг свой терем.

И древних песен отзвук – не потерян.
Он здесь, в седой крови земного шара.
Кудлатая и влажная отара
спешит к камням;
и путь ее измерен
столетьями сказаний, дум, стихов –
всё взморье здесь усыпано стихами;

их много, а пространство – пять шагов.

Гладь моря, кровь земли, святое пламя!
Оно совьёт под ветром песнь без слов
и скажет – скальда чистыми устами.

13 ноября 2005, Рейкьявик

ДОРОГА В ГОРАХ

ЦИКЛ

1.***

И стало видно, что горы здесь две:
гора и маленький горёнок.
Они вставали из тумана
и пили из холодных мутных рек.
Зеленую их шерсть кусали овцы,
и кости вОроны клевали.
И пробирались дремлющие рыбы
по жилам водяным.
Грибы на брови надвигали шлемы,
и корни расползались по камням.

Но вот уже шагали вверх по склону
в одеждах красных существа.
Они несли приборы...

2.***

Смотрел не на горы,
а на то, как они отражались
в осколке стекла,
лежавшем на хейди
за камнем.

3 ***

Я выхожу в сплошную дождливую ночь.
Шарю рукой по холодной скале:
- Где здесь включатель от солнца?

4. БОРГАРНЕС

В лоне горы розоватое зарево.
Ржавчина в черном
ночном котле.
Грязи плеснули в небесное варево.
Город всё ближе...

5. В ГОРОДЕ

Из ноздри простуженного фонаря
светлая бордовая сопля
тянется по всему фьорду.

№№ 1-2 9 сентября 2006, Reykholtisdalur

№№ 3-5 10 сентября 2006, вечер, Рейкьявик

НЕ ПРОДАВАЙТЕ ЗЕМЛЮ!

Не продавайте землю.
Широкое каменное тело
хворает от укусов кирки.
На глиняной коже возникает асфальтовая сыпь,
а после она покрывается струпьями-домами.

Горы проданы в рабство.
На них поставлены метки.

Не продавайте землю!
Не продавайте поросшие мохом серые камни
в туристических лавках!
Ведь камень и соль древнее и долговечнее
раскрашенной бумаги с числами по краям.

Не продавайте землю!
Земля поглотит тех, кто стриг купоны и ставил заборы!
Миллионы лет немой базальтовый тролль
хлебал соленую воду –
а землевладельцы мельче и ничтожней его...
Земля поднимается.
Горбятся каменные спины,
Разверзаются рты, залепленные асфальтом. –
изблёвывают вон отходы:
строительный мусор, обрывки колючей проволоки.
Хворую землю лихорадит –
рвутся бетонные цепи.
Людишки срываются в море.
Разве владеют тем, с кем не могут сладить?
.....
Выздоровленье.

1 июня 2004, Snæfellsnes
(сочинено после просмотра телевизора)

НА МОГИЛЕ ЙОУНА СИГУРДССОНА⁶

Здравствуй, Нонни! Я снова здесь.
Я вернулся, я пришёл к тебе в гости,
где деревья бурые кости
баламутят небесную взвесь.
Возжигаю я в твою честь
бумагу, отдаю ветру пепел.
И огонь просторен и светел,
И сердцам неведома лесть.
Это кладбище. Но люди здесь
живее, чем в железном городе,
где проспекты трубами вспороты,
где кипит в чёрном кубке месть.
Это кладбище: крестиков жёсть,
сад камней да голые ветви.
Стерегли Рэйкьявйк сколько лет вы, -
кто в земле заснул, кто здесь есть?

Сколько лет стерегли страну,
что по морю – каменной рыбой?
Хоть над гробом гранитные глыбы,
вы не умерли, вы не в плену.
Вы живёте в этих камнях,
словно альвы в угёсах и лаве,
стадо пёстрых домов возглавив,
свет и дух сохранив в речах.
Вера в альвов теперь смешна –
круче верить в «Звёздные войны»!
И речей огневых обойма
непонятна и не нужна.

Но вы здесь! Не скрылись во тьму,
не пропали – на незримых этапах.
Вы появись – если лапа
Хель –
за горло схватит страну.

25 октября 2005, Рейкьявик

⁶ Величайший деятель борьбы за культурную и политическую независимость Исландии (годы жизни 1811-1879).

Нонни – уменьшительно-ласкательное от имени Йоун.

Уберите с датского флага крест – пусть будет он алым!
Заморозьте горный поток – пусть будет он сталью!
Кровью обагрите хрустальное
равнодушие гор:
мы постигнем нирвану потом, а сейчас нужна битва.
Величавые ели
возле круглых щитов озёр
станут пиками.

А где безлесно: секиры-скалы, щиты-острова.
Тронутся каменные ладьи в великий поход.
И мы явимся
и сорвём с фальшивого гроба чёрный покров,
и превратим его в знамя.
Скажем на всех языках: “Við erum ekki dauðir!”⁷
Долго нам подносили два зеркала, и оба кривые:
одно – в шипованной рамке из острых свастик,
а другое подернуто розовой патиной мещанства.
И нам говорили: «Смотрите:
на самом деле вы такие.
Вы не знаете, кто вы сами, а мы-то знаем».
Настала пора разбить кривые зеркала
и взглянуть в то, что не солжет:
озёра, небеса, океаны, человечьи глаза.
Цветом знамени будет цвет плаща Одина
с полосой солнца по краю.

22 октября 2005

Снова знакомые заводи.
Икринки пустых островов, облака-молоки...
После размашистых гор на востоке –
синие мелкие камешки узкого запада.

Теперь я могу рассказать
о мшистой утробе страны,
порождающей хутора.
О холодном чреве
с ледниковыми тканями,
толщами великих песков,
жилами рек.
Об утробе с рубцами дорожных работ,
спиралью шоссе,
с язвами столбов,
с раковой опухолью
электростанции, чёрт побери!

Никому здесь не ведомо, что таится внутри.

⁷ Мы не умерли! (исландск).

Какая свершится судьба,
какой за разбитым окошком проглянет лик...

Из высокой утробы страны
стихи рождаются в мир –
в Рейкья-
вик.

19 августа 2009, по дороге в Рейкьявик через Боргарфьорд

5.РЕЙКЪЯВИК

Проницательный читатель, конечно, уже догадался, что под названием “Grand Rokk”⁸ скрывается некий другой бар, в котором всё и произошло на самом деле, а название “Grand Rokk” – вымышленное. И находится этот бар вовсе не на Smíðjustig – такой и улицы-то в Рейкьявике никогда не было, - а совершенно в другом месте, узнать которое по описанию в тексте нельзя, потому что описание предельно обобщенное. Читатель – если он, конечно, внимательный, - сразу заметит, что из таких, пардон, описаний города, как «высокие современные дома», «подстриженные палисадники», «светящиеся вывески магазинов», - положительной информации не извлечешь. Может, вся эта история случилась и не в Рейкьявике вовсе. Потому что любой проницательный читатель знает, что если б в тексте были описаны реальные улицы реального города, то вместо их названий - настоящих! – стояли бы звездочки или литеры “N”. Не точное и беззастенчивое именование является в наш век залогом правдивости события, а желание скрыть... До чего же удобно иметь проницательных читателей!

Отрывок из романа, который никогда не будет написан

⁸ В этом тексте упомянут РЕАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩИЙ бар в Рейкьявике, по адресу ул. Смидыюстиг 6.

РЕЙКЬЯВИК

Я люблю этот город, хотя он несносен.
Лишь несносное вечно пленяет
Новостройка-страшилище
горную просинь
осеняет.

16 апреля 2016

РЕЙКЬЯВИКСКОЕ ОЗЕРО

Политики-гуси, чиновники-чайки.
Лохматое небо над жёлтым прудом.
Проворные клювы: не мешкай, хватай-ка
разбухшие корки под гулким мостом.

Промокшая чаша бетонного рая!
Дающим еду – не посмотрят и вслед!
И медленно мутную хлябь рассекая,
здесь редко появится лебедь-поэт.

2 ноября 2005, Рейкьявик

РЕЙКЬЯВИК

(медитация)

Глядят на город очи гор.
Сахарные клыки блестят в каменной челюсти фьорда.
Кажется, с прошлого года гор стало больше:
Новые выросли зубы
у каменной рыбы-страны.
Вот она плывёт:
блестят зимней ночью лезвия ледников,
смотрят в небо жерла вулканов,
рычат под камнями смертельно-хладные реки.
Вся в шипах, в клыках – и всё равно беззащитна эта рыба.
Хвост ее придавлен квадратным сапогом.
Исколото тело острогами плотин и заводов.
В бока вонзились крючки,
отлитые из монет.

Но она жива,
она плывёт,
и я ухватился за ее плавник,
продолжаю путешествие.

На взморье у ветра нет других игрушек,
кроме задраенных окон
и неподвижных камней.
Ветер – плащ мой, подбитый морской пеной.
Города серая вена
вспухла стадами железных коней.

Его конечности, лежащие в воде,
раздулись от железа!
В ответ клыкам-горам
он оскалил тупые зубы-дома.
...Вот и день, вот и храм...
Сырого ветра аскеза
Никого не прельстит в ноябре,
когда ржавая тьма.

За цистернами рыбьего жира – мясной магазин.
Выставка алых кусков.
Энни Хенсон: «Дом пыток! Зрелище трупов!»
Анька Хенкина: «Радость! Предвестие пира!»
Иные лопочут на языке
сувенирных и модных лавок.
Другие – матерятся на диалекте строек
и мусорных баков.
Но здесь видно:
в этом городе все – иностранцы.
Новые вырастут зубы
на поле, засеянном обрывками книг
и оброненными в спешке вещами.

Гисли и Гасан –
одинаково не знают языка
рыбы, плывущей на восток.

3 ноября 2003, Рейкьявик

КОРНИ РАВНОДУШИЯ ЗАПАДНЫХ ЛЮДЕЙ

Весной в этом проклятом городе очень холодно.
Поэтому люди наносят себе на души толстый слой жира,
Чтобы не сгинуть в студёном стекле вечеров.

9 июня 2003, Úlfstaðir

Кто лишил ваш город неба
и простёр над ним купюру?
Были горы – тропкой в выси,
А теперь - глухие стены.
А теперь они – колодцы.
Жмутся зданья в котловине.
И ползёт по объективу
Краска грязного тумана.

Лето 2003

НЕЗАТЕЙЛИВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПРО ГОРОД РЕЙКЬЯВИК

Весной у нас ветер.
Зимой у нас звёзды.
Осенью – деревья.
А уж летом, извиняйте, один сплошной праздник коммерции!
Зима 2004

ТОПОГРАФИЯ РЕЙКЬЯВИКА⁹

(посвящается Мегасу)

Эйнар Бен в саду дёргал бетонные струны арфы.
Лейв Эйрикссон распускал над асфальтом по ветру чёрное знамя.
Ингоульв Арнарсон на холме истекал мочою и водкой.
Йоун Сигурдссон мёрз в могиле.
А это я – врастаю многотонными ногами в асфальт
и тоже превращаюсь в статую.
Я еще буду здесь –
Когда шероховатая страна-рыба потеряет свой анальный плавник.

...А ты что спишь?
Воспрянь!

20 апреля 2004

В НОВЫХ РАЙОНАХ РЕЙКЬЯВИКА

На подземном огне испечён был пирог
с пористой коркой лавы.
А теперь эту корку кусают зубы столицы.
Синева – вышел срок.
У камней потускнели лица.
Освеживали лавовое поле,
зелёной шкуры больше нет.
Зато теперь асфальт и магазин.
И камни приучаются к неволе,
впечатав в серый свет
квадраты влажных спин.
У новостроек не растут деревья,
у них столбы выигрывают спор...
И с горизонта, как и древле -
глядят, глядят на город очи гор.

28 августа 2013, Коупавог

⁹ Перечислены рейкьявикские памятники известным деятелям исландской культуры; соответственно: крупному поэту 19 века, древнему мореплавателю, считающемуся первооткрывателем американского континента, исландскому первопоселенцу, лидеру национального возрождения.

**Солнце на центральной площади
(стихотворение в прозе)**

В эту пятницу Рейкьявик был тропическим. Искрящиеся стёкла, курчавые деревья, метельчатые травы. Марево над морем. Белый месяц над горами. Но это не северный месяц. Не северные цветы полыхают в сочно-зелёных садах. Солнечное тепло сделало город легковесным.

Он разрезвился у присмирившего поручневшего моря, затолкав овчинный тулуп тысячелетней культуры подальше в чулан.

6 июня 2014, Kóravogur

Мимо, мимо расписного кладбища,
за глаза набитого историей,
до краёв залитого молчанием...

В толще зелени лежат все чаянья,
все утопии и все стремления...

Бурый призрак ищет объяснения:
как так вышло, что дома и кони
не такие, как в его суконных
грёзах из шестнадцатого века!

Кит-корабль, крылатая телега,
птица-компас –
могут появиться
по-над кладбищем на западе столицы.

Полетят виденья-облака...
Чтобы горожанин увидал
грёзы тех, кто в прежние века
здесь пророчествовал и мечтал.

Грёзы, тучи и воспоминанья –
многослойные напластованья.
Предсказания и откровенья
бродят по темнеющей листве –
оседают в чьей-то голове,
превращаются в стихотворенья.
Кит-корабль по строчкам поплывёт,
птицы-звёзды песню пропоют.
Бурый призрак радостно вздохнёт:
грёза-сирота нашла приют.
Ведь под пегим брюхом облаков
во дворах на западе столицы
много есть поэтов-чудаков....

9 июня 2014, Kóravogur

6.ТОРЦХАВН

I. ВЕЛИКАЯ КРИВАЯ

Торсхавнские стихи *цикл*

1. ***

Ты, Торсхавн, размокший камень
С шалью мрака позади!
Деревянными руками
Чертит ветер по груди.
В волосах его луна
Зеленеет глубина.
И на скалы забегая,
Город кружится в петле.
Им великая кривая
Расписалась по земле.

2. ***

Город ускользает из рук.
Небо стало ветром и льдом.
Очерти еще один круг
Над опустошенным гнездом!

Чтобы проступило лицо
В безразличной пегой дали, -
Выведи огнем колесо
На покатой шкуре земли!

Только студит ветер золу
В скорлупе нетленного дня...
Теплой кровью вычерти круг,
Раз тут больше нету огня!

В темный мерзлосём потекло
Пламя из разомкнутых рек...
Выведи!
Да будет тепло
Тем, кто на пути в этот век.

3. ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД РАГНАРЁКОМ

А солнце было лишь трещиной
в деревянной двери неба,
В которую совали клочья соломы и ржавые гвозди.
Солнце было замочной скважиной,
К которой уже давно не подходит ни один ключ:
Все они рассыпались ржой,
как перетершаяся проволока лживых обещаний.

Солнце не ведало, где будет его место на эту ночь;
Да и стоит ли сиять,
 раз все приметы – к войне,
И темные змеи пламени уже поднимают головы,
В кожу которых въелась железная крошка.

Небеса – дверь, отделяющая мир людей от царства
 Муспеля...

Но дверь эта – деревянная.

4. НОРНЫ

*В голом поле в полом октябре
стояли три славные в сером свете.
Алы их очи, строги их лица,
волосы повиты волчьей шерстью.
Они не знают, что значит пощада.
Они не подвергнут бесцельным страданиям.*

(песня)

Полый октябрь – безжизненный свет,
посохом своим перерубит пополам,
алую похлебку разольет по гранитным котлам,
уменье равномерно шагать придаст безмолвным телам.

Лихой октябрь – безжизненный свет!

Лихой октябрь – безжизненный свет!

Розовый безжизненный свет!

Значит, будем рубиться, будем стоять,
мучительно и радостно будем раздирать
сплошную кожу немоты на запечатанных ртах.

Грудь земли вся в крестах ...

Здесь любят лишь тех, кто калачиком свернулся на своих
 местах,

В свой череп налив похлебки из гранитного котла,
гранитной похлебки из тролльского котла,
гранитной похлебки из тролльского котла.

О, как всё легко, когда мозг обволокла смола!

Слепой октябрь – безжизненный свет!

Слепой октябрь – безжизненный свет!

Розовый безжизненный свет!

Глухому да незрячему всё нипочем:

сортировка людей, нумерация тел,

смысл жизни – в сортировке людей,

 в нумерации тел.

А мы стоим в голом поле в октябре,

в голом поле в полом октябре,

с неба – обломки блеклого света,

стрелы серого света.

Серой шкурой – грядущий век

на наших плечах, на наших плечах.
Грудь земли в инеистых разлапистых крестах.

Но это не награды, скорей орудья пыток,
дырявой немотой перетянут свиток,
рот залепила немота, залепила немота
как смола,
что капает с креста.

Польный октябрь – равнодушный свет!
Польный октябрь – равнодушный свет!
Розовый безжизненный свет!
Розовый безжизненный свет!

Волосы наши повиты волчьей шерстью,
повиты волчьей шерстью,
в волосах
запуталась луна.
В голом октябре,
В голом октябре
стояли три славные в сером свете,
мы стояли в октябре в сером свете.

Польный октябрь
переломлен пополам,
опрокинуты котлы,
расплескалась баланда по камням
и пропала, паром изойдя ...

Грязь стекает с серых шкур после кровавого дождя.

5. ***

Мыльная тряпка – чужая мораль
грязной водой окропляет нам уши.
Бурая слякоть въедается в души
и пожирает прозрачную даль.

В полночь погасшей лучины – не жаль:
слабость и страх изойдут вместе с дымом.
Что же, хоть так... Но всё-таки мимо
лет, где у власти решетка и сталь.

Все – 19 октября 2002, Торсхавн

6. Образ Фарерских островов

Со свечою в ночь.
Натянулась нить.
Задрожал под лучом горизонтальный снегопад.
Протянулась между скалами снежная нить.

От края и до края –
Великая кривая.
Скалы ведут друг с другом разговор:
нитями снега, прядями мрака,
в блёклом небе отпечатывая спин узор.
Чтобы следовать великой кривой,
не нужно знать, нужно только верить,
что златым пером обернется твоя потеря,
а реку переехав, придешь всё равно домой.

Со свечою в ночь.

21 октября 2002, Торсхавн

7. ***

Луна застыла на востоке
у древа в ломких волосах.
Кипит в ночи котел широкий,
безмолвен иней на полях.

Теперь не логово, а *вписка*¹⁰.
и свечи рук в казенной тьме ...
Котел в ночи кренится низко,
вон льется море при луне.

*

О, сколько раз придется вздернуть
себя на высоту ствола,
чтоб над котлом увидеть черным
свечу –
- что там –
- всегда была.

23 октября 2002, Торсхавн, Tórsbyrgi

ВЕЛИКАЯ КРИВАЯ

*Стой у окна,
наблюдай со стороны,
куда тебя вывезет
Великая Кривая.*

В небесах незримая железная нить.
Нам сказали, что нас нет и не может быть,
потому что не может существовать.

¹⁰ Вписка (отечественный молодежный слэнг) – временное пристанище.

в кромешной непреодолимой усталости ища откровенья...

Надо всё же понять, кто ты здесь – пленник или гость,
вытащив из сердца гнутый ржавый гвоздь,
оставшийся там от сытой да светлой поры...

Крутой поворот на кругом спуске с горы
в объятья мглы, в объятья мглы.
Нужно верить и знать, что будет за поворотом...

Протянулась великой змеей,
полумертвой, промерзшей,
со стальной броней
Великая Кривая линия судьбы.
Да неужели наш удел - исключительно гробы?
Неужели нет разницы между человеком и хромой лисой?

... Лишь одиночка может сойтись лицом к лицу,
один на один
с Великой Кривой.

...Великая Кривая кончается на родине духа...

октябрь 2002, Рейкьявик

II. СКАНДИНАВСКАЯ СЫРОСТЬ

ФАРЕРСКИЙ ПЕЙЗАЖ

На островах выплывают песни.
На островах мокнут яркие травы.
На островах живут люди и нечисть, -
та, что взывает к безмолвному богу,
та, что боится янтарного света,
соленого света гудящих столбов.
Ведь кто не верит в троллей – не верит и в бога!
Ему темнота ничего не скажет,
он не узнает, откуда мы родом, -
живущие там, где корни трав сходят в воду
по черным уступам во тьме.
Он завернулся в стену янтарного света,
отгородился решеткой острого резкого света
и не узнает, что мы ему сродни!
Торфяной и бархатной тьме не протянет больше руки...

Апрель 2002

Рухнул столб.
Померкло пламя.
- Бог изменил человеку.

.....

10 января 2003, Еугарбаккі (Исландия)

И звездная буря над городом снилась
За мшистой оградой покоя...

Я в сердце ношу скандинавскую сырость.
Она изойдет – лишь с душою.

10 января 2003, Еугарбаккі (Исландия)

III. Стишок на взморье в Торсхавне 19 октября 2002

Ежедневно вздёргивая своё естество на перекладину судьбы,
Ища в сыром ветре тепло, а в кромешной усталости –
Силы идти дальше,
Черпая расплавленное золото слов из замшелых гранитных
колодцев безумия и отчаяния,

Ежедневно задаваясь вопросом:
«Сколько еще осталсь?»),
обрастая серой шкурой еще не прожитых дней,
соскабливая с себя равнодушие и глобалистику,
словно грязную рыбью шкуру, словно чешую, -

Снова жду восхода.
Кто скажет мне, насколько высок костёр,
Насколько ярка свеча,
Насколько слабый язычок пламени еще высовывает свою
головку

Из колоды, обвитой колючей проволокой.

IV. Мох и туман

Сегодня нам на восток.
Границы неба тесны.
Нас скроет белый платок
с тугой булавкой луны.

Омоют раны ветра.
Спадёт короста оков.
Сегодня тебе пора
на синий совет богов.

*11 июня 2003 в самолете Рейкьявик – Торсхавн
(слушаю песню А.Башлачева «Всё от винта»)*

Остается только ждать,
Переломится ли жердь,
Повернет ли время вспять,
Станет ли спасеньем смерть.
Отомкнутся ли замки,
Что холстины дней хранят,
Упадет ли ветра плеть
На бок звездного коня...
Остается только петь.

Ночь 14 июня 2003, Торсхавн

ДУМЫ МОИ – СУМЕРКИ

Серый мех дней
поползёт прочь...
Помоги, Фрейр,
пережить ночь!

18 июня 2003, Торсхавн

НОЧНОЙ ТРОЛЛЬ

Цветущий куст шиповника в окно –
Зеленый тощий тролль с горящим глазом.
Задумчивая ночь легла на дно,
В сырой подол, хранящий гор зерно,
Собрав дождём оброненные фразы.

Не мне речений связывать концы,
Чтоб сгинул тролль – до солнца первых копий!
Ночь сера, как туман, как сон овцы,
Застыли камни в терпкой тёплой топи...

С рассветом обернётся тролль кустом,
Зеленый остов одеревенеет.
Переступить порог он не посмеет,
Но встанет – вечный страж – у входа в дом.

19 июня 2003, Торсхавн

ГОРОД ЧИРЧЬЮБЁУР

Вниз с горы к селу:
горбатая старая троллиха
собрала в зеленый подол
разбросанные дома.

19 июня 2003

Здесь каменные корабли
с облезлой краской мха.
Их снасти – нити солнца,
безмолвие тумана.
Врастают в скалы лица.
Из гор выходят думы.
Клубится в вековом котле
Небесная уха.

26 июня 2003, Vestmanna

Сколько пылких дней, сколько слитных строф
из-под купола вниз летело!
Тяжело тащить под брюхом ветров
земляное сплошное тело.

Половицы – полосы облаков,
в подполе – земля.
Раствориться –
в выси с паром готов,
только не велят...

От дверей наверх сгинули ключи,
но о них рекою молва...
Через щели в подпол текут лучи –
звезды и слова.

29 июня 2003, Торсхавн

Горный тролль с тумана бородищею,
спрятаны дома, как крошки, в бороду...
Тяжело влюбленному да нищему
дó свету вставать в зеленом городе...

2 июля 2003, Торсхавн

V.ВЛИЯНИЯ

Норна

(навеяно стихами фарерского поэта Й.Х.О.Джюрхуса)

Кровяные деревья, сырое окно...
Память снежной мучицей по губке травы...
Будет всё расквадрачено, предрешено.
Норна в ночь поджидает движенья живых.

Это здесь: напряженье молчащей струны.
Но обрушится мир – только глянь, только тронь!
... В этой комнате нечисть и воля луны,
старых воспоминаний прокисшая вонь...

Обреченная родина в тени молвы,
опаленное солнце в остуженном сне.
Не смогавшая лгать – не сумевшая жить...
Окровавлены нити на веретене.

Только глянь, только тронь – оборвется струна.
Сгинет нить кровяная в свинцовой ночи.
Ждет движенья живущих...
Сама же – бледна.
Под рукой остывают лучи.

14 января 2003, Рейкьявик

Байнта

(по мотивам фарерской легенды)

Муж Байнты был ученый поп.
Ему прислуживали тролли.
Он знал все коды и пароли,
все повороты тайных троп.
К нему с голодных хуторов
тянулся люд за добрым словом.
И разбивались все оковы,
и для костров хватало дров.

А мистер Опперман работал в банке.
А мистер Опперман стерег сундук.

В полночный час присасывался к ранке...
И был он попросту паук!
В его присутствии тускнели лица
и недозволен становился смех...
На Байнту жаловаться грех:
она была способной ученицей.
Сердца булавкой протыкала,
ломала прутья и хребты, -
и золото струилось в зев подвала,
а за оградой множились кресты.
И книги поп бросал. Он звал друзей ворами,
врываясь в хаты с топором.
Клубись, дурман, над ведьминым котлом!
Лети, фигурка восковая, в пламя!
Больной безумец, - для тебя дурман!
И ты смещен, ты выгнан из прихода...
А пасторше указ иного рода
даёт любовник – мистер Опперман.
Кровь конкурентов в сундуки стекала,
монеты помнили часы предсмертных мук...
В светёлке Байнта угасала.
А за ее спиною рос паук!
И нет ни ангела, ни тролля,
ни сладостных изгибов тайных троп!
Нет больше мудреца – есть лишь холоп.
Мир поделен на роли.

Мир поделен на клетки,
на узкие бетонные дворы.
Приходит время собирать объедки
для тех, кто раньше сам давал пиры,
кормя заслуженного паука, -
заказчика, возлюбленного, босса!
вкруг горла обовьется знак вопроса,
и к паутине прикипит рука.
В светёлке Байнты стало тесно и темно...
И не такой ее опишут в книгах!
Ей время – чёрствая коврига,
лишь белое и черное зерно.

2005

НЕБЕСНЫЕ ФАРЕРЫ

посвящается Вильяму Хайнесену

- «Наш пастор мудр! Повторяй за ним!»
Но дико детям от речи плавной:
зачем небесный Ерусалим,
но нет небесного нам Торсхавна?

Наш пастор вспомнил какой-то Рим;
чужбиной вечно он очарован.
А здесь-то фьорд. И угёс над ним.
И звёздный конь холодком подкован.

И дети замерли на скамьях;
в простой молитве трепещет сердце:
Мы ждём Атлантики в небесах!
Она - единственный рай фарерца!

1 февраля 2012

7.СЛОВА ИЗ ПЛОТИ И СЛОВА ИЗ ПЛАСТМАССЫ

ЗАМЕТКИ ПО КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. ИДЕОЛЕКТ И МЫШЛЕНИЕ

Во избежание недоразумений с самого начала считаю нужным сказать, что эти тексты – не сухое научное знание, пересказанное поэтическим языком, вроде забытых современными читателями виршей М.В.Ломоносова. Но это и не постмодернистская попытка придать чистой поэзии наукообразный облик. И поэзия, и наука (в данном случае, лексикология) одинаково служат осмыслению мира и, независимо друг от друга, могут привести индивида к одинаковому результату. Ни один из этих методов осмысления мира не может и не должен претендовать на то, чтобы быть абсолютным. Но в синтезе они могут дать невероятный результат.

1.***

Много в городе слов. Но они ничего не значат.
Ими можно греметь, как камнями в пустой жестянке,
рассыпать по полу.
Много в городе слов: пёстрых, многоногих, рогатых, -
а посмотришь назад – словно ничего и не сказано.
А за рамками окон-экранов – другие измерения.
Скуден язык, но не убог.
Каждое из этих слов крупнее обычных.
Они устойчивы.
Их не сносят ветра и века.
И когда жители этих мест заколачивают дома,
Сжигают семейные альбомы и подаются в столицу,
они годами не могут обойтись без услуг переводчика –
не ложатся в бумажные уши
широкие каменные слова.

8 июня 2004, Dřitvřk

2. ПРИЧИНА УПАДКА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Великие саги пишутся каменными словами,
Что разбивают волны и поворачивают ветра.

А эти слова – из пластмассы...

8 июня 2004

ДЛИННЫЙ ЗМЕЙ (БЫТИЕ)

Разливая в стаканы незрячую муть,
Через своды и страны кладя себе путь,
возвращались домой –
по великой кривой.
Ледяные холмы за спиной.

Разбивая тоску, словно лед на прудах,
Отражаясь во ржавых чужих зеркалах, -
уходили в туман, возвращались к себе
в ночь слепую – по скользкой тропе.

Мы уходим во тьму – по алеющим мхам,
раздвигая ладонями бред и туман,
там, где жирный покой развернется змеей,
в глотке хвост –
колесо над страной!

Над погостами – обод в небесной крови.
Под кнугами да в омут...
Ругайся, зови –
Обречен, кто попал во владенья великой змеи.

Тина ржавых времен облепило лицо.
Ни пропеть, ни ответить – бежит колесо
по хребтам, по долинам, по согнутым спинам -
втоптан в темную глину;
протрепещет под ветром и прахом души половина.

И навстречу судьбе, колесу вперерез
По размытой тропе через призрачный лес
Приближались.
В ненастную ночь на клинках слабый блеск.

22 ноября 2002, ночь

ВПЕРЕД!

Дороги и дороги.
Канавы и канавы.
Подгнившие пороги.
Закившие державы.

Невыпитые реки.
Нетронутые очи.
Сердца, в кромешном веке
Сгоревшие до ночи.

Канавы и канавы.
Лохмотья прежней славы.

Решетки и бумаги -
Застыть в сыром овраге.
Крыла себе отрезав,
шагай путем железа,
надменной, жесткой, правой...
да не тропой - канавой!
В кромешную державу,
Где мокнет мост кровавый.

Лишь тропами иными
Найдешь лицо и имя.
Пока не смолкли реки
Да не предали боги -
Росстани да телеги,
Дороги и дороги.

От свалок прочь - дороги.
С проспектов в ночь - дороги.
Непропитые души.
Невыпитые души.

27-28 октября 2002

ХРОМАЯ СОБАКА (Мировая душа)

Крылья крепкие тросами
 да связаны
Там, где саги все давно
 пересказаны.
Править тризну по стране
гнилой соленой рыбой...
Новый день – с петлей и дыбой
да плакатом на стене.

Хромая собака смотрит в зимнюю муть.
Забиться в тепле и уснуть...
Предвечная ночь, крошечный обрыв в мозгах.
Холодной струей – вихревая тоска...
Хромая собака во тьме бредет.
Ее безмолвная душа никогда не солжет,
Немая мировая душа...
Немая мировая душа,
 Исхлестанная ветром,
 оболганная миром,
 простреленная светом,
 преданная богом –
но не изменившая себе,
 не вкусившая ржавой
 болотной
 глобальной воды –
 душа!

Ты вновь стоишь на перекрестке и просишь дать тебе руку...

24. ноября 2002, Рейкьявик

ЯНВАРЬ

Поголовье скота растет.
Сатанеют в руках кнуты.
Наплывает свинцовый лед
из безмысленной пустоты.
По сугробам летит зола.
Прометает жалобщик-ветер.
День в глухом мундире...
Но трубы от угла до угла
призовут не спать, призовут нас гордиться этим...

А ведь когда-то был Солнцеворот!
Когда-то был Солнцеворот!
Да, был когда-то – пир всех вышедших из ноября,
из плена, из колодца!
Мы радостно впрягались в колесницу Солнца –
и мрём со сбруею на шее у ворот!...

Когда-то был Солнцеворот!
Когда-то был Солнцеворот!
И розги солнца
- пусть хоть на день –
- превращались в ленты.
И оживали стылые легенды
о том, что прочь из русла лет поток пойдет.
Когда-то был Солнцеворот!
Когда-то был он – праздник всех закрепощенных,
Когда открылась дверь,
Когда морозный воздух тёк
в запаянные наглухо
дома.
Стоять недолго солнцу в лентах золоченных...

...А впереди – бескрайняя зима...

29. декабря 2002

ГОРОД

Ваши деньги пахнут тухлой рыбой,
кровавыми помоями на них прорисованы углы.
Из окон выдвигаются незримые стволы,
жаждут свежего мяса полоротые котлы.
Изогнулась змеею мгла,
крючья ветра из-за угла.
Скоро станет тарелочка души для страхов мала.

Да сколько б ни прошел – ни на миг не отодвинулся
от железной двери темноты за спиной,
запечатанной, сплошной, глухой.
Из каждого окна по стволу...

В тарелочке души мешаем славный пепел и золу –
пепел славных дней и золу ветхих страхов...

Мело, мело
по всей земле,
по хмельной стране.
Неостывшие ладони оставляли
алые пятна на сплошной стене....

28. ноября 2002, Seltjarnarnes

XXI ВЕК. ЗАРИСОВКА

По голой улице ветер гнал пластмассовую банку,
Она бежала с дребезжаньем и бряцаньем по разбитым камням.
А я не мог понять, откуда эти странные звуки, -
в таком монотонном диком ритме;
быть может, кто-нибудь включил магнитофон,
и это - модное течение в техно-музыке?

19 января 2003,

Рейкьявик

ДУША В ЗАГОНЕ

Запечатанная ночь.
Каменеющий загон.
Босыми корнями березы вцепились в склон.
Расплескавшиеся мхи.
Глинобитные слова
в кольцах стылой требухи,
по-овечьи тонконоги и тихи.
Ночь отнимет ключ.
Она всегда права.

Декабрь 2002, Рейкьявик

СЛОВО СТАЛО ПЛОТЬЮ

Слово стало плотью.
Слово стало падалью.
Слово замутилось.
Стало пустотелым и безличным,
тупым и англоязычным.
Слово размазано армейским сапогом,
как тухлая рыба по асфальту.
Мёртвое слово в глобальном мире.
Остывшее слово в глобальном мире.
В глобальном праведном мире,
где люди сходятся лишь на жирном паучьем
искусственном пире,

Отравленном пире.
Слово стало куском мяса, который рвут гнилыми зубами,
поплёвывая в пламя.

Не стало больше верного клинка...

4. января 2003

ФИЛОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Мы с тобой составим словарь новорусского языка.
Слово «человек» в нем будет значиться матерным,
а слово «свобода» означать сиденье в хлеву
в ожиданье своей законной миски с похлебкой.

Мы сделаем датский словарь на славу, ей-ей!
Благородный, имперский,
Чтоб леса бумаг возвышались
над плоским блюдом мокрой земли,
чтоб дробились на сотни экземпляров сердца и речи.

А словарь английского языка
мы издадим массовым тиражом!
Не бойтесь, это не отнимет много времени и финансов.
Слов в нем будет мало - несколько десятков как максимум,
а в колонке для перевода
или толкования
будет радостно шириться слепящая пустота...

18. января 2003

Рассветет дай бог что в полдень - и сразу закат.
Деревянные тени на мёрзлой траве.
Скоро тронется лёд... Да только жить запретят.
Неизбежный вопрос - кто правей, кто мертвей.
Неизбежный топор над цветами голов,
Небывалый январь - стылый яд янтаря!
Но погибель оплакать никто не готов:
Здесь лишь жрут, продают, говорят, говорят...
Рассветет лишь на время - и сразу закат.
Но в погибельной тьме прорастают цветы...
Мы руками корней ловим меркнувший яд
и наводим мосты посреди темноты.

6 января 2003

И живем, не зная:

 быть может, уже исчерпали
все кредиты доверия у молчаливых богов?
Может быть, они нас – иль мы их – уже предали,
и теперь вместо звезд –
 лишь червивые лица врагов?

Слишком долог день – далеко еще до заката!
Бесполезное время перед ответом судьбы...
Дрожь на самом краю:
 в темноту распахнута хата.
Верстовыми костями чернеют столбы.

26. февраля 2003

Вот сижу
в своей тьме.
Мерный мир.
Божий хлам.
Все приметы –
к войне.
Все цветы –
по снегам.
Смолкший бог.
Рванный мех...
Снов тут нет,
петь тут грех.
Вот вам гвоздь,
 вот свинец!
...Государство овец...
Все цветы –
 подо льдом.
Мрак вам мир,
гроб вам дом!
Регулярная высь...

Кто же крикнет: «Проснись!»

17 марта 2003, Рейкьявик

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Будет липкая лента проспекта
и бумажные чаши-дома.
Порожденье немого ума...

Песня
Спета.

4 апреля 2003, Рейкьявик

ЖЁЛТЫЙ МИР

Жёлтый мир гниёт на блюде
Сексуальных революций.

Лето 2003, Рейкьявик

ЕВРОПА

Многовековая чешуя культуры!
Всё в глухом ларце без окон и дверей!
Как снаружи зябко без гранитной шкуры!
 Как же душно и тревожно в ней!

Как мертвец, растающий костями в сумрак поля,
как дракон, к чьим крыльям прикипел металл,
как обрывок флага над орущею толпою,
 что мотаться на ветру устал, -

Так на пьедесталах остывает время,
каменеют зданья под штыками глаз.
Ты - дорога на гору, исхоженная всеми.
Четвероугольный гроб для нас.

3 февраля 2003, Рейкьявик

Понесло по полю памяти.
Повело по тропам запада.
По хребтам стальным и каменным.
Непрерывно забывая - вспоминая языки
в бликах ледяной реки,
слыша щебет тех, кому вериги жизни легки,
кто считает их гирляндами небесных цветов,
кому зябко без брони,
кому туго без оков.

Терпеливо каменеют
на блестящих берегах...

Ветра два над миром веют:
легкомыслие и страх.

13 февраля 2003, Рейкьявик

И разворачивался рассвет
в разверстых внутренностях земли.
Молчали бисерные поля.
Сырые солнца в прямой траве.
Доверчиво распахнув нутро,
Шагали горы по кромке рек...

20 апреля 2003, Úlfstaðir í Borgarfirði

ПРАВДА

Нет ни лилий, ни арф...
Только небо да мох.
Дыма выцветший шарф.
Ветра волчьего бог.

10 июня 2003, Рейкьявик

Я СЛЕПОЙ

Душа слепца просторна и пуста –
Мир не впивается ему в незащищенные глаза.

7 июня 2003, Mosfellssveit, Ísland

Снова между нами города –
Кровоподтёки на истерзанном теле земли.

10 июня 2003, Úlfsstaðir, Borgarfjörður

Беззакатной ночью
Возводил я вал из полых овечьих костей,
Вешил дорогу столбами волглого дыма.
Текут сквозь пальцы неувовимо
Волокна древних вестей.

А скоро будет и город: пустые люди
Пустили цветастый лепет по проводам.
... Что влилось в разверстые очи, миру не дам!...
Каждый здесь – кусок на своем персональном блюде.

9 июня 2003, Úlfsstaðir, Borgarfjörður, Ísland

РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИФА

Память, как тихая бабочка - вдоль по стеклу.
Вытерлись, пообтрепались узоры на крыльях.
Новое время положит конец всем усильям,
ловко проденет сквозь тело стальную иглу.

Новое время иной намалюет узор:
пусть непохожий, зато всем понятный, надежный.
Дверь не откроет, поймает в ладонь осторожно,
выпустит в залу, где в чистых мундирчиках хор.

Песенка хора змеею овила весь дом...
Мокрая тяжесть свежепокрашенных крылий...

Выдадут новые сказки за старые были.
Щели в окне... Но - куда?!
Темнота за стеклом...

8 июля 2003, Торсхавн

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Отчего
До сих пор
Не пришли, не наказали, не укрыли, не поправили,
не поняли святые?

- Они слепые.

11 ноября 2003

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Маэстро генной инженерии,
желая угодить желаньям сытых,
сотворили новую породу свиней
с мясом вкуса спелого персика,
сохраняющим способность светиться в темноте
до конца процесса пищеварения.

Все остались очень довольны.
Никто не знал,
что персики, о которых шла речь, были червивыми,
а во тьме светилось вовсе не мясо чудесных свиней,
а лампочки, мокнувшие с прошлого рождества
на деревьях большого города.
А если кто и заметил, то не придавал особого значения
и спокойно продолжил пировать, подтянув улыбку на лице.
И все были довольны.

Ведь искусство манипуляции сознанием масс
у нас всегда было развито лучше,
чем любая отрасль науки или техники,
столько лет лелеемая нами.

12 ноября 2003

ТАК БУДЬ ЦАРЁМ

Так будь царём.
Но при одном условии:
при этом каждый год три дня подряд
ты будешь самым жалким существом,
ты будешь – мышь в затопленном подвале,
ты будешь заключенным в кожу страха,
не верящим в восход сырого солнца,
не знающим, как ночь пересидеть.

В твой опустевший мозг впиваться будет
одна лишь дума, как в бревно топор:
как нераздавленным прожить до завтра,
а что там дальше, это не для нас.
На грани, на краю, на острие,
у затхлого тоннеля в междумирье,
зажатый в угол – будешь ты сидеть.
Прими разбухший серый крест на шею!
Ты в эти дни – прими помоев чашу!

А в остальное время – будь царём.
И целый год средь блеска и порядка
жди эти три неведомые дня...

12 ноября 2003

Ненужно.
Недружно.
Неважно.
Протяжно –
 стронулась с места повозка неведомых фраз.
Она везет нас.
Ковыляют по темным холмам остывшего мяса
Живые слова погибшего языка.
Киль стальной ладьи выковывает рука.
Срок – недолог: до огненных дней, до лихого часа...

11 октября 2003, Рейкьявик

КОЛЫБЕЛЬНАЯ САМОМУ СЕБЕ

Кончен день. Повёрнут ключ.
Капли крови по устам.
Воздух резок и колюч...
Полно, други! Я устал!
 Догорела свечка дня.
 Цепь с небес спадет, звеня.

Моё тело выпил ветер,
мою волю съела тьма.
Пустотой венчался вечер.
Болью наполнилась сума.
 Мало места было в ней.
 Догорели свечи дней.

Надо мной незрячим глазом
деревянная звезда.
Нет ни шкуры, ни гнезда...
Прахом - всё... Остался разум –
 чисто вымытый скелет.
 Догорят лучины лет.

Будет – жарче. Будет – суше...
Ночь угрюма и тесна.
Оберни нагую душу
Ты в нетленный бархат сна!
 Рвётся небо на цепи.
 Ветви – стон испуга...
 Спи.

15 января 2004, Рейкьявик

ЗИМНЕЕ УТРО или НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДНЯ ДО РАССВЕТА

С утра – псалом
И сырость льда...

Всё вкось, всё влом...
Темна вода.

Овчина дней –
паршивый клочок.

Ползёт по ней
когорта блох.

Дрожит свеча.
Пугает тень.

Ружьё с плеча –
Да будет день!

Да будет свет! -
Стальной топор...

Помои лет
текут во двор.

19 января 2004, 10 часов утра, Рейкьявик

МЕТЕЛЬ

Пустота.
Метель.
Льда бугры.
У нас нет шкуры.
У нас нет норы.
Буря и мгла.
У нас нет стекла
перед глазами.
Рваное знамя
тёмных небес.
Промёрзший бес

воет в свою охрипшую лунную дуду.

На виду
ни голубя, ни вóрона;
вечер голый, прорванный.
Над морем,
над морем
пластается промокшая простынь,
Промозглые хлёткие крылья непрожитого сна.
Огоньки.

.....
Стоп, пришли:
стена.

6 и 15 февраля 2004, Рейкьявик

Были сыты - ядовитым хлебом.
Утешались - мглою безнадёги.
Пряли золото - ямам на потребу,
замеряли реки и дороги.
Шли не в ногу - черноклювым в пику.
Никому на свете не служили.
Песни же - лишь огненному лику,
что не тонет в тучах серой пыли.

13 июля 2003

В этом городе рано темнеет:
тащит ночь свой мешок на плечах.
Тают лица в зеркальных очах.
Скоро думы окаменеют,
горюцвет у сердца зачах.

21 июля 2003, 4 часа утра, Москва

ИЗ САМОЛЕТА

...Вот и пресный запах.
Вот и датский берег,
врезанный ветрами,
латанный полями.
А вместо городов им служат консервные банки с гвоздями.
Белый берега шнурок
трепыхнулся на ветру.
Взмыл зеркальный потолок
в беспредельную дыру.
У меня нет дома.
Я блуждаю в небе.
Я вечно на ветру.
Вечно на ветру.
На пиру.

На мосту.

Мы по лесенке взошли -
небесам причешем шерсть.
Раскружитесь на крыле,
собирая время в горсть!
Око грозного нуля
растворилось в алой гриве...
Эта бурая земля -
косточка в небесной сливе.
Только кость, только камень в проливе.

Разом рухнули миры,
переполнились моря.
Вспыхнули в душе костры.
Ночка скрылась до поры,
отступила, ничего не говоря...

Тише! Из очей течет заря...

28 июля 2003, в самолете "Icelandair" до Рейкьявика

В НЕБЕСАХ (ПТИЦА СМЕРТИ КАЗУАР)

...Проплыло прозрачное небесное бревно,
созданное ветром -
синюю струною.

Разре шите доло жить
непо рядок внебе сах :
в тучах движется чеканно
птица смерти казуар.

.....
.....

Хищные растения.
Полые луга.
Матовые глазки.
Сочные листы.
Душный лес встает в сознатье,
мох болотный под ногой.
Темных листьев лепетанье.
То сомнений рой.

Дремлет мокрою копною
птица смерти казуар...
И сгорает над странною
зазеркальный алый шар.

28 июля 2003, Icelandair - и потом

ТЕЛЕГА (ЖИЗНИ)

Привязан груз, подбиты спицы,
дрожит бубенчик под дугой.
Века в дороге колесница,
в нее впряжен весь род людской.

С рождения ты предан бегу
по нескончаемой тропе.
И так легко везти телегу,
покуда силы есть в тебе.

Визжат колёса, давит сбруя,
с годами воз всё тяжелей...
Упряжка тянется, тоскуя.
И вот, места пустеют в ней.

А нем, живущим - нет покоя!
И счастье в жизни лишь одно:
вздремнуть часок в оглоблях, стоя,
покуда на пути темно.

29 января 2004, Рейкьявик

ПАНКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ОБ ОДНОМ УЖАСНОМ ДНЕ В ГОРОДЕ РЕЙКЬЯВИКЕ

*Редает мгла ненастной ночи,
И бледный день уж настаёт.
Ужасный день!
А.С.Пушкин*

*Плохие деревья, плохие дома...
Е.Летов*

Ужасный март!
Ужасный дождь, ужасный ветер.
Ужасно намokли плечи.
Тролли играют живым человеком в футбол,
Ужасно ревя.

По полой воде проносятся ужасные машины.
Ужасные люди живут в ужасных жилищах
с ужасной квартплатой.
Дети едят ужасные бутерброды.
Ужасные туристы ужасно говорят по-английски.
В маленькой лавчонке с зеркалами продается ужасная пицца.
(В ответ на возглас «Да это же чистый яд!» -
продавщица ужасается).

Ужасная тоска.
Ужасное одиночество.
Ужасная атмосфера.

Ужасные дети смотрят ужасные фильмы.
Что из них вырастет?! Ужас!

Ужасно проносятся по улицам тяжелые машины.
Ужасно зияет щель в круглой свинье-копилке.
Ужасная Земля несется в ужасном пространстве.
Ужасно режут над городом голодные тролли.
Ужас, ужас, ужас...

10 марта 2004, Рейкьявик

ВЛАСТЬ КОММЕРЦИИ

Мне надоело
писать на листках многоногие номера.
Предъявлять на досмотр черноклювым аморфное тело, -
безвольное тело, распластанное среди двора.

Это праздник телесности,
гордой распаренной плоти.
Полый шар из пластмассы. На душах рубцы от монет.
За прилавком своим, черноклювые, что стережете?
В душной толще варёного мяса трепещет скелет.

Что там млечная ночь,
голубая гора?
Ползут по глазам многоногие номера!

3 мая 2004, Рейкьявик

ВЛАСТЬ ПАУКОВ

Кто-то бурый пытается влезть в мои сны на правах истукана,
Подровнять мой истерзанный мозг под безбрежную власть
пауков.
Обметает неистовый мусорный ветер открытую рану.
Это роскошь в наш век – чтоб душа без следов от сапог и
подков.

Власть крепка – дозволяется быть пауком или мухой.
Недоеденной мухе судьба: превратись в паука!
И раскидывай сеть на душе, слепой, корноухой!
Жертва злее убийцы. Не спать! Власть крепка. Власть крепка.

Пауки забираются в сумрачный мозг на правах истуканов.
Это липкое царство. А быть в стороне – это роскошь в наш
век.

На боках проходящих вдоль стен – клочки паутины экранов.
Злой паук или жирная муха – а где ж в эти дни человек?
Жертва злее убийцы – а кто в эти дни человек?
Власть коммерции ширится – что в эти дни человек?
Паутина из стали – как это так: человек?
В мире съевших и съеденных – кто вообще человек?!

Я ИЩУ ЧЕЛОВЕКА!

Пятница 7 мая 2004, 6 часов утра, Рейкьявик

Здравствуй.
Твое тело из гнилой раскисшей березы
шагает по сырой поляне.
Пальцы стекают вниз изумрудной тинной.
В твоей груди поселилась выпь.
Но ты спокоен: больше об твое
набрякшее от грязи сердце
никто не вытирает рук.

2004, 2006, Рейкьявик

Поглядим, как нелепые существа ковыляют на двух ногах.
Подивимся, как забавно они ссорятся из-за корма.
Улыбнемся тому, как они хватают бумажки и лоскуты.
Полюбуюсь, как они склоняют чуткие ушки, – как будто всё
понимают!
Побросаем за ограду чипсов, покрошим хлеба...
Пойдем в л ю д о п а р к!

А после поспешим домой, гордо задрыв рило и стуча по
земле копытами.

Май 2004

БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА

Сегодня мы положим асфальт,
расплещем зеленую краску, -
будет образцовый газон,
даже не надо подстригать.
На нем не разлягутся лохматые алкаши,
и псы не оставят мерзостных экскрементов.
Не пробежит паук.
Не скользнет травяная вошь.
Примелькается – кистью намалюем тут и там одуванчики.
Надоест – натянем в середине волейбольную сетку.
Что́ нам какая-то природа, -
В городе мы сами себе боги!

... А завтра мы высаживаем в грунт пластмассовые ёлки.

7 июня 2004, Snæfellsnes.
Сочинено после просмотра телевизора.

VANITAS

(опыт постмодернистского стихотворения)

Что достанется археологам
в наследство от нашей эпохи?
Раздавленный стакан из-под «Фанты».
Грязный шприц.
Рванный пакет.
Использованный презерватив.

Vanitas.

Fáfongd.

Hégomi.

Forføngelighed¹².

11 августа 2004, среда, Рейкьявик

¹² Слова в конце стихотворения означают «пщета, суета» на соответственно латыни, фарерском, исландском и датском.

8. СКВОЗЬ ЛЕС

СКВОЗЬ ЛЕС

(поэма)

На деревьях золотые листья.
На деревьях куски сырого мяса.
На деревьях железные колеса.

Этот лес ненормален.
В нем живут и умирают мысли,
В нем по думам свершают тризны,
В нем не спят по ночам,
Чтобы поймать отражение сна в зеркале, -
В нем живут не имевшие отчизны.
В нем синё...

Но вот тянутся через него наискосок розовые черви, -
И идущий через лес с посохом
видит гниль.
Видит невроз вместо священного экстаза,
вместо артефактов – утиль.

« - Я же говорю вам: этот лес ненормален.
Усмирить! Заковать!
Запаковать
в древесину гарнитуров и спален!»

Несутся розовые черви сквозь синий лес.
Розовые стрелы рвут на клочья туман.
Вонзаются в сырое мясо спящих сердец,
любуются видом ран.

Как выйти? Куда бежать? Когда этот чертов лес наконец,
кончится?

Над головой пролетает безногая конница.
Бегут по ветвям колеса.
И стены...

Горит-горит стена из белого бархата.
Молчит-молчит стена из синего бархата.
Полыхает-полыхает стена из огненного бархата.
Но ему никто и не скажет,
что стены эти воображаемые:
Бесплотный туман и бред, и лохмотья страха.
Бесплотный туман и страх и рассыпчатые сны.
Бесплотный туман, - и черви копошатся в тумане.
Бесплодный бессолнечный край. И глаза у небес красны.

Но меня испугал бы и отзвук живого го—
ло —
са!
Я не знал, что в моей душе такие растут леса!

А руки беспомощны и немы,
вдеты в розовые липкие вериги...

« - Ты вставай.
Ты пиши гениальную поэму –
Не свои конторские книги».

На деревьях резные листья.
На деревьях крылья и колеса.
У деревьев нет плодов, они дают только крылья и колеса,
Пресекая рождение любого нелепого вопроса.
Просто мы неправильно на них смотрим,
оттого они и кажутся нам деревьями,
а на самом деле – это мосты и дороги, -
понятно, куда (разве кто видел дерево, растущее вниз?)
Деревянное тело омоют туман и вода, -
но мост не раскис.

И снова – с котомкой и посохом – в путь,
сквозь сиреневый воздух.

И совы в ответ промолчат в своих гнездах.

И совы в ответ промолчат:
ведь ты бесшумен, как они.

Ни солнце и ни огни,
ни теней повитуха – свеча
не светят так, как светит голое небо
в сиреновом лесу,
где крылья, колеса и кости,
и лёгкий человек с дорожным посохом,
вытащивший из своего сердца червя.

7 августа 2004, 6.35 утра, Рейкьявик

9. КОЛОДЕЦ ЛУНЫ И ПОДСОЗНАНЬЯ

ВИСА ВЕТРА

Плавники цементных рыб.
Лязг невыбитых зубов.
Полоротые котлы.
Неприметные слова.
Шаткий дом нелепым зверем развернется на ветру
Похоронкой поутру.
По счетам заплатит город устремившимся к добру:
Перекрытием путей,
очернением страстей, -
беспросветное смиренье ради миски кислых щей,
застывание в овраге...

Но буйный ветер вырывает из рук истлевшие бумаги!
Славный отпрыск бледного неба –
- светлый ветер, валящий столбы:
верстовые, соляные – неживые, окантованные
проволочной ржой.
Торжествует над страной!
Чисто празднество: приплясывают в клетках деревá,
Оживают...
Воля духа жива!
Развернулась неистовая пляска воздушного вихря.
Светел поток, белёс –
но это не смертельная бледность,
даже не белизна унылых бумаг,
уже оскверненных черными ремнями чисел.
Захлестнуло ветровое море –
не выбьешь огонь.
Только нечистая зола – где была раньше искра.
Не из всякой раздуется пламя –
- разборчив светлый сын неба.
Но если какая из тысячи их разгорится
на остывшем продутом склоне, -
это будет слепящее сияние, высший огонь,
в котором сгорает мир как трава, как бумага.
Выжигает вековые кучи сора,
липкую смолу позора,
серость вечного забора –
и высокие столбы бумаги, бумаги, бумаги, -
тлеющей, лгущей, отнимающей право на жизнь,
желтые бумажные цепи, скрестившиеся на сердце, -
всё сметает пламя;
а ветер разносит пепел,
выдувает прочь из закоулков тягучую пыль.
Неистов поток...

Огненный белый вихрь творящего духа.

11 февраля 2003, Рейкьявик

ГЮТЛЬФОСС И ВЕЧНАЯ ТЬМА

(песня)

По плечам крамольный хлыст.
Под ногами сгнивший мост.
В голове железный крест.
За спиной в тумане Гютльфосс¹³ и вечная тьма.
Беззащитная исповедь сошедших с ума.
Ничего не решающий лепет - мундирная тьма.
За спиной - предвечная вода, туман и обрыв.

И живешь, золотой напиток разлив,
Волшебный жезл заховав за ржавую трубу...
 Знак Великой Кривой -
 у меня на лбу!
Вечная кровавая симметрия кривой
у тех, кто заслужил,
у тех, кто поял
 право возвратиться домой,
 навсегда оставив
 грязный сырой овин
и отеческую ласку кнута для назойливых спин.

 Знак Великой Кривой у меня на лбу.
 Знак Великой Кривой у меня на лбу.

Молчаливое братство узревших во тьме судьбу,
тех, у кого под ногами сгнивший мост,
кому жизнь - не пир, а пост,
чей удел - острог и блокпост,
 кнут и хлёт.
Их отпустит Великая Кривая - и кончится плен.
Но тогда уже не будет ни сетей, ни стен,
ни прилежного круженья по трубе
 вперед и назад.

.....
.....
В конце мира остается
Душа нерожденного
 правдивого
 скальдического
 Слова -
и взгляд.

17 марта 2003, Gamli Gardur, Rvík

¹³ «Золотой водопад», один из крупнейших водопадов Исландии, национальный символ и туристическая достопримечательность.

В ПОЛНОЛУНИЕ

... Что творится с этим народом при полной луне!
Небесное хлёбово становится сочным и пряным.
Острия черных елей отвесно падают в тишь –
в прозрачную чашу.

Правда, по краям как всегда городская ржавчина,
Но неудержимо и властно приходит луна.
Словно небо чревато круглым и важным словом,
которого не хватает,
но которое всегда было живым в потаенном сне.

В синеве у зеркала
украдкой наблюдаю, как изменяется взгляд:
превращение в волка.

16 января 2003, Рейкьявик, утро (выпал снег)

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ВОЛКА

Þú ert að tala við úlf!¹⁴
ÞEYR

Уйти из-под шкуры в полночную ярь
да ключ обронить у запретной реки!
Здесь время застыло, здесь вечный ноябрь,
сквозь кожу земли прорастают клыки.

Неверен прицел и непрочен заслон,
личины людей – маскировка в толпе...
Из дома, из склепа, из черепа – вон!...
И око желто полыхнет на тропе.

Раскроются двери, они ни к чему.
Теперь под ногою – промерзшая гать.
Когда обрываются тропы во тьму,
восходит здесь царство не могущих лгать.

Молчи, примечай!
Луна над горой!
Век правды встречай!
Золу информации выметут ветер и вой!

.....
.....

Нас полночь отпустит в начале весны,
Очистившись, снова мы спустимся с гор.
Но серую шкуру с рубцами луны
под кожей, под сердцем – сокроем с тех пор.

22. января 2003

¹⁴ «Ты говоришь с волком!» (исл.) – Строка из песни исландской панк-группы «Оттепель».

У нас внутри живет паук.
Он ходит между ребер, словно в клетке.
Жрёт наших грёз прозрачные конфетки,
наш гнев, презренье и испуг.

Паук живет у нас в груди.
Он прочно присосался к сердцу.
Залеплены отдушины и дверцы,
безбрежные зияют пустыри.

И находясь в крошечном городе,
мы ублажаем паука.
Плетется паутина в бороде,
за кормом тянется рука, -
чтоб он хоть на мгновение заснул
и между ребер боль умолкла!
В сердцах – почетный караул.
Бредем мы тихо по соломе волглой:
Не разбудить бы паука в груди!
И дни, отмеренные болью, впереди.

.....
.....
... А на ветру в горах он умирает
и в грудь не источает страх.

Июнь 2004

А – это поле.
Е – это небо.
О – это зданье.
У – это тоннель.
И – остриё.
Очертили, оживили пространство гибкие звуки.

А – простое, рыжее и плоское.
О – белое и пустое.
Е – рябое, как перо птицы.
И – гранёное и твердое.
У – бархатное и желтое.
Голос примеряет звуки, как различные платья.
Голос входит в мертвые предметы незримым витком.

Небо – поле – храм – клинок – коридор...

... Так ты научил кусок дерева человеческой песне.

28 апреля 2004, Рейкьявик, 7 часов утра.

ИЗ КОЛОДЦА ЛУНЫ И ПОДСОЗНАНИЯ

цикл

*Biddu alltaf með það til morguns
að vita hvað myrkrið segir þér.
Guðbergur Bergsson¹⁵*

I

Скакали по невысошему долу, по промерзшей земле,
по кладбищу, по хламу,
по крамольной глубине ноября,
воздвигали кровавые кресты
по корням, по краям,
колебались между поисками кайфа
и жаждой смысла,
красными знаками
украшали грудь, -

И рождалось слово во тьму.
Рождалось слово во тьму.

И рождалось слово –
наперекор решеткам, проводам, железным углам.
Хлесткой вспышкой –
поперек стальной нити
в жилище норны.
Непрошенное слово, незапланированный взлёт.
Звук из чрева мглы –
кровавая световая нить –
вперерез, поперек,
обвивается вокруг сырой шерсти на вселенской прялке.
Лишь она уцелеет –
- когда ножницы сверкнут над головой.

Кто мечен оком тьмы и подсознания - сильнее судьбы.

II

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ВОЛКА II

Царство плоти, царство лжи,
царство каменной луны.
Непреклонны ваши сны.
Неприступны рубежи.
В коченеющем мозгу
никнет кровавая гроздь...
Зацепилось – сорвалось...
Черный куст в сыром снегу...
Что сказалося – что осталось

¹⁵ Всегда жди до утра, чтобы знать, что тебе скажет темнота. (исл.)
Гвюдберг Бергсон (совр. исландский поэт и прозаик).

от неспешных робких дум?
Темнота да ветра шум,
глинобитная усталость.
То ли гений, то ли бред...
Утром будет вам ответ.
Утром будет вам порядок,
верю, пепел будет сладок
уничтоженных стихов.
Будет сердце – без оков.
Будет шаткий мир спокоен
под покровом голубым...
Только тьмы урок усвоен,
на заре – ты стал иным.
Заведен другой расклад!
В нем ни граней, ни систем.
И душа с луною в лад
льется вон сквозь тени стен.

III

Закаты, запреты...
В ночь - зеркальный зал, страшный суд!
.....
а с утра запечатывают мозг желтоватой газетой.

IV

Луна в подвал.
Кто предал – кто не выдал – кто узнал?

Стальной замок.
Блеск лезвия – размотанный клубок.

Верь на трубе...
Молчащий – что ты знаешь о судьбе?

V

А я распят на колесе,
зубчатом ржавом колесе,
я стал счастливым, как и все,
и примирившимся, как все.
У них глобальная любовь,
у них отлаженные сны –
- а ты свой дух к беде готовь,
встречай мясной рассвет войны!
И черной музыкой тоски
оповяжись в сырую ночь...
Они довольны и легки,
они спешат со склонов прочь.
В груди стальное колесо,
сырое злое колесо, -

а я спокоен, как и всё.
Пластмассы пир! – приемлю всё.
Горелый мир! – увижу всё.
Поляны в кровавой росе.
А я распят на огневом
глобальном черном колесе,
повитом беспросветным сном.

VI

Заметней стали
расползшиеся швы на стыке времен –
с высоты виселицы.

VII

На этот век
Уже давно налипла
Рыбья чешуя прогресса.

Все – 10 марта 2003

СОЛНЦЕВОРОТ

Тлей, земля! Гори, бумага! Возвращайся, солнце!
Огненные змеи ползают по черному листку.
Огненные змеи ползают по черному листку.
Огненные змеи ползают по черному листку!
Серебряные горы. И пепел наводит тоску.
Тлей, земля!
Гори, бумага!
Возвращайся, солнце!
Я опять врастаю спиной в кладбищенский лёд.
Я лежу на могиле; но из этой могилы выйдет свет, выйдет
солнце, и настанет Солнцеворот!
Единственный настоящий – среди всех залитованных
празднеств - Новый год!
Полон мясом мой заплечный мешок. У меня есть огонь.
У меня есть огонь.
Он белый.
Он будет статен и высок.
Он взовьется до небес, до деревьев, уперших своих сучьев
штыки в черное небо,
расправивших костлявые пальцы и пытающихся поймать в
них золотую звезду.
Он будет гореть долго, его увидят все.
Когда он тронет небо, то его цвет изменится, и он
преобразится в зеленый огонь,
Даже не столько в огонь, сколько в чистый поток света без
примеси гари и пепла,
И люди скажут: «Вот северное сияние!
Мы ждали его так долго, и наконец оно явилось!»

Солнце вернется.
Может быть, в мире останется по-прежнему темно,
Но оно вернется в наши души.

Оно вернется в наши души.
И свет будет по-прежнему струиться у людей из глаз.
Будет свет у людей из глаз.
Будут крылья за спиною у нас.
И не станет считаться нелепым священный экстаз.
Я бреду вдоль по лунному лучу.
Я бреду всё дальше и дальше по льду, по инею, по зеленой
мертвой траве, по взморью, по склизким водорослям на валунах, вдаль, на
восток, к солнцу, куда повернут звездный рог, куда стремятся все
взгляды, куда всегда смотрит ворон, если он затерялся в великом слепом
пространстве.

Тлей, земля!
Гори, бумага!
Открывайся, могила!
Выходи из сырой земли, промерзшее за зиму солнце!
Сегодня истинный Солнцеворот!
Солнцеворот настанет, он настанет скоро.
И будут костры по всей земле.
И будет солнце в каждом окне
Вместо отживших свое
Желтых рождественских свечей,
Уже испачканных в золоте.
Тлей, земля!
Гори, бумага!
Падай, звездные гвозди, вон из неба!
И тогда с неба полностью и окончательно снимется черный
покров,
И оно будет таким же чистым, как было в начале времени.
Мой заплечный мешок полон мясом.
Мой заплечный мешок полон мясом.
Мой заплечный мешок полон вареным соленым мясом.
...Когда-нибудь небо разродится светлым священным
часом...

(игра на варгане)

18.декабря 2003, 10 часов вечера, Рейкьявик

УТРО ПИСАТЕЛЯ

Паук молчал.
Тень отражалась в зеркалах.
Лохмотья мысли по плечам.
Крыло усталости на выцветших глазах.
В моей каморке ночь.
А на востоке торжество.
Безумцу дело до всего!
Вставай, машинку обесточь,
вставай, и глянь в окно,
и солнцегривый конь
пусть пожелает нам спокойной ночи.

И ждет тебя глубокое гнездо,
что свито из коротеньких часов,
оставшихся до той поры,
как грянет над башкой церковный колокол
и город нарядится в сарафан из толп.
Тогда ты встанешь, как гранитный столп,
и согласишь взглядом жалкий и священный бред,
что выпустила из души
горячая рука бессонной ночи.

Лето 2004

10. ГНИЛОЕ НЕБО

ГВОЗДИ

Человек сделан из сырого мяса. Руки его – деревянные гвозди, воткнутые в земной шар. Из его рта капает серое безразличие.

Человек сделан из воздуха. Его душа не выносит соприкосновения с наждачной бумагой реальности. Поэтому он постоянно возводит вокруг нее оболочки. За легкой изгородью скелета – непроходимая толща красного мясного тела. Вокруг тела – одежда. Вокруг нее – жилище. Стены, заборы, границы – лишь бы уберечь эфемерный сгусток энергии от раздражающих шипов.

«Мы тут занимаемся сотворением прекрасного, а не торгуем мороженой картошкой». «В моем мире нет никакой агрессии, кроме меча над головой, змей в сердце и паука в углу»... - Нагородил вокруг много слоёв непрошибаемой брони, а сам не знает, здесь ли он.

Стены, заборы, могилы, - а вместо электрического локона в центре сгусток черного тумана. И капает, капает изо рта липкое равнодушие.

И опять лепятся хлипкие фигуры из сырого мяса. И втыкаются в раскаленную землю острые люди-гвозди.

2 августа 2004, 4 часа утра, Рейкьявик

РЫБАЛКА НА ОЗЕРЕ

Пляшет рваный ветер в траве.

Праздник умирающих рыб.

Камнем заткнут рот на заре.

Кровяного змея изгиб.

28 августа 2004, Árnavatnsheiði

ГНИЛОЕ НЕБО

Городили смыслы на смыслы.

Разбивали камни о камни.

Забивали досками ставни.

Брали голыми руками числа.

Изломали розги о спины,
истрепали души о кроны, -
вылепили небо из глины:
не пробить да с места не стронуть.

В каждом сердце толстый слой смальца.

- Здесь и смерть закатана в пластик! –

Вытирают ó небо пальцы,

опоясавшись лентой свастик.

Над городом гнилое небо.

29 августа 2004, Úlfsstaðir

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

На новогоднем празднике в доме престарелых
безногую старуху в кресле-каталке
нарядили герцогиней
и вручили в подарок замшевые туфли.

16 февраля 2005, Москва, 14:56

ДЕТСКИЙ МИР

Дети живут во взрослом мире,
видят предательство и гибель,
видят грабёж, нужду и голод,
видят ненужные запреты.
Лепечут из песочниц об экономическом кризисе.
Судят чужую куклу за совершенье теракта.
Дети живут в крошечном мире
под зыбким статусом «неграждан».
Им полагаются разноцветные пластмассовые очки
и наушники из шкуры плюшевого мишки.
А лучше запереть их на ключ в бумажном раю
и скорее, как можно скорее обучить инфантильности.
Потом отгородить собачью площадку
и назвать ее «зоной счастливого детства».
Скорее, как можно скорее обучить слепоте,
беспамятству, легкомыслию и невежеству.
Запечатать в мягкий конверт и поставить крест.

Пока кривобокий мир не осел, ломая подпорки,
под тяжелыми взглядами маленьких судей.

16 июня 2005, четверг, 5:02 утра, Москва

Лирика Нерона.
Картины Гитлера.
Новеллы Давида Оддсона¹⁶.
Земной власти недостаточно –
еще бы небеса стальным тросом прикрутить к флагштоку.
Выставить часовых
в каждой подозрительной голове.
«Взгляните на эти строки, они расположены стройными
рядами,
как солдаты на параде!»
Изгибы почерка напоминают колючую проволоку.
Переплеты томов похожи на тюрьмы для стихов.
Всё опрятно, всё под контролем.
БГ вступил в ГБ.

3 июня 2005

¹⁶ Бывший премьер-министр Исландии, лидер консервативной Партии Независимости, проведенный у власти ок. 16 лет и снискавший нелюбовь исландского народа.

НЕ НАДО УМИРАТЬ

Смерть людей
планомерно толкает мир
в оскаленную пасть будущего.

24 июня 2005, Москва

УЛИЦА 1. ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ (импрессионистический пейзаж)

поется на мотив песни Е.Летова «Какое мне дело»

Искусственный дядя стоит на крыльце,
его униформа стекает ручьём,
над ним полыхает пластмассовый шар.

Над ним распухают хмельные дома,
дома-шоколадки, «коттеджи в кредит».
Дома как актрисы в цветном кабаре.

Плакаты растут в беспредельных домах –
плакаты-удавы над зябкой зарей, -
плакаты стекают в расплавленный мозг.

Плакаты стекают, плакаты плывут,
плакаты играют с живыми людьми,
плакаты вбирают небесную грязь.

Искусственный дядя прищурил глаза, -
насмешливый, гордый, безмолвный *призра́к*, -
и руку свою положил на живот.

Дома как актрисы в цветном кабаре,
над ними – плакаты, обвившие мозг.
И всем неповадно, *и кто-то молчит...*

Ноябрь 2004

Убогое тепло той ситцевой страны,
эпоха ломких беззащитных истин.
Еще мы верили: обнимет и очистит...
Тогда мы были ей нужны.

Начало июля 2005

Два друга спят под одной шинелькой.
Двум влюбленным достаточно узкой койки.
Людскому эгоизму тесны километры перин.

Конец сентября – начало октября 2005, Úlfstaðir

11.ЗАКЛЯТИЕ ЗМЕИ

I. Заклятие змеи

БЕЛЫЙ ОГОНЬ

Свеча,
сестра костра.
Коса
твоя остра.
Язык твой –
лучик,
оборовший прах.
Сказать он может правду
обо всех мирах.
Протянет руку мне огонь
тысячепалый, -
и ключья пламени падут
в ладонь
листвою палой –
от света белой, -
и присмирееет разум охладельный
на высохших каналах.
И из него, как из яйца,
проклюнется иное,
неведомое власти лжи
и гноя.

В огне
сгорает на корню
вся клевета.
Подаст он руку мне, -
и сохраню
я оттиск белого перста.
Огонь – бел.
Он - живой.
Мира предел.
Духа покой.

Вкусивший его –
не вернётся в безногий строй.

1 марта 2005 23:53, Москва

Я был у вас в раю. Там очень холодно.
Там вместо солнца свет от палевых цветов.
Тяжелая роса въедается в овечьи спины.
Там нет домов. Во мхах одни руины
и тёплые ручьи текут в обрыв.
Всё позади. Всё груз веков. Всё миф.
Ни гроба, ни прицела, ни острога, -
Но кончилась земля и кончилась дорога,
порыв угас, на нет сошла история...
Предвечная тупая морда моря

и холодный воздух.
Простора много, да стремиться уже некуда.
А все песни, все желанья и мечты лежат позади,
как неисхоженный континент.
Там все языки, все дороги...
Но очень скоро будет поздно поворачивать назад,
И вырастет стеклянная стена
за стылою спиною...
Я возвращаюсь!
Светлому покою
Не заменить потребности живых людей
всегда бежать по лезвию времён
навстречу будущим сомненьям и мечтаньям,
что слаще этих палевых цветов,
ценнее этих искорок росы...

А главное – у вас здесь очень холодно!

7 мая 2005, 5.45 утра, Москва

Пора меж волка и собаки,
в которую исчезло время,
и нечисть выползает из углов
(воспоминания, сомненья),
и в темноте не шевельнуть рукою,
не закричать в глухой стеклянной мгле,
когда рассвет – спасенье, пусть безликий!
И ты лежишь в своей ладье,
и над строною – крестики молчанья.
Оно колышется, оно стоит века,
всех победит его громада.
...Стеклянный шар в открытый рот:
стеклянным будет твой приют,
стеклянным сделается голос.
Хребет твой опадёт червём,
и ночь покажет все твои стремленья
в обличье маленьких безумных птиц,
которым место лишь в когтях лисы,
а в целом, в них ни пуха и ни мяса.
И преподаст урок тотальной пустоты.
Урок молчания. Урок остеклененья.
И не поднять руки, и глаз не отвести...

Доплыть бы до холодного рассвета,
когда стекло не давит горло,
когда ясна дорога и удобно и удобно платье...

Спасён!

...Спасён?

8 июня 2005, 4:10 часа ночи, Москва

ЗАКЛЯТИЕ ЗМЕИ

Змее же ведомы вибрации земли
и пенье почвы под упругим телом:
еще был лёгкий солнечный песок, -
а тут уже трава и камни.
Ей ведома и форма облаков,
их скорость, цвет, расположение.
Она читает это всё легко:
ведь облака на бесконечном многоликом небе –
зверей умерших души.
Ей ведомы дожди.
Ей ведома весна.
Еще ей ведомо такое,
что вы не видели и в самом страшном сне,
когда недобро выгнутся убогие цветы
и выкатит железный из-за горизонта,
всё ищущий, кого бы победить.
Ей наизусть известен бабий страх,
ученых раболепье
и копошенье маленьких святых,
вопящих о победе над драконом. -
Самим смешон заржавый меч в руках,
а всё твердят, что только в нем спасенье,
и всё стремятся повенчать
служительницу тихую земли, -
чешуйчатую, остромордую,
читающую взглядом облака, -
с своим горбатым неживым пентаклем...

А Фафнир – человек!
И клад его – людской!
Он в человеческом облике возлёт на золото,
и стала тронем желтая земля.
И съжились тела усталые зверей
В изображенья на монетах...

8 августа 2005, 18:30, Тверская обл.

ТУМАН

Отволглые холстины серо-пепельного сна.
Бутоны, паутины, стебли, слизи, семена.
Весь мир, укрытый простынью холодного тумана,
и я под нею ползаю в листве сырой и пряной,

И ни огня за полем, ни тропинки впереди...
И я не стану здесь своим: тепло в моей груди
не даст мне сбросить бремя дум, столетий и держа
и раствориться в белом сне качающихся трав.

Начало августа 2005, Тверская обл.

Вдоль дорог крылом цикадным
веет клеверная тьма.
Здесь горбатые дома
угасают безвозвратно:
на глаза избы опрятной
ляжет лет слепых сурьма.
Среди трав растут и падают
еловые венцы.
Руки ветрового лада
тянут времени сосцы –
и изба, внутри пустая,
тихо валится в траву,
запрокинув кверху шею.
К тихим тучам обращает
глаз чердачную канву.
Остов – в зарослях кипрея.

А с дороги – не посмеем
кинуть взгляд в живую темь,
где бревенчатые спины
оплетает ветка-время.

Нет тут нечисти. Руины
умолкают в звонкой тьме.

25 июля 2005, в деревне Плосково Тверской обл.

ВЕК ПЕНТАКЛЯ

Попраны причины явлений.
Разорваны связи.
Правят землю князи,
восставшие из недоброй грязи.
Буйвол загряз в трясине.
Уснул на сальной перине
раздоров и склок
любимый сынок –
цветок лазорево-синий.
Пентакль ему в сердце!
Да кнут ему в руку!
Да шип ему в сердце!
Да кнутом по спине, чтоб неповадно!
Трижды неладно
хранилище, где
чуть откроешь сундук –
а оттуда змеи!
... .. Мутировали боги:
ни Юноны теперь, ни Фрейи!
Языком цифр
глаголют

вытертые небеса.
Хищные ангелы зыркают,
кто кого объест.
У вещей, у слов –
поблекла былая краса.
Золотистая жижа
из потаенных мест.
Был Орест
И Пилад –
стал этап и арест,
и на троне – Пилат!
И на троне – Понтий Пилат,
там, где раньше были друзья Орест и Пилад.
Золотая жижа по всей земле.
Назревает новый всемирный потоп.
Закипает злоба в хмельном котле:

век секир, век мечей, век бурь и волков.
Век пентакля!

.....
В хмельном болоте синие дремлют цветы.

Кровь сердец в корней переплётё.
Это шаткие
гнилые
поруганные
осмеянные –
но ведущие вверх,
через трясины –
к богам мосты.

12 августа 2005

ИСТОЩЕНИЕ

Зеленый глаз компьютерного зверя
нелепо отражается в стекле.
Нависла электронная тетеря.
Кирпичное молчанье на земле.

Живут предметы. Их значенья тают
и ширятся стоногие тела.
И смотрят из полночного стекла...
Они диктуют.
Они карают.

И человек один среди вещей!
Но он уже не может их заклясть
(ночь отметет любую власть).
Его слова – не острый сноп лучей,
а пыльный призрачный комок.
А вещи – здесь. Они реальны...
И голос выльется опальный
куда-то внутрь... в загром... в песок...

И скошенный болгается червяк
в броне слоновой из предметов!

И ухватить бы хвост рассвет,
чтоб страха душная зола
опять легла в углу,
да сдвинуть зеркало с квадратной жирной тенью.

Чужие руны на полу.
И нет простора...

Истощенье.

ок. 17 августа 2005, Москва

Надёжность каменных имён
от вас закрывает дыры времени, -
и будто терем не снесён,
и будто нет бескрылой темени
над грудой брёвен, кирпичей,
и не цветёт кипрей в золе,
и не замолк рудой ручей,
и отраженье есть в стекле,

и что ещё осталось право,
воздевши травы
в своих руках,
писать о милых пустяках....

28 августа 2005, Твер. обл., 15:58 по московскому времени

Буйный конь человеческих страстей,
непокорное звонкое тело!
В нём струенье медовых лучей,
пеньё крови и молнии белой.

Я ещё не могу управляться с конём:
стремена мне пока не по росту.
Всадник-разум трясется нелепым мешком,
прокинает летучую поступь.

Он привык к деревянным коням:
там ни бунта не жди, ни загадки...
Мои руки скользят по тугим волосам
непокорной волшебной лошадки.

Я-то жил в бестелесных краях,
где не знают потерь и отсрочек,
где никто никогда не слышал о конях
человечьих земных оболочек.

Всадник-разум мотается в жёстком седле
на спине непривычного зверя.
Если только бы сам он – как будто в игре –
стал конём – хоть на малое время!

Под седлом и в седле – я и зверь, и мудрец,
я и конь, я и всадник отчаянный.
Но никто из двоих не наденет венец,
ведь никто над другим не начальник.

Я и зверь, и мудрец – человек на земле!
Нет ни небу, ни недрам предела!
Между безднами я на горячем коне,
на коне непокорного тела!

Я еще научусь управляться с конём,
подберу себе сбрую по нраву!

И постигну блаженство: обветренным ртом
закусить обожженную траву.

2 сент. 2005, Тверская обл.

П.Я был у вас в раю...

ПЬЕДЕСТАЛ

Когда тебя назначат совестью страны,
учредят официальный пост,
рупор приставят к золотым устам, -
куда-то денутся твои все откровенья?
На твоих глазах нарастут очки –
стеклянная короста не лучшего цвета.
А вокруг гортани
обовьется галстук ярко-алой змеёй.
Когда тебя провозгласят царём,
погаснет и рассыплется твой звёздный венец,
место на башке уступив металлолomu.
Когда ты станешь героем – меч твой заржавеет.
Ноги покроются цементом.

И как тогда понять заплутавшему в ночи бесфонарной,
на что наткнулся в потёмках:

Твой пьедестал,
забор
или каменный угол тюрьмы?

29 сентября 2005, Рейкьявик

Дождь истории.
Смена империй.
А мне – как обычно:
отвоёвывать зеленую мёрзлую картошку у липкой земли
и печатать плоды своих сокровенных дум
в Беспросветиздате.

1 октября 2005, Úlfstaðir

ЗАРИСОВКА

Серый дом, золотое небо.
Никак не найду в темноте своей табакерки.
Куда ни ткнёшь руку –
Везде бумажные куски моего прошлого.
Они на разных языках, им не сойтися под одним переплётом.
Я подвешен на вершине мира прозрачным днём.

6 октября 2005, Рейкьявик

И я пошел.
Пешком в метель
железными дворами.
Здесь будет ночь, здесь будет Хель,
мне места нет меж вами.

Шею обвивает петля скользкого холода.
На ногах кандалы бездонной вечерней сырости.
Грудь пронзает копьё непогоды –
нет больше тела!
Одеревеневшее сознание мятётся одно
среди заиндевших кустов.
Не в руки вонзаются крючья мороза, а прямо в сердце.
Плётка ветра обивает мозг, ничем не покрытый,
прометает все закоулки: «Что́ ты там прячешь?
Не таись; в век бурь и волков
ни у кого не должно быть секретов!
Будь на ладони, будь беззащитен!
хлыстхлыстхлыстхлыстхлыст».

Ветер, брат мой, с каких же пор ты стал мне врагом?
Ночь – соболя шкура, откуда у тебя когти?
На твоём воздушном брюхе – ордена, свастики и кресты.
Они колючие, царапают ломкую бумажную кожу.
Как же так?
Прежде вы были роднёй, – а теперь хотите отобрать
Алую теплую каплю, запрятанную в сводах сердца?

- «Иди, бедняжка, в тепло.
Мы тебя накормим, водочки нальём.
По телевизору скоро последние известия...
Да не шарахайся!
Постой-ка, а ведь ты, наверно, сбежал
из закрытой лечебницы, там за толстым забором?
Вот крюк, а вот засов!
Сиди тут!
Я позвоню в полицию!»

28-30 октября 2005

НОЯБРЬ

(цикл)

1.ОТТЕПЕЛЬ

Плывёт ноябрьская весна.
Кипит в углах сырого дома.
Морскою губкой вымерзла трава.
И водоросли нить из мшистой глотки
квадратной арки.
Солнце, снег, бумага –
всё растворилось в мокрой темноте.
И жесткой и тугой веревке
полярного сиянья
не удержать в своей петле
размокающий, разваливающийся мир.

9 ноября 2005, Рейкьявик, 8 часов утра

2. ***

Земле не дали слова.
Горам не дали слова.
Времени не дали слова.

Бумажная весна так и крутится в потоках ветра.
Под глухую паранджу истории
Упрятана живая страна.

9 ноября 2005, полночь

3. ТЕЛО И НЕБО

Схватить себя когтистой пятернёй
за липкое нутро
и вывернуть всё тело наизнанку.
Чтоб ветры высушили слизь
и гной бессонных городских ночей
омыли небесные струи.
В студёной голубой и влажной пустоте
над грязными горами...

... Тогда нутро познает небо...

ночь 13 ноября 2005, 03:23, Рейкьявик

ПОЭТ В ДЕПРЕССИИ (песня)

Пожѐг все свои альбомы
в голодной и черной печке,
пытаясь найти замену
соей обветшавшей свободе.
Наружу хотел выйти вольным,
а вышел-то – беззащитным,
Пошел по полям, -
на растерзанное сердце
наметая грязь подвалов,
собирая вонь помоек,
волоча его по камню.
Подставляя ветру внутренности, клочья жил, сырое
мясо –
далеко видать в раскроенную грудь и сквозь нее.

Много лет ходил по миру,
превращался в страшный призрак,
превращался в вольный ветер –
и искал оправданья.

Просил страну подвалов отпустить его,
говорил: «Я же мертвый, зачем я вам?»
Глаза слишком долго смотрели в темноту –

сделались черны.
 Все колодцы отчаянья измерены его ногами.
 Все огненные реки прячут его отраженья.
 Он говорил: «Пустите меня, я живой» - сам себе
 противоречил.

Из своего отчаянья такую воздвиг себе броню –
 нипочём не прошибить.

Стал сильнее в своей незащитности,
 в своей ненормальности, своей ненужности.

Долго не знал, человек он или нет,
 и кто же тогда – бог или зверь.

На плечи легла тяжелая шкура судьбы...

А когда он опять вернулся в мир людей,

тёплый, опрятный, бодрый мир людей,

ему достались лавры,

уютное жильё,

слава и почёт -

но казалось тесно

и негде повернуться –

привыкшему к безднам и полям.

25 ноября 2005, Рейкьявик, полдень

ПОЛНОЧНЫЕ ЦВЕТЫ СЮРРЕАЛИЗМА

Полночные цветы сюрреализма
 растут в извечной бархатной пустыне,
 унылые ковры крестя землёй с корней.

Они гудят, они тревожат,
 как ветра вой в пустых бутылках
 и зеркало во тьме.

Они живут. У них глаза и сны.

И замерли с разинутыми ртами

галстуконосцы:

ведь ожидали – с флагом, с пикой, с пушкой,
 с какой-то политической программой
 и в униформе.

А он пришел – с одним лишь словом
 на непонятном языке.

Словесное в ладонях встрепенулось семя –
 и заглушила поросль сорняки,
 преодолела тяжкую кору
 асфальтового сердца, -
 и вот уже качаются цветы.

Поблёскивают лепестки в ночи,
 как лезвия клинков, -

но никому не страшно.

Полночные цветы сюрреализма

позвякивают внутри черепов

как чаши на пиру в честь окончанья битвы,
 в которых проигравших нет.

Растут полночные цветы...

27.-28. ноября 2005

Разверзлась города могила,
(и) черви мыльных поездов –
по сторонам!

Настало время.
Качнулись чёрствы́е дома.
И вышло время: зреть сквозь стены,
листать бетонные сердца.
Собрать в себя мильон пощечин
и подружиться с ржо́ю.
Но вот гудит натянутая кожа,
и распрямляется душа, как медная струна,
как тёмная могучая пружина:
- и живы все!

А город весь раскис
в своём рутинном маленьком пото́пе;
а сквозь него стремительный полёт вниз головой.
... И алые поляны...
И гениальный зверь в святой грязи,
своим питающийся мозгом,
и мегатерий.
И шаткой тьмы сырое око.
Обрыв!
.....

РОЖДЕНИЕ ПАНК-РОКА¹⁷

28 ноября 2005, Рейкьявик

ГЛЯДЯ В СВЕЧУ

В огне иные города,
иные золотые страны,
где восковые океаны
не подчинятся зову льда.
В огне лежит моя земля,
внутри свечи настроив горы,
из воска пряные озёра
и бесконечные поля.
В огне обуглен чёрный столб;
там пляшет огненное древо.
Его блаженные напевы
не осквернятся рёвом толп.
Есть целый мир внутри свечи:
Она погаснет – он погибнет!
И дверь во мгле печально скрипнет,
и выпадут из рук ключи.

¹⁷ Последняя строчка стихотворения – это его название. Читать стихотворение можно обычным способом: от первой строки к последней (она же название) и наоборот: от названия (оно же последняя строка) к первой строке. В первом случае смысл будет: инициация и смерть, во втором – прорыв из реальности в запредельный мир.

И мозг обёрнут пустотой...
Во тьме одно лишь несомненно:
Я жил – я видел мир золотой,
первоначальный и священный.

19 декабря 2005, Рейкьявик

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДЕПРЕССИЯ

Осмеянный,
словно липкой лентой обклеенный,
увешанный
дешевыми бубенцами,
с раздувшимися боками,
покрытыми рекламными щитами,
в голубом гордом городе
ни-ког-да не имевший дома,
ждущий погрома,
грезящий о чистом аккорде
(он даст возможность переждать,
переметнуться через тьму,
когда усталому уму
предложат черную дыру,
а телу – влажную кровать
с подземной лампой поутру) –
не знающий, в каком из всех миров затерян,
весь обстукан,
 обрисован,
 обмерян,
с душой, взлохмаченной
 как бурая осенняя трава –

Вошел в пределы рождества.

16 декабря 2005, 16:42, Рейкьявик

Расстреляли над обрывом,
растянули на крючках.
Выжгли ядом злую гриву
в покорившихся зрачках.
Набежали – обложили –
- развернули – раскрошили.
Бросили в казённый ил,
в ночь сожгли остатки крыл.
И лежал во тьме сырой,
в валуны вращая спиной.
Тело таяло под ливнем,
истончалась земля.
На груди насечен бивнем
знак вселенского нуля.
...Нет землицы под спиною.

Развернулся звёздный зал.
Поздоровался с весной,
в темноте обрёл глаза.
Послетали все печати.
Повернулся выключатель...

Так он впервые увидел небо.

Декабрь 2005, Рейкьявик

12.СИНЕЕ ОГЕННОЕ СЛОВО

Аса-Тор сказал человеку:

Говорю тебе: исцелись,
исцелись от всех твоих дел.
Ты болен работой,
ты ранен контрактом,
прикован к постели
всеми своими обещаньями,
на ломких ногах
по центру шатаешься в бреду, - говорю тебе, исцелись!
Уврачуй свои язвы стихами,
небесными травами.
Выздоровей от гнёта
мрачного слова «надо».

А иначе я не смогу с тобой говорить:

ведь ты дрожишь, как в лихорадке;
как ты внемлешь совету,
если в ушах копошатся предписанья,
словно маленькие клещи?
Я говорил с тобой,
но ты слышишь лишь грохот
своего тяжелого дыханья,
лезешь в погреб за манящей тебя лисицей,
падаешь в обморок в конторах.
Обязанность, сердцу немилая – это болезнь.
Исцелись от нее!
Ты примешь поводья от круглой небесной колесницы, -
и тронется воз над горами, над заливами.
Тогда приди вновь.
Я пока не скажу тебе больше.

...Лёгкий щелчок упавшей ягоды по щеке.
Разговор прерван.
Снова вокруг обычный мир.

8 сентября 2005, 17:05, Москва

Был квадратный человек,
а теперь человек без углов.
Квадрат – одномерная фигура,
человек же стал многомерным.
Он убил черную лисицу,
вынул из мяса солнце,
запел своим красным горлом, -
исцелился
от печали.

2005

САМОУНИЧТОЖЕНИЕ И ВОСКРЕШЕНИЕ

Пришла лисица.
Седая шкура.
Гнилые зубы.
Сырое брюхо.
Пришла с рассветом.
Отъела мне голову.
На том месте вырастет голова свиньи.

Пришла седая
Перед рассветом.
Глаз ее – камень.
Руки ее – ножницы.
На солончаках
велела растить цветы.
Голова свиньи скалит зубы на шесте.

Замолчало эхо.
Опустело зеркало.
Рухнул костяк.

Рухнул костяк –
Вся прежняя гниль.
Нет мух
вкруг пустой колоды.
В зеркалах алый блеск.
Над горой белый луч.
Нет свиной башки
на плечах солнцекрылого.
Будет бескрайняя просинь,
а гниль – в Хель!
Из хлябей страха и сомненья выплывает
света колыбель.

26 августа 2004, Исландия

РАЗГОВОР НА ДОРОГЕ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ

- Вот они, облака
в лиловом вечернем небе.
За ними – янтарные реки.
За ними – солнечный жернов.
Над ними скользят самолеты,
взбивают крыльями волны,
и облака принимают
невероятные очертанья.
Плывёт небесная мышь,
надувшись розовым ветром,
ее настигает туча,
согнувшаяся птичьей лапой.
Другое облако – голубь,

другое – лосось в прыжке,
а то – совсем как овца,
а это – морда собаки.
А ветер их разгоняет,
сбивая в другие фигуры.
В бесформенной шкуре неба –
простор для людской фантазии!

- То, что ты видишь в небе –
не прихоть воображенья.
Очертания облаков –
это души погибших животных.
Лишь на короткое время,
когда солнце светит сквозь тучи,
им дано воплотиться
в зыбкой облачной шерсти,
и снова глянуть на землю
до нового всплеска ветра
и уступить место новым.
А сколько еще их в небе!

- Так бы сказал поэт.
Но разве это докажешь?

- Пока я тебе объяснял,
что значат эти фигуры,
под колёса автомобиля
из оврага метнулась чайка.
Значит, скоро она,
блистая облачным клювом,
промелькнет в небесном зверинце...
Следи за движеньем туч!

- Да, вижу: крылья и клюв
в волнистой гряде на востоке
и след колеса в облаках...
Над нами – небесное кладбище!

- Над нами – всё тот же мир,
что в поле и на дороге.
А солнце осветит всех:
и птиц, и людей, и призраков.
А мёртвые не уходят.
Они остаются в мире
и наблюдают за нами.
Лишь надо суметь их увидеть
в движении облаков,
в колебании тёмных листьев,
в раскинутых косах ручья,
в сладостном мхе сновидений.
Они остаются с нами –
и целостность мира не рухнет!

Но нет здесь гнили гробов,
и мир не становится кладбищем.
В мир только входит грусть,
тихая, как вечер над полем,
над которым солнечный жернов
мелет ветра и думы.

И двое наивных мудрецов
под взглядом облачной птицы
завершают свой разговор,
посвященный устройству вселенной.
И продолжают свой путь.
А небесные звери смотрят –
до нового всплеска ветра,
до нового разговора.
А сколько еще их в небе!

Июль 2005

ГОРЯЩАЯ СВЕЧА

Фитиль свечи и веточка можжевельника сплетаются друг с другом, заключают друг друга в объятия, как двое побратимов. Огонь вокруг них крестообразный (!). Но вот веточка можжевельника уже сгорела, она рушится, тонет без следа в горячем кровавом воске, и остается один лохматый фитиль, он вытягивается в огне и похож на смотрящую вдаль крошечную женщину в черном: мать, вдову, подругу, с тоской вглядывающуюся в кровавое восковое море, забравшее у нее того, кого она любила. А потом черная женщина застывает, замирает, превращается в черное дерево, а вместо листвы у него пляшущий огонь. Вокруг опадают и растут красные восковые скалы, красная восковая лава течет и застывает на маленькой круглой свечной планете, и фитиль – ее Мировое Дерево, ее Иггдрасиль и Эдемская яблоня. Всё, что я вижу в свече – очень-очень маленькое; но от этого оно не перестает быть величественным. В горящей свече, колебании ее огня, росте и опадении фитиля в центре воскового моря – заложен великий миф о Мировом Древе, древе-человеке, древе-мудреце, древе-огне. Когда я смотрю в свечу – я убеждаюсь в целостности мира, нахожу в его нутре энергию, которую, как мне казалось, я утратила. Горящая свеча = мир (и человеческое существо) в миниатюре. В свече спрятано еще много других мифов, кроме мифа о Мировом Древе (точнее, это мы только называем их «мифы», а вернее было бы назвать их способами существования), - но сегодня я вижу этот. Огонь, дерево и море лавы.

7 мая 2007, Рейкьявик

МУЗЫКАНТ

Человек научил петь
гнутые куски дерев,
полые кости птиц, растянутые шкуры зверей, -
себя же оставил бессловесным (x2)
Себя же, себя же, себя же обрек на немоту.

Человек научил своим словам
звонящий кусок железа,
натянутую медную проволоку,
коричневую змейку плёнки.
Научил своим словам, своим думам
все предметы вокруг себя,
отдал свой голос миру вокруг себя, -
Себя же оставил бессловесным
оставил бессловесным
оставил бессловесным.

Предметы обступили человека со всех сторон,
взяли его в кольцо в кромешной ночи.
Каждый глядит на него и просит слова,
и просит научить его новой песне,
вместо старых, которые все уже знают наизусть.
Но глядит человек во тьму
и шепчет: «Я боюсь!»
«Высохла давно моя душа от отсутствия слов.
Больше неподвластны мне тайны новых миров.
Новых миров.
Я взят в плен! Я взят в плен!
И в плен я взят именно вами:
собственными словами,
когда-то любимыми вещами,
мрака глазами.
Я создал вас, чтоб отгородиться от хаоса,
я научил вас своей песне, чтобы отгонять мрак.
Но теперь, когда вы взяли меня в плен,
каждый из вас мне враг.
Больше не могу я вас учить своим песням, -
хоть ты тресни!
Хоть ты тресни!
Да и не осталось в душе моей ни одной песни.
Вы имеете тайную власть надо мной!»

Вещи стоят вокруг музыканта стеной
и видят, как он стал рабом своего творенья –
и каждая дудочка, каждая косточка
у него на подозренье.

- «Ты научил нас своей песне, ты сделал нас частью себя.
Ты научил нас –
не бояться в этой кромешной тьме.

Так не бойся сам
и иди сквозь нее дальше,
потому что всё, что ты увидишь здесь –
это продолжение тебя
и это твоё порожденье,
и в плен тебя берут только твои собственные мысли,
но не внешний мир!»

И тогда человек обращает свой взор
к скопищу предметов:
к скопищу дудок, бубнов и лир, -
и берет инструмент в руки
и запекает новую песню.

5 декабря 2004, ночь, Москва

РАЗОМКНИ РЕКИ!

(песня)

Освободить сознание от свинцовой плиты рассудка,
чтобы полый человечек перестал плясать в паутине.
Дать волю солнцу.
Начертить ногой на песке нетленное имя
из века, где никто не привязан к метрам и суткам.

От собственного звона рухнет пластмассовый храм.
И светлого Аса
не подменят тарелкой мяса.
...А душа, как прежде, облачается в броню по утрам.

Разомкни реки!
Дай солнцу выйти вон из темных мясных чертогов!
Не спасет от удара копья
из страха сплетенная броня.
Разницы больше нет между зверем и богом.
Это свободный поток.
Это начало огня.

Но времени жерло сурово,
и вселенская сырость на горле колючим ошейником.
Бумага убивает слово.
Бумага сковывает слово.
Но огонь пожирает бумагу,
и слова возносятся к небу –
опять к началу.
Все храмы взорваны, теперь только небо!
Оно не простит раболепия.
...И какому богу интересно
пасти людские стада на чертёжной доске?

30 июля 2004, Рейкьявик

СИНЕЕ ОГНЕННОЕ СЛОВО (ЭКСПИРИЕНС)

Разомкни реки!
Дай солнцу выйти вон из темных мясных чертогов!
Не спасет от удара копья
из праха сплетенная броня!
Разницы больше нет
между зверем и богом.
Это свободный поток.
Это начало огня.
Я стою в центре мира! (х 2)
Вокруг – деревья, и из их ветвей,
и сучьев, и листьев, и прутьев,
и проходящих сквозь них лучей света
выплетается
звонкая всемирная Лира.
Сквозь струны лиры проходит ветер,
проходит солнечный ветер,
и я пляшу в огне!
Огненные деревья столпились вокруг меня
и смотрят,
и ждут слова.
Что им сказать?
Ведь времени жерло сурово.
А колодцы его глубоки,
но деревья всё равно
проникают в них корнями.
И каждый закоулок стал центром мира,
и место человеческому духу
отнюдь не в помойной яме!
Но и не в построенном над этой ямой
пластмассовом храме.
Раскидывай ветви-руки
во все концы всех миров.
В глазах – отблеск звезд
и отблеск всех
когда-либо горевших
на земле костров.
Глубина всех небесных колодцев,
всех лунных колодцев со стенами-горами,
синее небесное пламя,
небесное пламя,
небесное пламя;
огонь хватается за небо
тысячепальными руками.
Пусть дерево станет огнем, -
но зато оно не станет забором,
не станет виселицей, не станет колом,
не увидит войн и раздоров.
Оно станет челном,
на котором – плыть
через море огня.

И не важно, что не из стали,
но из бумаги
твоя броня,
а вместо копья в руке всего лишь перо.
То, что пролилось из небесного колодца,
не нелепо, не старо.
А огонь – это тоже слово,
веское слово,
понятное во всех мирах,
сказанное разом на всех
возможных языках,
как и слово скальда (x2),
как синее огненное слово бога всех скальдов.
Оно не зависит от диктатуры асфальта,
от диктатуры вбитых в компьютер
литер.
Ветер времени лютый
его из души не вытер.
Слово скальда, слово бога,
слово безумца,
слово мирового огня.
Слово скальда,
слово бога,
слово безумца.
Слово безумца в защиту мира.
Ведь мир постоянно чего-то боится,
поэтому воздвигает броню
из лжи и равнодушья.
Но это не броня, а короста,
и под ней очень душно,
и душно даже тем, кто искал под ней защиты.
А бетонные столбы стоят как монолиты,
стоят, как стражники, сжимая автоматы.
А на людей,
пытающихся прорвать эту коросту,
налагают заплаты,
не ведая, что они несут этому миру освобождение.
Мировое древо – огненный столб – центр вращения
Или центр безумья,
войдя в который,
оно превращается в высший разум.
О, как бы нам хотелось, чтобы всё изменилось разом!
Что нам осталось?...
Что нам осталось?
Что нам осталось?!
Только подвязать своей песне крыла
и приближать этот час!
Синее огненное слово
где-то среди нас.

25 января 2005

13.Я ОДИН (ШКУРА СУДЬБЫ НА ПЛЕЧАХ)

И тогда дома качнулись,
и на доски пыльных сцен
вышел бог московских улиц
в ветхом мусорном венце.
Он порвал со смыслом связи,
у него кафтан из грязи.
Он и скромн, и жесток,
и алтарь его – ларёк.
А у ног его легли
в серых шкурах кобели.
На зубах его бетонных
сохнет кровь по вечерам.
Он не слышит просьб смущенных,
он всегда решает сам.
Он даёт забвенью душам,
насылает казни...

Ему сегодня было душно
в смирительной рубахе праздника.

2-3 мая 2006, Москва

Во мгле живет моя любовь –
хромая тощая собака.
Она скулит от бешеных ударов
черного сапога
разума.

27 мая 2006, 22:30, Москва

ВИВИСЕКТОРЫ или КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

(песня)

Собирались вивисекторы в зале,
микрофон не отнимали от губ,
обсуждали серым утром в подвале,
как ловчее расчленить хладный труп.
Как размыкать, разметать и разделить
на безликом канцелярском столе,
а потом реанимировать тело,
чтобы зомби зашагал по земле.

Созывали вивисекторы клику
и трибуну обносили стеной,
чтоб не слышать постороннего крику,
перемешивая плесень и гной.
Раздували из проблемок ничтожных
конференции на тысячи дней,
заколачивали в гроб искру божью,

штамп издательства поставив на ней.

Продолжали вивисекторы текста
выковыривать словесный изюм,
чтоб поэзии здесь не было места,
чтобы уши наводнил ровный шум.
Время таяло в желтеющем зале,
речи пенились на пыльных губах...

Дети слушали. Сердца принимали
в этом воздухе витающий прах.

*Написано во время конференции «Русский язык в переводах»
в РГГУ 16 мая 2006*

Ворон ворону
глаз не выключает,
хвост не выдерет, -
но не поднесет другому и вкусного куска
на озябшем белом склоне,
где нет ни столба, ни колеи;
там размётаны мои
нелепые уютные мысли прошедшей эпохи...

Я отвык от этих гор. Мне снова придется собирать
их мудрость по крохе.
Расшифровывать речи воронов по слову.
Чёрпать силы из глубин холодной мглы –
научусь ли снова?
Чтобы вновь возжечь звезду
– для людей, богов и существ –
над слепым воздушным кровом.

16 сентября 2007, 2:48 ночи, Москва

Здесь нет трагедии,
здесь небо медное,
огня здесь нет.
Здесь пУсты здания,
а на страдании
лежит запрет.

Ни гнева праведных,
ни стога раненых,
ни снов, ни вех –
всё похоронено
в гробу иронии:
здесь красный смех!

Всё заколдовано
плетьюми-оковами
из мёртвых звёзд.
Здесь лёд не вскрыется,
вагон не тронется,
не встанет мост.

Забиты трещины –
всё перекрещено
чужим кнутом!
Молчанье стелется...
Лишь боль шевелится
под каблуком.

В гробу иронии –
чужбина, родина,
все-все миры!
Нас жизнь оставила...
И горьки правила
слепой игры.

июнь 2006, Москва – август 2006, Рейкьявик

В девятнадцатом веке
всё было просто и ясно.
Всадник-разум правил послушным и чутким конем,
тени знали свое место,
боги знали свою мощь.
Под мясом был скелет,
в клетке ребер – опрятная душа.
Будущее было заштопанной стиральной рубашкой,
заботливо сложенной в комод
до следующего банного дня.
Были загадочны девы.
Были гармоничны стихи...

Как же из чрева этого века
выполз наш – косматый,
проштопанный пулями,
залатанный мёртвым камнем,
подвязавший сломанные кости
искусственным волокном,
сошедший с ума,
забывший язык и одичавший?

Стало быть, историки не правы,
и века не порождают друг друга.
Они приходят каждый своей тропой из тьмы

и встают перед человеком во весть рост.
Они – не родня.
С каждым надо знакомиться заново.

...На каждое знакомство –
сто коротких безумных лет...

16 июля 2006, Рейкьявик

В этом царстве колючек и сомкнутых стен
одного лишь я буду просить у богов:
чтоб они сохранили мне старых врагов
и не дали новых взамен.

Мётлы новые – чище метут по избе.
Новый век – посрамит стариков мастерство.
Старый враг всё же лучше: он верен себе...
Сохранит мне, боги, его!

И в гримасу привычную сложится лик,
и знакомою будет надменная речь...
Сохраните клинок мне, -
с которым привык
в каждой битве я скрещивать меч!

Сохраните мне знание и старые сны
о победе – иль смерти от той же руки.
Но не надо других: я боюсь новизны,
мне не выучить их языки!

Я прошу вас, о боги, внемлите мне!
Ведь я знаю: бывает всегда оно так,
что в последний твой час с тобой рядом во тьме –
никого –
только старый враг.

Осень 2006, Рейкьявик

МОРСКОЙ ЧЕЛОВЕК

Ноги-водоросли, рыбы-глаза...
Не обронил ли ты чего в море,
когда перелезал на островок по валунам
в скользкой пузырьчатой траве?
Запоминай: здесь песок не черный, а белый.
Стебли перепачканы солнцем.
Запоминай: ромашки здесь пахнут солью.

На островок в венце пузырьчатой травы
на вернисаж в заброшенном маяке
охота попасть

нейлоновым людям.

Высоки воды.
И они ждут отлива.
Они сапоги надевают.
(Запоминай: море – искусный художник,
но зал ему тесен).
И непреложен закон: не сроднившись с камнем и небом,
никогда не постигнешь суть человеческих картин.
Мне по сердцу то, что рисуют
и люди, и волны.
Путь мой – водоросли и камни.
Руки-рыбы, реки волос...
Морской человек.

17 августа 2006

Я будущего жду, как ждут Годо.
Хожу кругами.
В корзине скомканы листки годов,
но их священное не тронет пламя.

С письмом в бутылке к берегу спешу, -
но как наивно ждать ответ от моря!
Мне фраз чужих не слышно в долгом споре,
где я свои слова произношу.

Моя работа – в пустоту кидать
все письма и стихи, дела и мысли.
В мозгу закисло
мох обещаний и амбиций влажных гать.

Вот так живу,
с бессмысленностью полностью смирившись.
И чувствую: за днём, - избитым, бывшим, -
поддержит ночь Минервину сову.

23 августа 2006

СЛЕПОЙ

Запах мочи: подворотня.
Запах еды: магазин.
Сыростью тянет: вышел на взморье...
Так и блуждаешь один.

Лишь пустота перед взглядом.
Черный мешок на башке.
Люди другие...
- не думай, не надо!
Нет здесь опоры руке.

Дышат шершавые зданья.
Страх горчит леденец...
На безрасветной тропе подсознания
каждый из нас – слепец.

27 августа 2006

Я ОДИН
(песня)

Мимо синих гор на черном корабле.
Волосы - струны для арфы ветров.
Серые волны - как серые согбенные спины.
Я один.
У меня нет дружины!
Дремлет секира у скамьи -
я ни с кем не переведался в бою.
На корме я стою, -
я проснулся, я готов ко всему.
Правлю к далекому берегу сквозь синий свет
и безликую тьму.

Никому не будет видно, как пристанет ладья, -
Я один! -
В этом сила моя.
И в этом мое проклятье.
Расползается под пальцами платье,
ткань впитала в себя немало отчаянных зим.

Где мой дом?
Сколько вписок не меняй, а в собственном сердце всё чужое.
Я не дома в своем теле, мой корабль не вернется в сарай.
- Примечай:
горы на черный песок собрались к водопою,
и бока их дышат покоем,
но не каждый вхож в этот синий хрустальный край.

Как всегда:
Серые волны - серые словесные грядки.
Серые люди шепчут о славе труда,
гудят о законе и порядке,
о добродетели раннего вставанья и пресного хлеба...
Я ничего не заработал,
ничего не стяжал,
ничего не добыл,
у меня ничего нет, -
Только небо.

И ветер. И синие горы. И черный корабль.
И серые спины волн - они тоже мои
(ведь я на них смотрю).
Люди имеют больше, чем я, -

но я им дарю
ропот вод и свет над горами, -
в сплетении вис.

Кидаю висы в пустоту,
отпускаю воронов ввысь:
пусть летят до берега, -
- с вехою медной, -
над стадом из серых спин.

А что выкинет море, да кто подберет мою песнь, - не ведаю...
Я один.

Ночь 10 сент. 2006

Если сегодня будет война,
газеты напишут об этом только лишь завтра.
Послезавтра президент состряпает обращение,
А через неделю выпустят
приказ об эвакуации.

Через две недели люди устанут бояться,
А через месяц - взрывы
станут для всех нормой жизни.

Я, в своей глуши, ничего о том не узнаю:
На глаза мне наденут сплошную повязку покоя.
Радио сломано, новости несут только птицы.
Из города приезжий сосед ничего не расскажет,
думает - пощадит.

И я ничего не пойму, оказавшись в калечном городе,
где свои раны протянут ко мне
исстрелянные дома.

Я закрою лицо:
меня предали, не сказали о главном!

Я опоздал на помощь...
А вдруг это я сам оказался предателем,
не поверив терзавшим меня по ночам в деревне
лютым железным снам?

17 сентября 2006, Рейкьявик

СЕНТЯБРЬ

*... в июне хмельном да святом сентябре...
Александр Логунов*

В гнилую пропасть сентября
сползают песни, люди, горы,
сползают тысячами души,
и алые текут глаза.
Сентябрь не свят:
он вечно хочет жертвы,

в любой стране, в любом углу, в любой башке.
Ты нанеси на треснувшее сердце
слой сала пожирнее, -
тогда не будет так отчаянно болеть,
и трещина не разветвится дальше...

Наевшийся сентябрь переломился,
небесные Весы взошли над головой.
Здесь будут весить человеческое мясо
и палец класть на чашу
по обычью торгашей.
Среди секир небесных и ножей
застыло треснувшее сердце.
Кровь потечет в железный котлован,
водохранилище наполнится, -
и загудит плотина,
питая электричеством завод.
Там для народа будут штамповать
сердца из алюминиевых отходов
и в грудь вставлять
взамен кровавых выжатых комков.
Никто не свят, ничто не свято!
Процесс растянется на годы.
Моя прольется кровь в железный котлован!

И люди тронутся в подвалы и в леса,
чтоб уберечь в своей груди живое сердце
от лап стального сентября.

1 октября 2006

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Не надо избирать меня среди других
и ставить во главе неистового войска,
что поутру ворвется в вечный город,
сверкая клёпками на кожаной броне,
и, расшвыряв вокруг тела гнилых врагов,
на трон усадит полководца с ясным ликом.

Ты говоришь, что я того достоин,
что не пристало мне сидеть в подвале,
хандру и безнадёгу у груди
качая, как калечного младенца,
свой светоч – не пристало по углам
ховать, как краденое золото.
Он не ворован – что ж его стыдиться?
Не лучше ль дать ему сверкнуть над головами
живых людей – чтоб каждый увидал
и вслед за мной в себе нашел бы силы
вот так же просиять, - чтоб было солнце

и воля, и движенье, и тепло
взамен понурого сидения в потемках.
Чтоб было будущее...

Так ты говоришь.
Твои мне сладостны мечты о солнцеликом,
о покорителе нездешних ядовитых городов,
и мне, как и любому, хочется на трон, -
но ты меня не избирай.
Пусть я того достоин – я не справлюсь!
Ведь я привык совсем не к этой роли,
а к тихому сиденью в погребах
и к безутешному в пустой промозглый день
оплакиванью своего бессилья.

4 октября 2006

БЫТ

В общежитской каморке
электрочайник и магнитофон
весь вечер борются
за право обладания
единственной розеткой.

6 октября 2006, Рейкьявик

Я надеваю эту действительность
как старый тусклый халат,
- рынок, транспорт, почта, -
она облекает мое тело, как удобная широкая одежина,
привык, и не замечаешь,
что здесь чернильное пятно,
а там растрепались нитки...
Но после неменяемых полетов в веселые миры, -
- или просто далеких путешествий –
вдруг замираешь посреди знакомой улицы:
видишь на своем халате небывалый узор...

Перелинявший рак смотрит на свой старый панцирь.

29 сентября 2006

(ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ФАУСТА)

I. Исхожена супесь.
Замызгана пропись.
Зачеркнута надпись.

Былые победы и новые слабости
в остывшей душе оседают на дно.

Вот свечи, вот книги... Но нет прежней сладости:
сознанию себя обмануть не дано;

на пире полночном
подъедена закуска!
На старой кассете
Испорчена запись!

II. И в комнате падаль давнишних мечтаний,
И давит на шее петля тесноты.
И хочется вон - из неласковых зданий,
где мысли, как пыль, пропитали листы.

III. Шагнуть / за пределы
самого себя,
воплотить / призрачное тело
под коконом мыслей-оков!
Сознанию / волю суля,
двинуть туда, / где нет слов -
только руки, / вещи / и земля...

Запретам, желаньям -
составлена опись!

... Скромный научный сотрудник Фауст устал
дрейфовать по бумажному морю, где нет берегов.
Подмахнул сатане документ, осушил бокал, -
Чтоб уйти / без возврата / в мир тел, вещей и основ.

Подгнившая завязь, остывшая окись...
В тот мир не войдет ни единая надпись!

IV. Он и сырой, и железный, и дымный
(там дышит страх за дверями дощатыми),
он распростился со всеми догматами:
черный в кости.... Беспросветный... бездумный...

В засаленной шторе -
не сделаешь прорезь...
На лестнице кровью -
не вычертишь роспись!

.....

V. И только тогда осознал, чем владел он
и от чего отошел.
Покинул землистое грубое тело
И хату слепую, что враз надоела.
(Душа разлилась по ветрам без предела).
... И вновь он обрел свое место -

и сел перед чистой тетрадью за вымытый стол.

Возврат не заказан
в заветную область:
на свитке у черта
подделана подпись!

... Теперь умолкают и гордость, и зависть...

9 ноября

2006

*Был ветер, гром под столом, - будет постель!
Я буду спать!
Янка Дягилева, «Придёт вода», 1991*

Я желаю спать в чистом пространстве
без электромагнитных лучей,
чтоб они, как недобрые думы,
не бродили в дурной темноте,

не дробились просторы на клетки,
не двоился рай-каземат.
Чтобы были спокойные крылья
в чистом небе без всяких крестов.

Чтобы, соткан из смерти животных
и великого гнева людей,
напрягая незрячую память,
не качался за окнами мир.

13 ноября 2006, Рейкьявик

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Да, так уж и быть:
сиди на моей кухне,
пей мой чай.
Смотри мой телевизор,
в почту мою суй нос.
Терзай диктофон. (Смотри:
«запись» включается так).
В норе моей делай, что хочешь, -
ты и так давно здесь хозяйка.
Смотри: вот мои тетради,
а вот тебе краски и кисти....
Лишь прошу об одном: когда я
общаюсь с другими людьми,
не вставляй своих слов в разговор,
а лучше вообще не стой у меня за плечом, -
- Безысходность!

13 ноября 2006

ЧЕР(ВОН)НЫЙ МИР

Червонцы, как черви, ползут из карманов.
Проедены дыры в червивой мошне.
Раздулись квадратные чрева экранов,
там люди печально плывут в глубине.

Цветастые черти – червонные очи!
Пожрал нас экран, схоронил чернозём...
Не будет чудес: шар земной обесточен,
и змей мировой изогнулся червём.

23 ноября 2006, Рейкьявик

По колено желтая хлябь.
Жжёт затылок / мглы пистолет.
У меня украли ноябрь.
У меня украли рассвет.

У меня украли снега,
гордые деревья в садах...
Мокрой тряпкой – вхлёт! – по ногам!
- Подарили темень и страх.

Всё украли: волю и лень,
ветром запечатали рот...
Скоро (недалёк этот день!)
украдут мой Солнцеворот!

12 декабря 2006, Рейкьявик

Сядь, успокойся, посмотри на гору:
она морщиниста, бесстрашна и бела.
Она царит над городом и фьордом
И стережет стада седых домов,
она чиста, мудра и неподкупна...

А по утрам она является из тьмы,
Растет над городом - едва восходит солнце.
(Восход горы так редко виден нам,
спешащим на автобус до рассвета!)
А летом беззакатная гора
Нам освещает сон...

Ты посмотри на гору. Тает солнце
На добрых каменных боках.
Гора дает приют всему тому,
Что изгнано с квадратных деловитых улиц.
В ней сны, стихи, обрывки древних саг;

Несметное сокрыто в ней богатство:
Не в подземелье клад, а в вое ветра,
Полете воронов и тихом росте мха.

Смотри на гору! И запоминай:
Второй-то раз показывать не буду.
Ты видишь там на склоне валуны?
На самом деле это хутор альвов;
Их видели у камня много раз.
(Пойми, гора дает приют тому,
что не благословил стерильный разум).
В ее боках живут драконы, тролли.
Живет в ней вечность....
 Ты смотри, смотри!
Ну вот...

*(у этого стихотворения две концовки:
Одна - серьезная, продолжающая романтический дискурс:*

1. Ну вот, ты смотришь вовсе не туда!
Тебя интересует не гора,
А новая блестящая "Субару",
Что катится по улице внизу
И в точности напоминает ту,
Что ты видал во снах или в рекламе...
О, дети легкомысленной столицы!
Вы все погрязли в бесконечной суете!
Вас не пробудет от бездарной спячки
Видение горы... Махну на вас рукой,
подамся вон из города...

2. *(ироническая концовка)*

Ну вот, опять переключил канал:
Боишься пропустить начало матча.
Уж мог бы свой футбол смотреть на кухне;
Мне интересней передача о горах.
Нет, ты не прав, и я не эгоист.
Но мы так редко выезжаем на природу!
И я тебя прошу в последний раз:
Дай мне взглянуть хотя бы на экране
На те места, где прежде я бывал,
Когда я был свободен...

12 января 2007

АЛКОГОЛЬНЫЙ ЭКСПИРИЕНС

(полусерьёзное-полуироническое стихотворение)

На путях в иные миры
все улицы вертикальны
лежат на боку дома
по стенам спешат антиподы
деревьями ошетижилась
футбольного поля спина.
От вековых оков труда и стыда
освободит вас стеклянный ангел
с прозрачной трубой во рту.
Мы встали, когда бил колокол.
В ветхой ограде: кол о кол...
Отгорели звёзды нездешних миров
во рту копоть
и сумерки.

27 января 2007, Рейкьявик

ПОТОК СОЗНАНИЯ НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ ДРУГА, ЗАПИСАННЫЙ НА ЧЕКЕ

Ожидаю бездонный экспириенс
а во всех мирах тускло и серо
у водки есть запах и жженье
а хмеля нет
все откровения сюрреалистов
захованы в рекламные ролики
в чужом пиру нет похмелья
нет поэзии в грязном стакане
тесно в клетке тщедушного тела
темно в каземате мозга
а снаружи слякоть и холод
а снаружи блестят погоны
раздроблены тяжелой каплей тумана
рассыпаются синие горы
рыба, плывущая на восток,
роняет в море чешуйки
обдирает мясо о сети
подставляет победную голову
под нож на нищем конвейере
и остался анальный плавник
а имя ему Rvík
утопший в стакане пива
в ненастную зимнюю ночь
рок-рукосуй с диджейскими амбициями
раздолбал магнитофон
не осталось в мире музыки
только вечер, только кухня
и он варит рыбу в котле
спасибо за рыбный суп

мы вовек не едали такого.
Утопим в стакане пива
весь наш худой век
и ходу –
 холодный ветер
 по вертикальным
 улицам
 катится стакан
 Slut¹⁸.

январь 2007, ночь Рейкьявик

НУ И ЧТО? (ОПИСАНИЕ ПОДВИГА)

1. С реалистической точки зрения

За ограду шагнул - и сгинул
без мольб, без слёз,
пропал во тьме,
 лишившись сил...
Ну и что? - ни сокровищ не принес,
 Ни новых знаний не добыл.
Лучше б оставался в ограде,
привечал гостей, качал детей,
 наблюдал спокойные блики на водной глади,
варил суп, чинил стул, -
на то б и пригодился,
 коль на подвиг не потянул.

9 февраля 2007

2.С сюрреалистической и романтической точки зрения

Шагнул за ограду - и сгинул.
Ночью лёг костями
сразу у загона, -
 не сразив дракона,
не добыв сокровенный клад...
Ну и что? -
 Зато посмеялся над робкими людьми,
ждущими услад,
спокойствия - и пользы, пользы от каждого дела,
во власти Нормы и Предела,
 Формы
 и Тела.
Ждущих подвига -
 как в книгах, чтоб пред войском на коне,
а потом - в венке побед,
да опять - в свою ограду
 на триумфальной колеснице.
А подвиг - в том, чтоб шагнуть вовне,
 встретить тьму и бред,

¹⁸ Конец (датск.)

и дерзнуть не отчитаться, не явиться,
дерзнуть спалить свою долю в огне -
никому не пригодиться.

14 февраля 2007

Покрытый ненавистью, как коркой грязи,
сидит в углу на выцветшем тряпье.
Исходит разум кровью на копье,
гнилые нити – рвутся связи.
Замочен мозг в стакане гнева
зеленом, пьяном и глухом.
Стал казематом выстуженный дом.
Молчит Минерва.

16 февраля 2007

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

К тридцати годам
выросли рога,
крылья, хвост и лохматая шерсть.
К сорока - крючковатые когти.
Через год - саблевидные зубы.
В пятьдесят бросил дом и работу,
Двинул в рошу, залёг там в спячку.
На землистой грязной спине
Проросли молодые деревья.
Из левой ноздри вытекло небо.
На мизинец села красная птичка.
Так и должно быть! -
и он растянулся среди корней
и завернулся в чистое покрывало
здорового сна
на вечный укор тем, кто остался в городе.

24 февраля 2007, 4 часа утра.

СОВЕТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА ПОЭТУ

На все вновь сочиненные стихи
нужно прицепить ярлыки:

- «Это искренне». – «Это в шутку».
- «Это чья-то чужая цитата».
- «Тут – наброски к роли злодея».
- «А вон то – впечатленье от фильма».
- «Тут – недавнее сновиденье».
- «Тут – другое воспоминанье».
- «А вот это вообще фантазия:

ничего подобного не было».

Неприменно надо так сделать
для того, чтоб души стихов
припечатанные к страницам,
не гибли, не задохались
под земляными пластами
неправильных толкований.

4 марта 2007, воскресенье, Рейкьявик

АНТИ-КРЕДО

Я не верую в бога с длинным кнутом,
я не верую в рай и ад,
ни в кромешный склеп, и ни в желтый дом,
и ни в звон золотых наград.

Я не верую в миску, полную щей,
на протянутой вниз руке,
в лестный шорох шуб, в добрый взгляд сычей,
в чудо-ключик в дверном замке.

Я не верю в сноп бронзовых имён
и в тоннель, где обещан свет...
Я не побеждён, но освобождён:
У меня ничего нет!

7 марта 2007

ПАНКОВСКАЯ ВЕСНА

Вчера зима опять вернулась в город
(как говорится, сделала comeback),
развесила нейлоновые кудри
и влезла на заплёванную сцену во дворе,
и затянула свой

всем надоевший шлягер.

Да, было время: мы его любили,
мечтали у замерзшего окна
и упивались снежным медленным аккордом,
и плыли вдаль

на кружевной перине песни;

она несла нас в замершие мраморные страны.
И зависали парочки в незрячей неге,
и затихали дети на полу...

А нынче город крикнул: «Хватит!»
«Споём мы сами! И другую песню!»
И тут же на столбе закрумкал ворон,
и дрогнули все окна и все рельсы,
и зазвенели струны-провода

Над трубами и башнями
 лёт грязный и сырой аккорд весны.
Конец поспе! Настало царствие иного лада!
По переулкам катятся неистовые риффы.
И вот смотрите: дрёмную певицу
с кудрями из нейлона
со сцены вниз стащил народ.
Глядишь – и кружевной костюм
сам стал рябым рваньём,
накинутым на плечи панка.

15 марта 2007, Рейкьявик

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ В РЕЙКЬЯВИКЕ

Пойти на кладбище. И только для того,
чтоб в небеса взглянуть сквозь ветки елей.
Жильцам холодных каменных постелей
сказать, что вечно славы торжество.

Зажечь свечу, костер, звезду, фонарь.
Между мирами сбавить расстояние.
Косынкою полярного сиянья
оповязаться. Выгнать боль и гарь.

Всё это в прошлом. Кладбища тут нет.
Жилых домов бетонная рутина...
На освещенных полках магазина
ютятся антижизнь и антисмерть.

Здесь даже нет дверей миров иных,
ни тьмы, ни поражений, ни победы.
Здесь неприличны с призраком беседы,
здесь центр могильной скуки для живых.

19 марта 2007, Рейкьявик

«ОЧИСТКА СОВЕСТИ»

В Багдаде убивали сыновей,
А я - борец за мир – жевал свой завтрак...
Больная совесть – индульгенция счастливых,
Беллоною не битых по ушам.
«Я сострадаю – значит, я хороший!»
И кружатся над чистой Европой
Слепые птицы сопереживанья.
Но только лишь немногие из них
Сумеют долететь до бурых городов,
Изъеденных боями, как проказой.

28. августа 2008, Árnavatnsheiði, Úlfsvatnsskálinn, утро

ОБЫДЕННОСТЬ

Куски свинины на сковороде
плывут, как туши мёртвых динозавров...
В потоках прозы канут Днесь и Завтра, -
–Невзрачный день.

Обломки зданий, взрывы, крыльев тень...
Телеэкранны иль чужеземный автор
о них нам скажет... А у нас и завтра
–всё тот же день.

И вроде, разум не объяла лень,
и глаз не слеп,
и не иссякли силы... -
–Всё заслонила
Обыденности тягостная сень!

15 августа 2007, дер. Плосково, Твер.обл.

Открывая фанерную дверь добровольной тюрьмы,
я пугаюсь звона
собственных ключей.

18 мая 2007, Рейкьявик

РАБОТА – ЭТО БОЛЕЗНЬ

Работа – это не род занятий,
работа – это болезнь!
На сердце ноют рубцы предприятий,
контор лохматая плесень.

На сердце – язвы черного утра,
припадки давки в вагонах.
Покрыты грязью, не перламутром,
тропы на мёрзлых склонах.

Дают таблетки нам в виде денег:
такое лечение напрасно.
Не дружат с плотником академик:
вдруг болезнь другого заразна?

И в серых зданьях, как в карантине,
люди сидят до обеда,
лелея в сердце глухую пустыню
профессионального бреда.

А выйдешь в отпуск с завода иль стройки –
недуг не отпустит заране.
Тело томится по ржавой койке,
по грязным бинтам на ране.

Восторгов и радостей в мире без счета,
но они не прельстят больного...

Человек! Исцелись от рутинной работы,
стань хозяином мира и слова!

10 декабря 2006, Рейкьявик

14.ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ

I. СОЦИАЛЬНОЕ

ВЕРНУЛСЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

И наконец достал из пыльной скрыни
заветный холст родного языка
и стал раскатывать его перед друзьями.
Но в драгоценной ткани сгнили нити.
Теперь там дыры вместо слов.
И утекают мысли сквозь прорехи.
И стал важнейший долгожданный разговор, –
- к которому готовился весь век, -
неубедительным и нищим.

14 и 17 марта 2007, Рейкьявик

Голодная неизбежность
понятия "родная страна".
Земля неподвижна:
 нельзя взять с собой в путешествие
 любимую гору, -
ловко придумано, нечего сказать!
Чтоб не тащили с собой
 тот берег реки -
 на этот.
Чтоб неповадно было.
Неподъемные континенты заполняются людьми.
Не мы владеем землями, странами, а страны - нами.
(И как же считать их своими?)
А так бы хотелось:
 звездную сочную нить дорогих тебе мест -
- низку маленьких рОдин во всех мирах -
всюду носить на своей голове,
как венец из огней.

1 февраля 2007

АРХИВЫ

«...Это яд, который исходит от архивных документов».
И.Л.Щербакова, доклад «Конструирование истории» 17
октября 2007 в Академии наук, в котором речь шла, в т.ч., о
ГУЛАГовских архивах.

В душе и в мозгу колею прочертила история.
А наши воспоминания
 по обочинам спят во рву.
Людей не осталось. Остались лишь пыль и горе,
и горы бумаг, укывшие прах и траву.

Это зданье успело побыть

храмом, карцером, хлевом, складом...
Что́ писать про него в анкетных узких графах?
Все бумаги пропитаны ядом...
Но разным ядом!
Из несхожих пластов вранья утоптался шлях.

На Соловках
лагерник и монах
спорят о доблестной смерти в терновых венцах.

На островах
стынет казённый прах:
судьбы в бумагах закопаны, словно в гробах.

Из несхожих пластов вранья намостилась дорога.
И куда приведет она? К новому складу бумаг?

Вперерез колее, по обочинам, через овраг -
пробираешься в ночь
к вечной правде, к светлым чертогам.

17-20 октября 2007, Москва

МЫ ЗАКРЫВАЕМ ЭПОХУ

1. Мы закрываем эпоху.
Мы закрываем дверь.
Мы закрываем глаза на всё,
закрываем глаза на мир, на день, на век...
Закрываем глаза навек.

2. Скорченный сон пустоты.
В каждом сердце – снег.

1-3 октября 2008, 3 часа ночи, 2. – 4 окт. 2008, 14:55 дня

Неистребимая поэтика:
не пламенеющая готика,
а каменеющая статика.
И всё одно в мозгах – политика.

4 октября 2008, 14:50 дня, Москва

«Сказал я: «Всё!
России нет!»» -
Припев готов
на много лет.

Любой уклад,
любой режим –
на тот же лад
в кольце кружим

и всё твердим:
«Была страна,
и вот теперь
обречена!

И в прошлом - мрак,
и в сердце – сон,
здесь идеал –
не воплощён!»

Любой режим –
напев один:
«Пора, пора...
Спешим, вершим!...»

«Наш гордый бриг
идёт ко дну –
а ну, люби
свою страну!

Культуры нет! –
Страну спасай!
Спеши, верши,
лети, хватай

кому перо,
кому и кнут, -
державы нет!»

...А дни плывут:
без возрождений, без смертей,
лишь долгий вязкий сон ветвей.

Здесь идеал
невоплотим...
Но мы живём
и говорим,

не верим в бред,
не ладим лесть...
Державы нет!

... Но мы-то есть.

6 августа 2007, д. Плосково Тверской обл.

II. НЕБЕСНОЕ

НОЧНАЯ ЗАРИСОВКА

Во тьме – во тьме
среди озябших хат
затаился зверь,
ему имя – дождь.
Шерсть его – промокшие травинки вокруг стены.
Его уши чутки.
Когти его холодны.
Он пуглив.
Он ласков – он страшен.
До рассвета
следы его мокрых лап
остаются на грубой простыни пёстрых пашен.

Полночь с 13 на 14 сентября 2007 (0:13), д. Плосково Тверской обл.

Наблюдали из окна всю ночь:
целлофановые ленты ливня
трепетали под лучами фонаря.

6 августа 2007, д. Плосково Тверской обл.

На небе нет никаких богов.
Они живут в параллельном мире:
откроют дверцу в сквозном эфире –
на снежном поле,
в стене в квартире, -
и ступят к нам в дом из обители кротких снов.

14 ноября 2007, вечер, Москва

На небе всё как у нас, всё как у нас.
Там тоже озёра и горы,
пустыни и острова.
Всё это слеплено из плотной облачной массы,
обтёсано неутомимым резцом ветров.

На небе всё точно так же, как на земле.
Там живут существа. Они такие ж, как наши.
Только их не видно за стенами облачных башен.
Они легки и бесстрашны.

На небе всё точно так же: там города,
храмы, усадьбы, палаццо.
(Мы, в простоте своей, у себя на земле
зовём их «воздушные замки».)
О них мы мечтаем.
Мы восхищаемся ими.

... Но мы сами рушим их стены
крыльями своих самолетов,
прямыми жесткими крыльями из алюминия
каждый день разбиваем небесные
горы и города.
Оттого на небе всё так недолговечно,
неопределенно и страшно.
Оттого там так трудно жить...

А так – там всё в точности как у нас.
Всё как у нас.

19 мая 2007, в самолете SAS на Москву

В метро нет стрелок
и нет никаких часов.
Время в нем измеряется шелестом дрёмных колёс.
И новая эпоха
 сменяется
 с каждой станцией.

16 декабря 2007, 22:04, Москва

Люди уходят, словно деревья в парке:
на рассвете наткнёшься
 на желтый спиленный пень
и удивишься: неужто здесь тоже рос –
- шумел своей кроной, -
гордый и вольный ясень?

27 января 2008

БУНТ ПЛОТИ ПРОТИВ РАЗУМА

Бунт плоти против разума!
В панике стражник рации:

Стерильный безвоздушный коридор
истоптан сплошь копытами чудовищ.
Их спины лóсняются. От них вот-вот
 повалит тяжкий пар.
Титаны топчут коридоры,
кентавры входят в кабинеты,
идут с дубинами косматые войска.

А у сидящих в кабинете
ответ достойный не готов:
там нет дубья, и нет широких потных спин,
а только слово, воздух и железо.

Но вот ланцет изящной тонкой мысли
 неслышно входит в бок
чудовищу из пареного мяса, -
и кровавые строки пляшут по листам
и утекают прочь с бумаги...

И стражник разума остановился:
он победитель, или нет?
Здесь, в этой битве, кровью на листке
 он сам запечатлел
неведомую сагу плоти;
своим словам, письму и языку
 он научил врага –
неграмотного, хищного, немого,
а сам – узнал про дикие миры,
где воздух густ и сочен, как харчо в котле,
где есть тепло и боль, и темнота...
И всё! И бывшие враги
возводят вместе дом...

Но стражник разума еще в тревоге:
вдруг постучат в отлаженные двери
другие чудища –
 из тех краёв,
которым в этом мире нет названья:
попросят дружбы?
Вызовут на битву?
Принять ли? Согласиться? Отказаться?
 Всё разбираться самому...

20 июня 2007, 20:21, после посещения кафедры зарубежной
литературы в МГУ

ИНЕРТНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ

И все шаманы всех веков и стран
всё время видели в полётах и во сне
одно и то же мировое древо.
И вот один из них сказал:
- «Нет, не пойду я больше к этому стволу:
там всё знакомо, как родной закут,
всё неподвижно, как остывший кратер.
И все стихи о древе кровавом:
мои, твои, и их, и наши –
все одинаковы! Во все века
поэзии конёк бежит по кругу,
привязанный к гудящему стволу
верёвками обычая и смысла.
А мне давно наскучило круженье –
 хочу идти вперёд!

Иных миров хочу – не тех,
что спят под ветхими ветвями и корнями.
Я их увижу первым из людей
и первым воспою!»

.....

Он долго странствует в ненаших дальних царствах.
В них свет, ручьи и существа,
иная музыка, иные измерения.
Диковины вокруг него
стоят кольцом и жаждут, чтоб о них
сложили человеческую песню
и бережно и нежно донесли
их описание, речи и дела
на серую и маленькую землю...

... Певец примолк. Не властен он сказать
ни слова о неведомом и новом:
внутри него, как позвоночный столб,
встаёт знакомое седое древо,
в мозгу сплелись извилинами корни...
А если он шагнёт в чужое измеренье,
чтоб вырвать из себя свой прежний мир, -
он рухнет полой потрошённой оболочкой.
И в угасающем мозгу
сверкнёт на время призрачный напев:
гудение знакомых кровяных ветвей
сливается в причудливых ладах
с реченьями существ
иного измерения.

21 июля 2007, Москва

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

И я сижу внутри чужого тела,
питаюсь мыслями чужого мозга,
и нorna за плечом прядёт другую нить.

Моя душа полна не тех воспоминаний:
в них смоляные корабли,
неистовая пляска копий и мечей
и вороны над павшими телами.

... Они меня пугают...

Я сам рожден совсем не в ту эпоху:
привык к клавиатурам и экранам;
моей руке-тростинке не поднять меча.
Я почитатель мирных, скромных дел,
а это – не мои свершенья!
Мне не своя, не та досталась роль.

Я сам не тот:
растерянный, чужой
в единственном
дарованном мне мире.

6-7 августа 2007, д. Плосково Тверской обл.

III. ПО МИРАМ

ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ

1. Воздушные корни

Вы говорите, нет у меня корней.
Я, мол, забыл молитвы, затёр слова,
в долгую ночь застрял не в своей стране,
в доме чужом в казённую лёг кровать.

Вы говорите, выбрал стезю не ту,
бойко смешав реальности и языки;
тот, мол, рискует весь век провести на мосту,
кто строит дом на двух берегах реки.

Что, мол, на родине, что в стороне иной,
я – чужеземец... Дерево кроной вниз.
Мечутся в небе корни, ища покой,
мрут на свету, жаждут скрыться в родной тени...

Лучше всмотритесь: дерево – наоборот!
Этот росток – не марался в желтой пыли.
Это небесное дерево к вам растёт,
кроной своей метя поверхность земли.

Крепким корням – не тесно в земных цепях.
Плети их – в звёздах; над каждым – зверь или бог.
Родина – в сюрреальности и во снах.
Ветви красны цветами стран и эпох.

25 января 2005 в 4 часа ночи, Рейкьявик

2. Человек-дерево

Вниз по моей коре течет февраль.
А под ногами – супесь и базальт
(порой асфальт).
В кроне бродят
многоязычные золотые и серебряные строки,
а в ствол, как топор, вонзился двадцатый век.

3.Евангелие от Работника Неба (оно же Рождение Панк-рока-2)

Плоть стала словом:
потный пепельный быт
за много подпольных ночей
переплавился в песню.

25 января 2007, 3:11 дня

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ РАБОТНИКА НЕБА – 2

Я не верю в евангельский лепет и будничные трёпы:
Слово будет в конце.

А в начале – лишь небо и дума.

Слово будет в конце: воспарит из неясного шума
и расцепит сплетение троп.

А в начале – лишь вечер и боль, и кровавая нить.
Над волнами не видно творящего строгого бога,
и у мира нет педагога,
кто б его научил говорить.
И не ждите подарков. Слова не даются с рожденья.
За словами спускаются -

в центр мирового вращения,
в центр земли,
в центр себя,
сквозь миф, сквозь страданье, сквозь небо, сквозь пол, -
кровяному вселенскому дереву -
в дышащий ствол,
туда, где в короне корней
пульсирует сердце вселенной –
солнца диск – неподкупный, нетленный.

Будет зрячее вещь время: паденье-полёт,
каждый сам по себе в небеса упадёт,
породнится с неназванным,
выстоит холод, выдержит бой –
и поймет, что не будет врагов,
что тягался он сам с собой.

И зеркалá опознают глаза на смущенном лице...
Песнь разомкнёт уста...

Слово будет в конце.

7 марта 2007

ТЕЛО И ДУХ

Стыдясь, уйти от мира в недра плоти,
укрыться в телеса, как в монастырь.
Вокруг больной трепещущей души
из мяса толстого повываивать ограду, -
чтоб холод не обжёт и взгляд не ранил.
И станет грудь крутым высоким валом,
и станет брюхо крепостной стеной,
сторожевою башней – станет шея.
И можно в канцеляриях сидеть,
толкаться по базарам и вокзалам;
на окрики и взгляды – лишь порой
бурчать из своего мясного форта.
Душа защищена: здесь не достанут,

не дёрнут, не кольнут...

Но в крепости мясной
не забывай открыть пошире окна,
коль будет перед ней – искусство,
коль будет перед ней священный взгляд небес.

17.07.2008

1.

Отрекись от рода.

Отрекись от тела.

Забудь свое имя.

Не имей судьбы.

Поболтайся в междумирье несколько эонов.

Пряным ветром сквозь тебя проведет вся история –
в ней не будет мелких личных дней-воспоминаний:
всё – твоё настолько же, насколько – не твоё.

Нет тебе границы.

Нет тебе угрозы.

Нет в тебе сомненья.

Нет в тебе – тебя.

А когда родишься вновь в тряпичном дымном мире,
то ответь на мой вопрос:

удобно ли тебе

в крашенных одежинах сословья, века, расы,
и не давит ли на грудь доспех твоей судьбы?

После мудрой пустоты

в чистом сне бесстрастных звезд –
на земле тебе

уютно или тесно?

4 ноября 2007, 4:05 утра, Москва

2.

Рождаясь в новое тело,

в тесную чужую эпоху –

помни о просторе междумирья,

о блаженной свободе от судьбы!

Улетая в безмолвный Абсолют,

где рвутся цепи всех страстей, -

помни теплый истертый тулуп

эпохи, страны, семьи –

того, что мог назвать родным.

Не забудь ни того, чем владел,

ни того, от чего отошел.

И ничто из них не осуждай.

Вот и будешь непобедим.

4 ноября 2007, 4:22 ночи, Москва

Здравый смысл ковыляет по пряным полям психодела.
Знамя разума? Правда тела?
Или ветхая правда
крупы и щербатых столов?

Человек слышит песни
и запахи разных миров.
Человек томится: ведь он
быть не может в них одновременно:
непохожи все их напевы,
и у каждого – свой закон.

И замкнул человек себя в тесной клеточке выбора:
- «Ни больше одного мира!
Только одна дорога,
одна песня за раз!»
Глухая тоска копытами душу выбила.
В многомерное небо не глянет сумрачный глаз.

Вот такой печальный рассказ...

— — —

А когда человек пойдет
постигать непростую науку
многомирности,
многомерности,
к каждой ветке предвечного древа протянет руку, -
то тесная клетка выбора стинет в древности.
Он сделает шаг
и встанет на гору
над тряпчным веком,
песням из всех миров
подставит свой слух.
Но тогда не все назовут его человеком.
Он сменит имя и дух.

1 декабря 2007, вечер, Москва

15. ГОРЫ И РЕЛЬСЫ

I. СУМАСШЕДШАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Цинизм или высшая мудрость?
Мшистые горы
стояли – молчали,
пока у их ног
плескался
кровавый прибой.

Между 9 и 12 августа 2008, Западные фьорды

ЗАПАДНЫЕ ФЬОРДЫ – Á VESTFJÖRÐUM

Изначальному Северу
снится в белую ночь
изобилье грязного юга.
Время-конь ковыляет
из брошенных фьордов прочь;
пузо давит подпруга.
Корабли ржавеют
на жирных
рябых волнах.
Замер гомон в воздушных
сиреневых городках,
где вдоль узких фьордов
прошло шоссе
сумасшедшую
вертикаль.

Время – лёд, море – сталь...

Ускользящий ритм извивов горной дороги.
Набегающий ритм голубых заливов-клинков.
Черные окна-глаза
пустующих хуторов
(взоры их – скорбны и строги).

Обречен – непорочен – могуч
(как эта земля)
каждый – вставший
у гор на пороге.

13.-14. августа 2008

В каждой горе таится собственный стих.
Перебегая со склона на склон по кудрявым мхам, -
если упустишь песню,

то слышишь другую.

Что сочинилось на синих бестравных высотах, -
непонятым станет тебе же

в лесистом ущелье сов.

Горы-тролли, горы-овцы и горы-птицы –
у каждой свои напевы.

У всех свой язык.

А здесь, когда клали шоссе, взорвали скалу динамитом.

Навеки несочиненной

осталась

базальтовая поэма.

14. августа 2008, Steingrímsfjörður

РОМАНТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О ЗАПАДНЫХ ФЬОРДАХ

Посвящается всем деревенским исландцам, переселившимся в Рейкьявик

Она блаженная! Вон – песенку поёт:

“Ó gíðum gíðum rekum yfir sandi¹⁹”.

Сидит на солнцем залитой веранде,
а видит снег и мох, и воронов полёт.

Лохматых и тяжелых скаты крыш,
порог, обрыв да серпантин дороги...

Но не ответят зову горные отроги;

в косматых деревнях – лишь мертвенная тишь.

Ей трудно затвердить,

тоску в душе тая,

урок столицы, душевной и огромной...

- Сырое прошлое – вот родина моя!

А в настоящем я бездомна!

Мы бездомны.

16 августа 2008, Úlfsstöðum

¹⁹ «Скачем, скачем по пескам...» (исландск). Начало известной песни на стихи исландского поэта-романтика XIX века Грима Томсена.

СКАЗОЧНОЕ

1. Длиннохвостый развернулся,
сокрушив скалу плечом.
А железный замахнулся
златокованным мечом.

2. Огнедышащий поднялся,
заплескал по скалам яд.
Но не струсил щитоносный,
не ступил ни шаг назад.

3. Захрипел зеленокрылый
и навек склонил главу.
Вытер лезвие доспешный
о поникшую траву.

4. Поскакал с победной вестью
в золотые города...

5. О бесстрашном сложат песни,
о погибшем – никогда.

20. августа 2008, Árnvatnsheiði, Úlfsvatnsskálinn

СОН НА ХЕЙДИ

Овцы заняты важным делом:
объедают с кочки траву.
...Дух обёрнут дремучим телом;
дремлет разум в зеленом рву
у меня... Умирают мысли,
отлетают в лёгкую даль.
Холки гор над хейди нависли,
холодит озёрный хрусталь...

Август 2008

Я не сочинял этих строф: я просто их вспомнил,
бросив взгляд на чешуйчатый бок горы:
я их там обронил
в прошлом году при таком же
низком осеннем солнце.

26.августа 2008

А к тридцати годам обжился в теле
неистовый и вольный дух,
как в мирной и натоленной гостинной.

Он был – зашедший на минуту путник,
летун, сроднившийся с дождем и мраком,
он задыхался в тесных жарких стенах,
рвался и бушевал... Но вот – привык;
пригрелся на ковре у очага
и подружился с утварью на полках.
(Еще давно ль он презирал ее, –
любитель безглагольного простора!)
Теперь ему не хочется на холод,
хоть не угасла жажда продолжать
извечный свой полёт...

А дело к ночи.

И всё еще неясно: справедливо ль
корить себя за скромное желанье
не покидать до срока сытое тепло
тяжелой неказистой
хижинки из мяса.

26. августа 2008

СТРОФЫ

У каждой вещи в мире есть собственный стих.
У каждого предмета в мире – собственный стих:
Отдельные висы камней.
Витые сонеты цветов.
Бегущие гекзаметры моря.

У каждой вещи в мире есть собственный стих, –
не такой же, как у других.
У каждой горы – свой стих:
Торжественный эпос Эсьи.
Модерновые вирши Bláfjöll.
Высокий гимн - Snæfellsjökul.
А между ними – длинные белые стихи
высокогорных пустошей;
безрифменные просторы,
перебитые песнями рек.
Все песни и все стихи звучат в одно время.
Иные еле слышны, заглушают соседей – другие.
Ухо из многоголосья
выхватывает напевы.

Соткан мир –
из несхожих строф.

27. августа 2008

Российская осень – глубокий аккорд
под сводом торжественным медного леса
и мягкие травы на склоне оврага.

Исландская осень - суровый хардкор,
железные струны под пальцами беса,
неистовый вихрь и небесная влага.

Середина сентября 2015, Коупавог

II ДЕРЕВЯННЫЕ ХОРОМЫ

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ

Я не знаю,
 что такое -
 родиться на юге,
любоваться на звёздный крест...
Здесь у нас небеса
 в холодной кольчуге,
здесь у нас -
 северный \ текст.

Лучезарной строкою
 зимнего лада
потянулась в небе канва -
и ложатся под ноги снегопадом
северные слова
 20 декабря 2010 и далее

Товарные поезда – это потроха России. Ее железные кишки, набитые продуктами ее жизнедеятельности: нефтью, песком, брёвнами. Они нечисты, некрасивы – но жизненно важны, и всякий, видящий их, испытывает странное смущение и тоску, свойственную тем, кто заглянул в чьё-то нутро.

8 сентября 2008, в поезде «Москва – Архангельск»

Проезжаю лес,
а над лесом крест,
над крестом труба:
город в гору влез.

В нем болотный дух
и белесый вал...
Кто напряг свой слух,
тот во снах узнал

деревянный сказ
кружевных хором...
В поле пялит глаз –
одичавший дом!

Но в нем святой народ,
голубой напев:
он не промелькнет,
сердца не задев.

Не забудется –
на весь долгий век
порыжевший лес,
бесконечный брег.

12 сентября 2008, поезд «Архангельск-Москва» № 15

ВЕТХИЙ ДОМ В АРХАНГЕЛЬСКЕ (зарисовка)

Хромые одичавшие избы
мечутся по проспектам.

Смотри: дом открыл гнилозубую дверь подъезда:
деревянная баба-яга стережет городских детей.
Где из косм ее выпали волосы –
во дворе проросли берёзы.

Бревенчатый хищник таращит окна из чащи.

Город-лес, город-север, - и у тебя свои чудища!
Но они не похожи на наших – железных и склизких,
марающих лапы в бензиновой слякоти трасс.
(Эти – молоды, злы, у них не стёрты клыки).
Твой-то зверь и дряхл, и плешив, -
его уже не сожрут
другие – бетонные...

Слепого оставят до века бродить по асфальту,
трясти пустой головой, вытягивать шею
и в ненастную ночь пугать одиноких путников
старой сказкой
о лохматой бабе,
что жарит в печи детей.

12 сентября 2008, поезд «Архангельск-Москва» № 15

ВИНЬЕТКА В СЕВЕРОВЕЛИКОРУССКОМ СТИЛЕ

Матрёна родом с Виледи.
Она обута в уледи.
Красуется на наледи
среди невытой челяди,
среди зырян и голяди.

Идёт Матрёна с Виледи
из города по наледи.
В котомке — горы рухляди.
А рядом бродят нелюди.
Храни же путь мой, Господи!

28 февраля 2011

**СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ НОЧЬЮ С 21 НА
22 ИЮЛЯ 2012**

1. ДОМА

Живые дома:

Вкруг дощатой цветной чешуи
мотыльками роятся
грёзы жильцов
на закате.

А вот полумёртвые избы,
в них призраки спят...

В летние сумерки дом распахнёт глаза –
и отразятся в стекле
его собственные
воспоминанья и мысли, -
едва уловимые,
как шелест чешуйчатых крыл.

2.

Ночь-вуаль
тропы не скроет.

Стекленеет
Север –
Свет.

3.

Пойду на берег сочинять стихи.
И в пряди резвых волн вплету
своих случайных пару мыслей.

4.

У пней есть глаза.
У углов есть глаза.
У ночи – тысяча глаз.
У ночи – сотня ушей.
Ночь – натянутый барабан,
мембрана июльских дум.
Учует сомненье – пойдёт шептать
ракитовым языком
зелёной тонкой звезде.

5. ВЫШЕЛ НА БЕРЕГ

Плавник на песке:
мордатые чёрные комли.
Войско леших погибло,
форсируя бурную Вычегду.

6. СОЛЯНОЙ ФОНТАН

(Сочинено во время умывания в знаменитом солёном источнике
Сольвычегодска на рассвете)

Рассыпал-раздарил
своё сердце по всем мирам.
Воздвиг из строф и созвездий храм
в каждом городе, где побывал.

Бился в сердце солёный вал –
волны невзгод и бед;
влага высохла за множество лет,
и осталась соль –
кристаллы-воспоминанья.

Кристаллы искрятся
под светлым лучом сознания.
Соли вкус на губах –
во всех мирах,
в бездонно-лиловых мирах.

Под синей звездой –
рокошет в желобах родник с солёной водой.
Струя – белый жгут,
воспоминанья текут.
Моё сердце останется тут.
Оно уже и так во многих местах, -
но ещё будет тут...

Напоследок умоюсь
в соляном фонтане
да гляну на небо:
зоревого жеребчика
конюхи ночи ведут.

7.
Рухнул дом.
Берёза оплетает
ржавый остов
 газовой
 плиты.

Ночь с 21 на 22 июля 2012, Сольвычегодск

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЗИМНЕГО СОЛЬВЫЧЕГОДСКА

Но вот и Усольск:
седые дома,
печные дымы,
лесные слова.

Солёный фонтан.
Крылатый собор.
Слепой особняк.
Некрашенный сруб.

В гостиных уют.
В чуланах мороз.
В музеях покой.
На улицах стынь.

И глазки собак.
И щётки ветвей.
И блёстки снегов.
И звонницы звёзд.

И некуда – вширь:
там лес, тут река
(за ней комбинат
сливает кисель).

И некуда – вширь,
пространства тесны,
осталось лишь вверх,
а может быть, вниз.

И тянутся ввысь
сознание и дух.
И падают вниз
дрожанье и быт.

И слово плывёт
в живой светлоте,
и ночью летит
под звонницы звёзд.

27 января 2016, Москва

ВОКЗАЛ

Это идолы дороги,
это морды поездов...
Сквозь стекло, поверх голов
в ночь светил фонарь двурогий...

Он расчерчивал на клетки
несерьёзный летний мрак.
Рваной тучи тёмный флаг...
Рельсов стянутые сетки...

Выйду из полоски света:
шаг – и я уже не здесь.
Вдаль увозит нас с рассветом

громыхающая жесь.

Эти идолы ж/д
под чужими фонарями –
нынче правят всеми нами...
Мы им молимся везде!

Ночь с 22 на 23 июля 2012, Котлас

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Сырая вечность зимнего чернолесья
за стеклом
под ропот колёс...

23 октября 2010, поезд № 16

*(Посвящается Анастасии Полярной, творцу и анализатору северного
текста русской литературы)*

Потянулся на медленный север
из своих суетливых столиц.
Из натопленных пышных подземок
потянулся в холодную глушь.

И раздались пред путником стены;
обозначились: ель и луна.
И сошла под дождём толща грима,
и внутри - проступило ЛИЦО.

23 октября 2010. поезд № 16

16. СИНИЕ СТИХИ

І ЗВЁЗДНЫЙ СМЕХ

РОЛЕВАЯ ИГРА

Когда игрушечный дракон
раскрыл пластмассовую пасть,
ты мне шепнул: «Нам нет препон!
У темноты – не вечна власть!»
- «Нам солнце движется вдогонь –
отступит чёрная зима!»
Бежит игрушечный огонь,
горят фанерные дома...
Игрушечный – бежал огонь,
потешные – вились слова.
Зато летал до солнца конь,
и вера в свет была жива!

... Нам тесен стал нейлон кольчуг,
и мы с утра шагнули вон –
в большое царство чёрных дуг,
в дворец без дворец и окон.

9 января 2009, Москва

«ПОТОМ!»

*А то, что придётся потом платить –
так это, пойми, потом...
А.Галич*

Я ненавижу слово «потом».
«Потом» - как в горле гнетущий ком.
Вся жизнь не в кайф, все потуги влом,
когда результат – потом.

Как равнодушно слово «потом»!
Уныло ждать за пустым столом...
Не сладок рай и не свят псалом,
когда награда – «потом».

И пуст котёл, и нетоплен дом,
а прежний пыл обернулся сном...
Какой резон ворочать кайлом,
когда зарплата – «потом»?

Как непонятно это «потом»!
Оно далёко, мы не дойдём...
Не знает страха злодей с дубьём,
когда расплата – «потом».

И беспощадно слово «потом»:
источит червь рукописный том,

могильный холм порастёт былём,
когда признание – «потом»!

Слепая тщетность, как ржавый лом,
висок раздробит тупым углом,
по водам Леты уйдёт паром... -
- и тут настанет Потом!

16 января 2009, Москва

Здесь очень много ненаписанных страниц.
Здесь каждый лист – невычерпанным морем
гостеприимно лёг к его ногам:
«Бери! Плыви! Осваивай пространства!»
И стали вместо дней страницы,
и стали вместо лет страницы;
«Листай ещё!» - а он боится:
А вдруг потянутся бумаги в бесконечность?
А вдруг – последний лист, и после пустота?

5 февраля 2009

(Посвящается Анастасии Полярной)

Я ездил по югам и северам,
по западам гнилым и по востокам,
и по степям, что не окинуть оком,
и по воспрявшим до небес горам.

Я видел тысячи европ и азий.
Свои миры дарил мне – каждый день!
И я познал скупую фактов сень
и сладость опьяняющих фантазий.

... Зато не видел ваших безобразий;
не застила мне солнца ваша тень!

Апрель 2009, Москва

Из необъятных постумных миров
смеются наши павшие над нашими
наивными ученьями:
о лирном парадизе, адском гриле,
о превращенье в птиц и насекомых;
смеются над своим посюсторонним страхом:
что боженька, божок иль божество
вдруг забранит
за схрумканную в пост колбаску,
за то, что идол не украсили цветами,
за скомканный конец молитвы.
Мы верим, плачем, горбимся, трепещем,
из-за гипотез – разбиваем лбы,
ломаем копья...
А они – свободны!
Их с нами разделяет – Звёздный Смех!

12 апреля 2009, Москва

В ОБИТЕЛИ ОБСКУРАНТОВ

- Монах упрям: из правой веры он
подался в стихоплётческую ересь:
Он бросил наизусть читать молитвы.
Он бросил буковки вымучивать пером –
такие точно, как в оригинале, -
своими буквами удумал, нечестивец,
бесценные пергаменты марать!
Из головы свои записывает фразы,
свои по слуху подбирает строфы,
какие не отсчитаны на чётках,
не вписаны в старинных тропарях.
И отвлекаются все прочие от службы,
когда паскудник
 песенки свои поёт.

Другой монах – такой же еретик.
Не хочет он глядеть на старые иконы
(на них же, словно копоть вековых лампад,
остались взгляды многих поколений).
Катается смутьян по полу кельи
и вопиёт: «Вы принесите кисти!
Подайте краски мне и свежий срез доски!
И я другие напишу иконы!

Я подарю вам новые иконы!»
- и чертит святотатец по стене углём,
и оживают бледные фигурки...

- Владыко, эта ересь не нова.
А называется она «Искусство».
Не знаю я, как с ней бороться:
её не удавалось победить
ни усыпляющей молитвой,
ни изнуряющим постом,
ни тяжкою работой до упаду.
Отправить бы смутьянов на костёр –
и дело всё с концом! ... Так тоже нет:
на смену им придут другие,
число же им как звёздам в небе,
и будут отсебятину пороть
и песни петь, и малевать картины.
И будут, будут множество веков
тревожить горделивый сон
монастыря
с суровым сумрачным уставом.

1 мая 2009, Москва

II СИНИЕ СТИХИ

ЖАЖДА СТРАНСТВИЙ И ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЦИКЛ)

I. Сердцевина

Ты поступи наоборот:
от солнца – скройся в подземелье,
на пустошь выходи – в туман и мрак.
Сроднись с дождём, подставь ветрам все мысли;
тогда как следует узнаешь,
которые из них – твои,
какие – копоть городских дорог,
за много дней осевшая на сердце.
Полночному дождю – открой нутро.
Не бойся: не размокнет сердцевина.
Пусть побежит на землю мутная струя –
ведь это грязь, ведь это краска,
а сердцевина – ладна и тверда...
Ты сам её не видел до сих пор,
не ведал прочности
и силы.

II. Ушёл в поход

А вот стихи: я их писал в подвале.
Теперь я тоже под громадой камня –
во чреве липаритовой горы,
от ливня спрятался в пещеру.
Намок листок в кармане.
Смылись строки.
Не будет продолженья городским стихам –
где мусорный асфальт
сменился мхом на лаве.

III. Будущее

Стал снова верить в детские приметы:
Поймал пушинку – будет мне письмо.
Ресничку сдунул – сбудется мечта.
В осколке зеркала увидел отраженье –
ну точно заругают дома...
И знаки будущего ищет жадно
в травинках и камнях.
Из колебанья ветки за окном
стремится вычитать, что будет всё спокойно,
и что пока – как до сих пор, -
ему подвластен солнечный мирок,
что отгорожен от дороги
древним садом.

Все – 30 июня 2009, Úlfstaðir

IV. СОТВОРЕНИЕ МИРА

Ты - сила.
А вот лава.
Стал - сад.

Конец августа 2009

Не надо бояться, что кто-то подслушает:
ветер снесёт все слова,
приземлит осторожно на мягкие листья,
пустит вперёд по ручью.
А самое острое алое слово
подхватит воздушный поток,
оно понесётся в рокошующий город,
вонзится ему
в почерневшее сердце.

3 июля 2009, 18:20, Úlfstaðir

ВРАЖЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

(Посвящается всем, кто попался на удочку лживых идеологий и сам же пал их жертвой)

Копался в грязных грядках
и пачкался в земле...
Но тут ему сказали:
«Тебе живётся плохо:
ты порот и поруган,
ты загнан и задвинут,
тебе не дали солнца.
У нас есть меч и мощь.
И мы на лёгких крыльях
тебя освободим».

И он приободрился.
И вот над огородом
гул долгожданных крыльев.
Всё ближе эти крылья,
накрыли землю крылья,
взвихрили землю крылья –
 стоглавого жадного змея!

3 июля 2009, 11 часов вечера, Úlfstaðir

В углу японский меч, над ним – цветок...
Минимализм в поэзии и в чувствах.

18 июля 2009, Úlfstaðir

ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ О МОРЕ

Море, ты нам давало
 силу;
Море, счёт наш к тебе особый –
Порождающая могила,
Поглощающая утроба –

Волю давшая и путь.
Мы твою сосали грудь.
Ты служило нам кладовкой.
Ты служило нам помойкой.
Мы тебя делили бойко,
объезжали ловко.
На спине твоей резвились,
от руки твоей бежали,
на косе песчаной – мылись,
у скалы прибойной – срали.
В глубину твою плевали –
непотребное корыто!
Пресвятейшая купель!
Голубая колыбель –
наше детство в ней зарыто,
и веночек плывёт в волнах!
Прикипает к пене страх,
пригорает к берегам
весь наш дух,
весь наш срам.

По чужим сырým следам
пробегут морские кони.
Ветер в гривы сор нагонит.
На ладони
сохнет соль.

Сбилась роль!
Солнце – тонет...

17 и 19 июля 2009

(Читаю сборник стихов исландского поэта-сюрреалиста Sjón)

Белые стихи – о вселенском разуме.
Красные стихи – о всеильном гневе.
Жёлтые стихи – о глобальном городе.
Чёрные стихи – о войне.

А самые синие кристальные стихи
я оставлю себе.

Глубина их – больше бездонных шахт,
никогда их не напечатают.
Они станут искрящимся туннелем –
колодцем к небесным корням,
мостом к сновиденьям богов.

22 июля 2009, Úlfsstaðir

ЖЕРТВА ВОЗДУШНОГО НАЛЁТА

...Когда он в первый раз увидел самолёт,
тогда ему уже
не важно было, чьи же это крылья:
орлов, людей или валькирий,
иль хищных ангелов
бетонного Эдема.

29 июля 2009, Úlfsstaðir

В зеркале стоит темнота.
В зеркале живут наши сны.
Зеркало пожрало людские воспоминанья.
В зазеркалье – наши дерзанья,
хроники небывшей страны.
В зазеркалье чаем увидеть выход
из-за сплошной стены.

Конец июля – начало августа 2009, Úlfsstaðir

Я не знаю имён в этом трепетном царстве растений,
различаю их только по виду:
одно распустило косы,
другое шевелит плавниками,
третье – щупальца, тёрки и рожки.
Они на своих местах. А меня гонит ветер;
ни корней, ни бутонов – лишь тёплое имя - и ветер.
Эти древние властные роды – веками сидели на землях,
на рассыпчатых глиняных склонах.
Их спокойное царство тревожат –
не студёные воздушные змеи,
не гремучие камни с горы, -
а спешащий по тропке изгой.

2 августа 2009, Úlfsstaðir

ФУТУРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УТОПИИ

Будет царь в голове.
Будет лестница в пряничном доме.

Чёрный лебедь, турецкая Пасха
и курица в супе бродяги... Всё будет...

Но ни одна дорога
не приведёт вас в Рим.

1-2 августа 2009, Úlfstaðir

ЧЕЛОВЕК XX ВЕКА

(или Неспособность преодолеть прежний уровень сознания)

I

Я полюбил свою нескладную избушку над обрывом,
я полюбил свой сумеречный век!

Под сердцем у меня свеча;
я научился управляться ей во мраке,
я наловчился защищать её от ветра
и укрывать от жёстких крыл летящего дракона.
Но кто оценит это тихое уменье,
коль развернётся за окошками заря?

Мой старший брат – железный мрак – двадцатый век!
Для нас с тобой всегда
за чудо шла – и свечка за колючкой;
мы любовались ею из своих углов,
друг друга тихо ненавидя,
в подклети поджидая Рагнарёк.
Придут наследники избившихся углов
и скажут нам: «Давайте солнце!»
А у тебя лишь фронтовая ночь из ржавого железа,
а у меня – одна свеча.
И вдруг никто из нас
не совладеет с сильной солнечной птицей,
когда она вспорхнёт над ветхою трубой?

II

Мой палач – мой единственный брат.
Злой ротвейлер – единственный страж.
Виртуальный холодный дракон –
мой единственный сын.
Сочетания ржавых столбов –
мой извечный единственный лес.
Мой единственный пир – это серый цемент вместо корма.
... Я томлюсь по теплу, по добру, -
но они для меня – не норма!
Мне роднее – гнева котёл, обрыв, Рагнарёк!
Я учусь вселенскому свету – и я не усвою урок!
Не покинет постылую койку усталый калека –
человек двадцатого века!

6 августа 2009, Рейкьявик

На прекрасной планете Земля
лазурь и священные рощи.

На пропащей планете Земля
лапищи военных заводов.

На усталой планете Земля
выморочные поэты.

Боги холили эту планету.
Бичевали эту планету.
Перволюди вводили обычай ждать конца света.
И всегда – зима Fimbulvetr
 после вудстокского лета.
Каждый раз на новую рощу –
 новый щербатый топор.
Глазищи звёзд над обрывом нацелены в очи озёр.

И непросто – снова вести вековой разговор,
бесконечную речь – в тёмный зал
 с голубой каменистой сцены,

где всё свято, проклято, продано и бесценно.

16 августа 2009

Люди придумали многое множество слов
про смерть, про войну, про боль, про чёрную бездну.
Люди залакировали великий провал
тонкою сахарной коркой приевшихся фраз.
И как долго ты продирался
сквозь репортаж о теракте
иль некролог в газете,
пока не понял, что здесь
под бумажными словами
 чернеет кровь?

Ночь с 19 на 20 августа 2009

III ЗВЕРИ

КОТ-ВОИН И КОТ-ФИЛОСОФ

Кот-воин и премудрый кот-философ!
Они у белого окна в ночи,
их ложе – книги и коробки.
Им много лет. Они ловили птиц,
из супермаркета консервы ели
и помнят, как хозяйка говорила:
- «Вот довели страну: мяса для котов нигде не достать!»
И помнят все мышинные ходы
в бревенчатых и травных лабиринтах.

Они – как мы! – не спали по ночам
и так же ощутили дуновенье смерти.
Теперь они нам помогают
шагами мерить каменистый тракт тоски.
Им ничего не надо разьяснять.
Они мудрее нас, -
бесстрашный берсерк и спокойный стоик.
Они всё видят. Знают, что рука
всесильной Фрей на твоём затылке
бывает ласковой, бывает жёсткой,
и трудно постигать её прикосновенье
сквозь будничности выцветший покров.

Они сидят, как столбики в ночи,
от змеек хаоса хранят углы сознанья.
И одному дана безбрежность мысли,
другому – дерзость духа.

Сиятельные,
верные коты!

3 июля 2009, 15 часов, Úlfsstaðir

Мы дали всем животным имена,
всем-всем животным дали имена.
И вот теперь поставлена стена –
из слов колючих ржавая стена
меж нами
и смиренными безмолвными зверями.

23 августа 2009, Úlfsstaðir

Кошка, я помню тебя тонколапым глазастым котёнком.
Нынче ты мудрая мать –
старше, взрослее меня...

25 января 2008

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИВОТНЫХ ОБ УМЕРШЕЙ ХОЗЯЙКЕ

I

Моей собаке снится сон:
что густы деревá мифического сада,
что оборонь держать от пустоты не надо,
и что спокойной солнечной оградой
опрятный мир неспешно обнесён.
И что в квартиру – там, за оболочкой сна, -
вернулись предначальные – благие времена.

II

Весь коридор в следах от каблуков –
давно утоптан тракт воспоминаний
и выстелен пластами сбитых слов...
В слежавшихся речах – не дышит шум годов.

Он жив – в надёжной тёмной скорлупе,
где не пролягут трещины речей:
в воспоминаниях
и снах зверей.

18 сентября 2009, 05:25, Москва

ЗАРАЖЁННОЕ НЕБО

Как небесному зверю из шерсти вычесать блох –
эти все военные самолёты?

3 октября 2009

17. ДЕРЕВО НАДЕЖДЫ

(посвящается рябинке на Бутырской улице)

*На моём бескрайнем пустыре
прорастает дерево надежды.
Пьёт земную влагу, ловит звёзды
призрачными робкими ветвями.
Распрямляются тугие листья –
прорастает дерево познания.
Прорастает мировое древо –
поднимает крону
из руин.*

1 марта 2010, Москва

ИСЛАНДИЯ 2010

I

Экскаватор жрёт мою лаву.
Грузовик раздробил мне недра.
На моих израненных склонах
деревянными язвами – дачи.
Из моих разбитых ущелий
порасхищены мшистые камни.

Но у меня ещё остался снег.
И вóроны...

II

Да пребудет с вами морской прибой!
Да пребудет с вами ветка рябины.
Да пребудут с вами шторм и пурга.
Да пребудет с вами свеча.
Да пребудет с вами моховая гора
и голая ноябрьская ночь!
И пусть они хранят вас от бетонных лап
с арматурными ржавыми когтями.

17 января 2010, Úlfstöðum

Рейкьявик не спит.
Он шумит дождём.
Он гремит листвой.
Он шуршит асфальтом.
Он зорко следит за яркой стрелкой на церковных часах.
Столько лет она ползала здесь по бетонному кругу!
Вбирала в себя и голый ноябрьский мрак,
и летнюю лиловую ночь.

Вот он – мой город:
истрелян
тысячей фотоаппаратов,
запачкан миллионами взглядов,
пропахан сотнями шин.
Сотни раз омыт
морской пеной, пивными брызгами!
Пламенеющий вывесками,
истекающий мочой на углах!
Победоносно торчащий над морем
высотками-копьями.
Сколько раз я его покидал –
а он по-прежнему мой!

Память всё сохранит:
земляные окошки - подвал,
звёздный обруч над синей горой.

23 и 26 января 2010, Рейкьявик

В этом доме всё слышно.
Он лёгок, как лунный корабль.
В его лестницах призраки.
В балках приюты дроздов.
Он скрипит, когда в городе буря.
Он солнца январского сталь
по листку расстилает на крыше во мху облаков.
В этом доме звонит колокольня, чихает мотор...
В нём всё есть; мы досмотрим, дослушаем всё до конца.
Вот вам живопись: лебедь в виньетках украсил забор.
Вот вам музыка: хлопанье веток и пенье скворца.
Пять шагов от окна до двери, между ними – весь свет.
Эти стены – не стали живущим тяжёлой бронёй.
Эта крыша низка – но для мыслей препятствия нет.
Дума к небу летит, чтоб обратно вернуться звездой.
В этом доме всё видно и слышно.
Он – лёгкий корабль.

26 января 2010, Lokastig 21 í Rvík

СТИХОТВОРЕНИЕ О СМЕНЕ ПОКОЛЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сытые постмодернисты
потели в пальто теорий,
маялись в муфтах мифов;
медленно продвигались
по кругу, по кругу - утоптана тропа!
По кругу, по кругу - железная дорожка!
Томились в плотных поддёрках.
Топтали круги железа.

Вздохали: "Мы больше не можем!"
Галдели: "Нельзя иначе!"
По кругу, по кругу - железная тропинка!
По кругу, по кругу - утоптана земля!

Но вот у края - другие:
неловкие смуглые руки
соткать из мифов и знаков
не в силах плотных одежек.
На их угловатые плечи
напрялить нельзя поддёвку...
Привстали на сталь нагие,
пихнули пыль голой пяткой -
и на удивленье усталым
без правил прочь побежали -
по кочкам, по кочкам - болотистая быль!
По полю, по лаве - цветное бездорожье!

26 января 2010, Рейкьявик

Потянулась темнота.
Расплескалась темнота.
Затвердела темнота.
Зацепилась темнота
в тишине – за край куста.
Над камнями, над дорогой –
ветками перевитá.
Только бледное свеченье
над горой – как будто пенье
призрачных глухонемых
выплывает в рощу –
стих
стих.

31 января 2010

Кончатся медовые сны.
А на той стороне
шаткий рассвет, ветхий рассвет зимой.
Серая темница рассвета –
и с троллями бой.
Но на руках не будет серых оков, -
пока душа омыта золотом снов.

2 февраля 2010, 14:30, Рейкьявик

Ночью вселенской, ночью дневной!
Егор Летов

- Да будет с тобой ночь!
Заметь, я сказал: «ночь»,
но я не сказал: «тьма»
без зарева и звёзд.
И я не сказал: «мрак»
в загонах людских душ,
где серо гниёт страх
и умер давно стих.
И я не сказал: «мгла»,
где скован бронёй дух,
где каждый другим - волк,
где холод один - царь.

Нет, будет другой ночь!
Пусть будет с тобой ночь
в хрустальный святой май
в краю слюдяных гор;
задумчивый сон- свет,
плывущая цепь слов,
седое руно трав —
... И вновь обновлён мир.

10 февраля 2010, Москва

СТРОИТЕЛЬ МОСТОВ

песня

Увязил в трясине сапог
на болотистом берегу.
Вижу в вóлнах небесный рог
в водянистом кругу.

Не вернусь в полночный покой
неказистых и душных гнёзд.
У меня здесь важное дело:
я строю мост.

Свая ушла в грунт.
А вот и свая ушла в грунт.
Расплескалась чаша – грязи отмеренный фунт.

С каждым шагом от берега
всё густее
туман над гнильцою рваных
прожитых дней.

Не тревожьтесь, деревья в лесах:

топоры не тронут стволов.
Возвожу я незримый мост
из медвяных слов.

Без камней и цементных скреп,
без тяжёлых арматурных костей –
возвожу я мост для существ,
богов и людей.

Свая ушла в дно.
Горе ушло в ночь.
Омывает усталую душу
рассветный дождь.

С каждым шагом над бездною
всё резвее
острые прозрачные гребни
призрачных волн.

Не выдумывайте пряничный рай.
Не стоните, что чёрен погост.
Обождите, пока я закончу –
и будет мост.

Через топи ненастных дум,
через звёздные волны снов –
возвожу я мост
до лазоревых облаков.

Дума ушла в ночь.
Слово ушло в мир.
Слово вернулось – струна натянулась
на теле лир.

Мост памяти – мост предвиденья,
мост веры и мост сомнений,
для живущих и для невидимых,
мост для яви и сновидений.
Мост – в иномирную ширь.
Мост – в глубины нутра.
За рассветную грань,
за взмах голубого пера...

С каждым шагом к берегу
всё яснее
белые лики огней...
Окончанье пути!

25, 26 марта 2010, ночь, Москва

СОБАЧЬИ СТИХИ

Выгуливаю
 свою
 тень
на прочном
 ветровом
 поводке;
на сворке
 фонарных лучей;
на длинном
 аркане
 дня.

Выгуливаю
 свою
 боль
на поротых
 метлой
 пустырях.
А с нею – и твою
 грусть,
лохматую,
 как сон
 в конуре.

*

... Зализывай свою
 грусть.
Хвостом не привечай
 власть....
Развяжет постромки
 мысль.

7 апреля 2010, ночь-утро, Москва

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СНЫ

Надел свою пижаму –
чтоб не испачкать тело
о грязную постель.
Ночной колпак на темя –
чтоб мысли не марались
о слякоть сновидений.
Прочёл свою молитву
и вот – нырнул отважно
в болото подсознания,
в мир фрейданутых грёз.

Под утро – породнился
с премудрыми жильцами
шалного иномирья

(ведь было – не болото,
а золотое море!)

.....
Решил не возвращаться.
.....
.....

Гладка поверхность простыни:
ни пузырька, ни ряби.
Никто к звонку брегета
не вынырнул...

02:27 ночи, 17 апреля 2010, Москва

ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС

В ином измеренье ночные слова бежали...
Лампы теплились.
Звери спали,
завернувшись уютно
в мех своих тихих лет...

Промокшими крыльями хлопал холодный рассвет.
Ширился зев подвала.
Небесные стыли ключи.

И белая свеча безразлично кивала
при гибели чёрной свечи.

28 мая 2010, 4:06 утра

В ту ночь все деревья столицы
выступили походом:
одноногие,
многопалые,
буйнокудрые.
А с ними – и оголённые,
обезветвенные инвалиды,
израненные проволокой,
по колено цементом залитые.
Тронулись по проспекту,
роняя комки глинозёма,
птичьи гнёзда, ключья бумаги...
Сквозь полысевший город –
под расписное окно
серого повелителя.
(Едва он взошёл на престол –
все парки столицы усеяли пни,
будто кресты на могилах).
.....

Дрожит расписное окно.
Бунтует стихия леса.

Ненастное моё сновидение:
под напором Бирнамских стволов
рушится Дунсинан.

Ночь 18/19 июня 2010

«Отпустите меня в мой сон...»
Тэм

Вереницы ликов полустёртых.
Памяти лежалые пласты...
Я хочу домой из царства мёртвых,
где растут и падают кресты.

Сны усопших тянутся куделью,
иномирных песен вьётся вязь...
Слишком чисто. Слишком беспредельно.
Я хочу назад, в родную грязь!

Тихий разум сиротливо стынет,
обречён нездешним берегам.
Из бесстрастной идеальной сини
я хочу к своим родным врагам!

Здесь ни задушевных разговоров,
ни любви, ни боли, ни войны...
Иномирья звёздные просторы
для живой людской души сложны.

Срок пройдёт; в устах застынет слово,
обовьёт сознание тишина...
Я молю вас с берега другого:
отпустите вон меня из сна!

11 января 2011

ОГОНЬ

I

Танцует двурогий огонь
в такт моим думам.
Гнев – завьётся спиралью.
Тревога – стеной закрутится.
Радость – столбиком ровным.
Танцует двуликий:
ад – свет
жар – дар.
Разноцветный огонь –

хранитель всей информации.
Собравший всю мудрость мира
на тонкий прозрачный язык.
Вся мудрость мира –
бег огнегривых коней
от пещерных костров – до солнца.

П
Белый огонь,
огради невесомой стеной
от бурь и снегов
от распрь и клинков
от взглядов и слов –
на чёрном склоне
 сморённую сном Брюнхильду!
Пусть будет добрый огонь:
не опалит
серую гриву коня
у того, кто приедет с миром.

18 апреля 2010, сумерки. Москва

МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПОЭТУ:

Выпей зелёного чаю, и всё пройдёт.
Вот, ложись на шёлковой простыни!
Не для смертных звёздные росстани
и ветров надмирный полёт!

Не тоскуй о надзвёздном мире: ведь мы не боги!
Мы привязаны к тверди, и наши тела тяжелы.
Не печалься, воробышек, что не вышел в орлы!
Для тебя роднее не скалы, а куст у дороги.

Ах, оставь, оставь свою мировую скорбь!
Есть ведь счастье: простое, земное.
Выпей чаю, надень костюм и выйди во двор:
там сверканье весёлых реклам вместо звёздного строя.

И ты будешь мною любим; ты полюбишь сам
прелесть тварного пыльного века...

Лишь оставь стремленье – взойти божеством к небесам.
(= Прекрати лишь быть человеком!).

29 апреля 2010, Москва

МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПОЭТУ-2

Мещанка сказала: Послушай, поэт!
Хоть я, может статься, умом небогата,
а всё же замечу, что вашему брату
давно бы пора уже знать этикет:

а не пачкать / своей кровью / наши ковры
а не вешаться/ на наших/ бельевых верёвках
а не пятнать/ своими мозгами
наш выскобленный асфальт
(про следы / на подоконниках/ верхних этажей
я / вообще/ молчу!)

Я ещё пойму, если лить по углам мочу,
бить морды в квартирах,
бить бутылки — в скверах:
это /не противоречит/ понятию/ о хороших манерах, -
или вот: между миской и урной
не делать различия...

Но записывать кровью / в памяти века
стихи -
это верх неприличия!

5 октября 2010, Москва

МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПРОРОКУ

Помолимся вместе, мой странный брат,
хвалы вознесём богам!
Молебну каждый из них будет рад...
Ой, это, что ли, твой храм?

В огонь поглядим, не роняя слёз
и речи не говоря...
А что, у тебя ваще не нашлось
нормального алтаря?

Я знаю, что боги являлись тебе,
беседы с тобой вели
о жизни, смерти и о судьбе...
Ф-фу, тут все ковры в пыли!

А смертным богов постичь не дано,
это дело не их ума...
Ну как ты на жертвенник льёшь вино?!!
Короче, пусти, я сама!

Пусть богов воочию видел твой взор,

пусть ты речам их внимал, -
В наше время это большой позор -
не соблюдать ритуал!

28 сентября 2011

Майор сказал:

Я запретил бы это небо!
С него течёт не по уставу
такая пегая водица,
такая дерзость и задор!
Размачивает зачерствевший город:
сперва-то был летучий прах,
потом-то – грязь,
потом-то – плесень.
А под конец совсем уж дикость:
зелёный танец стебельков!
На гладком деревянном сердце
вовсю колышутся побег
и маленькими острыми корнями
врезаются во тьме
в отполированные загородки.
И очень скоро рухнут в перегнутой
отсеки догм
и ящички для правил,
и полированное дерево голов
не будет больше мёртвым.
А город – город одичает
от пряных запахов листвы.
Что требовать с него? Какой устав?
Ему отныне нужно только небо,
как пьянице – бутылка.
В его разбухшем лоне бродят семена –
творится поэтическая брага!
И не положено её
от века
отхлебнуть
посланцу полированных миров
в размокшей униформе.

Лето 2010

... А давайте, он к нам не придёт –
серый ментор с железным перстом,
с глазами-кнутами!
А давайте, он больше не будет
нанизывать наши страхи
по уграм на суровую нить!

Он вышел из внутренней тьмы.
Он отлился в норах души

из тревог и печалей.
Он будет расти и крепнуть...

Пора оставить
недоброе развлечение:
за закрытой дверью
выдумывать для себя
непобедимых врагов.

20 июня 2010, Москва

В промышленных дремучих городах,
где скалятся уродливые окна, -
мы создаём деревья и драконов,
мы почитаем звёзды и богов, -
и даже видим путь на Валинор
над трубами котельной.

Откуда это всё? Наш мир брутален.
Мы не рождались на жемчужном поле,
не видели медвяную зарю
при сотворенье островов и гор...
У нас есть сны и есть движение мыслей, -
и больше ничего.
Но этого немало
для обитателей тоскливых голых нор...

Мы создаём деревья и драконов.
Мы создаём поэзию и смысл.
Рябые стены голых городов
мы одеваем облачением из песен.

И здесь мы не беспомощны, не нищи.
Мы ладим мир.

20 декабря 2012

Сотвори себе мир.
Сотвори себе миф
из обрубков ветвей,
из обглоданных пней,
из разбитых ларьков,
из неверных мостков,
из разорванных строп,
из затоптанных троп.
Прочитай легендарium хлипких углов!

И дохнёт глубиною убогий мирок,
обретёт своё сердце,
свой дух и свой рок.
Обретёт свой язык –
вдоль канавы тростник.

Над задворками – солнечный лик
луч протянет к твоим пламенеющим снам.
И все мифы, какие ты выдумал сам, -
вдруг окажутся полузабытым
древним прошлым этих углов.
Искры памяти вспыхнут в сору до ярких костров.
Из сухих тростников
огнекрылая вылетит птица...
Хлипкий мусорный мир –
обновится.

7 апреля 2012

Заснём-ка вместе!
Растянувшись на общем поле медовой дрёмы,
смешаем свои сновиденья!
Пусть сплетутся своими лучами
летучие лунные мысли,
растущие из голов!
Пусть в иномирном ветре
скомканные листики душ
разглядятся, распрямятся
друг перед другом!
Пусть льются потоки мыслей...

И так до утра,
до утра,
пока звон часов
не рассадит всех вновь
по клеточкам его.

27 декабря 2010, Москва

ДИВНОЕ (ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЫЕЗДУ В ХОТЬКОВО 1 МАЯ 2011)

Вместо ложа в сырой листве
будет солнечная ладья.
Будут речи о волшебстве
и приснившиеся края.

Будет солнечная ладья,
и борта её - из огня.
Холод - сетчатая змея
в сумрак выползет прочь из меня,
унося в своей пасти страх,
унося в своей пасти гнев.

раздраженье - сторит в кострах.
Развернётся парус-напев

у сияющей светлой ладьи,
что всплывает в мысли мои...

13 мая 2011, Москва

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ "ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН"

Я снюсь моему коту
в душистом хвойном венце;
с бумагами вдоль стола
да с полным котлом в руках.

Я снюсь моему коту
весь вечер - весь год - весь век.
Хвалы возношу богам
за то, что вся моя жизнь
оказалась снами кота
(это мудрый пятнистый зверь),
а не снами хромой лисы
или серого паука
среди оскаленных скал...

.....
Смешаем медвяные сны
смертных, богов и зверей!
Пусть доро́гой проляжет в умах -
сновиденческий общий век!

Сновиденческий дивный лад;
бесконечная мудрость снов -
пусть проляжет в наших сердцах,
освятив этот год - этот век.

14 мая 2011

18.ИСТОРИИ

ГОЛОВА И СЕРДЦЕ (фантастическая история)

Он цедил вино и рассказывал мне
(ложились слова, как пластины олова):
- Когда я был лётчиком на войне,
меня серьёзно ранили в голову.

Над стойбищем в тундре упал аэроплан.
Мы с напарником чудом остались живы.
Мне новую голову сделал шаман
из пуха и нутряного жира.

С головою новой хотел я как раз
вернуться в строй.

Но странное дело:
жир и пух
любой командирский приказ
отторгали, как инородное тело.

В новой башке держались с трудом
нормы когда-то привычного мира...
Мне пришлось оставить мой аэродром,
родную часть и отцов-командиров.

Мне стал безразличен исход войны.
Я — стыдно признаться! - не рад и победе.
Звенят в голове иномирные сны
о звёздном пути и полярном лете.

От белом олене с луной меж рогов,
о ночи, поэтам раскрывшей объятья...
А я фронтовик. Не пишу я стихов.
Для меня
все эти виденья -
проклятье.

Я бодр. И я снова хочу на войну.
Дух и сердце стальное без битвы устали...
Ты мог бы меня отвести к колдуну,
что даст мне голову — тоже из стали?

(И я ответил ему):

- Ты гнушаешься даром
судьбы своей.

И всё же помочь тебе я не против.
Знаешь, мне знаком один чародей, -
он тебе сделает сердце из плоти...

16 февраля 2011, Москва

НОЧНОЙ ГОСТЬ
(по мотивам саг об исландцах)

Отводит древко призрачной рукой:
- Я – не я!
Я- другой!

А за оградой тьма рекой.

И камни в ряд,
и мхи молчат.

Разверзла ночь своё нутро...
И кто ж выходит из глубин
смятением скованных долин
и полым глазом ищет кров
во мраке, раздавившем склон?
Да только он – уже не он.

Всё прежнее: окно, стена...
А он забыл все имена.

.....
Но может, он оставит тьму,
не затвердит её урок,
когда позволите ему
переступить родной порог.

10.-13.августа 2014, Москва

ДЬЯКОН С ТЁМНОЙ РЕКИ
(вариации на тему исландского фольклора)

1. Призрак смотрит на часы
и на тлеющее небо.
Мёрзлый мох – червям потреба,
камень холоден и сыр.

2. За рекой молчат дома.
Замер хутор – зверь косматый.
Низких крыш седые скаты
обволакивает тьма.

3. За распухшею рекой,
размокающими льдами –
ходит мелкими шагами,
потерявшая покой –
ходит Гюнна за рекой.

4.– Гюнна, Гюнна! За ограду
отведу я в ночь коня.
Я войду – впусти меня! -

но за стол с тобой не сяду.

5. Слишком коротки часы
у отмеренных свиданий!
Каждой ночью мертвецы
в кабале у расписаний!

6. У расшатанных мостков,
у реки, что льдом одета,
у ворот, колоколов
и у бледного рассвета!

7. Чуть до хутора добрёл,
чтоб сказать словечко милой, -
ночь прошла, пора в могилу! –
Призрак грустен. Призрак зол.

8. – Гюнна, Гюнна, от тебя мне
в ночь по пустоши скакать.
До утра под мёртвым камнем
быть обязан я опять.

9. Строгий сторож подойдёт
к каждой горке, к каждой яме,
и отмети всех крестами, -
перекличку проведёт.

10. Расписаний злая сыть
радость встречи отравила!
Призрак смотрит на часы.
Он не смотрит в очи милой.

7 апреля 2012

ПОСВЯЩЕНИЕ ИСЛАНДСКОМУ ПОЭТУ ТОУРАРИНУ ЭЛЬДЬЯРТНУ

Не знали ботаники, что значит “mistilteinn”:
какое-то деревце вроде полярной ивы,
растущее в тундре, дающее слабую тень;
под ветром щедушный ствол изгибается криво.

А Локи подумал: Ах, как же наивна Фригг!
Всё предусмотреть, но забыть про эту тростинку!
И вот, настал роковой для сущего миг,
и Бальдр лежит распростёртый на поле тинга.

Локи и Бальдр не смогли бы понять друг друга:
Локи слушал индастриал, Бальдр – пение птиц...

Разбушеввалась в мире стальная выюга;
рушатся горы, и люди падают ниц.

Да что говорить о моральном облике Локи!
Все согласны, что заслужил он свой приговор...
Но только мир изменился в сжатые сроки
и продолжает меняться с тех самых пор.

12-13 мая 2014

МЕМУАРЫ ХАРОНА

Сначала-то были вояки с кремнёвыми пиками,
их жёны, зажавшие свой амулет в горсти:
костисты, не слишком чисты, не слишком упитанны.
Молчали, смотрели на тёмные воды в пути.

За ними пришли другие. Эти культурнее.
Рыдали и пели, поэмы читали с мест.
Интересовались цветами и яркими урнами.
Они же здесь, кстати, и плату ввели за проезд.

За ними – одетые чисто. Глядели угрюмо.
Не верили, что предстоит им куда-то плыть.
От них на причале бывало немало шуму,
иные пытались челнок мой остановить.

А те, кто сейчас – шабугные! – ворвались с налёту
и свой наводить порядок принялись сразу:
велят, чтобы я заменил мой челн самолётом,
где им бы устроили сервис по высшему классу.

23 апреля 2014, Коупавог

МЕДОТОЧИВАЯ ЛЕГЕНДА

С леденцовым копьём

на шоколадного дракона

через стущёнку

по ванильному мосту.

20 января 2012

ИЛЬЯ ИЛЬИЧ (НАШЕ ВСЁ)

... Чем я хуже них (людей, ведущих активный образ жизни), что лежу дома и не забиваю себе голову тройками и валетами?

Обломов

Илья Ильич прихлопнул муху,
поправил серую подушку.
Сегодня он проспал корпоратив,
а завтра проморгает митинг.
На чистое, как простыни, сознание,

не лягут пятнами рекламы
и новостей обманчивый песок
не заскрипит в стерильности постели.
Илья Ильич в дремоте видит бога
на облачной залатанной перине,
он видит мягкую планету
без суеты, возни и шума.
Он видит всё. Он - тихий диссидент
и эскапист в глубины сновидений.
Его душа не пачкалась о мир.
Илья Ильич невинен, целен, скромн...
Он - наше всё.
Его нельзя будить...

16 декабря 2011

ДИКАРСКИЕ ОСЕННИЕ СТИХИ

Шаман помешкал, испугавшись снов.
Теперь всё стойбище сидит без мяса.
Мы замерли и ждём лихого часа
и потрясения призрачных основ.

Мы скорчились. Нас проклял Дух Болот.
Узлы корней - его кривые пальцы!
Хозяйка Леса не найдёт страдальцев,
свой ковш с едою нам не поднесёт.

Какой почёт - когда с небес течёт!
Над елью сумрачно, в землянке сыро.
А скоро мы увидим гибель мира,
и пустят Духи Вод
наш лес в расход.

Последний век! И солнца больше нет!
Угрюмых елей оплывают лица...

... И сообщение от знакомых из столицы:
они там подключили Интернет.

30 сентября 2011

СТИНА

(посвящается рейкьявикским девушкам)

Стина живёт в высотке у главной дороги.
Стина сидит в гостиной с видом на горы.
Стина не любит долгие разговоры,
суд у неё всегда и скорый, и строгий.

На собеседников Стина не смотрит сквозь лупу.
Стина практична, Стина чужда утопий.

Тех, кого хочет убить, она кормит супом,
тех, кого любит, поит несладким кофе.

Нынче Стина горда: у Стины свиданье.
Стина – царица в этот вечер воскресный.
Юноша робко сидит в углу на диване,
а на плите кофейник заводит песню.

Грустный закат угасает за дальней горою,
из потемневших комнат ползёт рутина...
Стина спросила: «Милый, ты счастливо со мною?»
Он отвечает: «Супу налей мне, Стина».

И наклонилась к юноше дева ближе,
смех пробренчал в гостиной как погремущка:
«Суп – он, пойми, для тех, кого ненавижу.
А для любимого кофе, большая кружка».

Юноша не улыбался и не смеялся,
взгляд его был, как закат над горами, грустный.
И наконец он с дивана робко поднялся
и прошептал: «Уж больно кофе невкусный!»

11 июня 2014, Kóravogur

ПОЛЁТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЗЕМЛИ

Под тобой не кочки - под тобой Небесные горы.
Сжалось пространство в гуле и шорохе крыльев,
мимо распахнутых глаз потекли просторы.

Там, внизу, не пруд - под тобой Великое море.
Волны под нами - тянутся к небу в бессилье,
сверху - сливаются с тучами в мелком узоре.

Там, внизу не былинка - то Мировое древо.
Машет ветвями тем, кто свой дом покинул,
шлёт пролетающим мимо - свои напевы.

Там, вдали, не бусинка - это наша планета.
Мы оставляем воду, листву и глину
и вырываемся в вихри звёздного света.

28 октября 2011

19.МОЗАИКА БИРЮЗОВОЙ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

в моховую зябкую реальность.
Научись брататься с ветром, спать на камне
и по кликам различать вечерних птиц.
Привыкай-ка, вновь прибывший, научись!

Я когда-то тоже научился
всей науке пустошей и гор,
а сейчас... - смогу ли это вспомнить?
Я и сам не видел много лет
каменных лиловых носорогов:
всё штудировал науку городов,
дань платя безветренному миру.
И когда я окажусь в горах, -
на пути по трудной, ломкой лаве
сам себе твердить тихонько буду:
«Привыкай же, снова привыкай!»

5 сентября 2011, Москва

Деревни зарастают кипреем.
Сёла заплывают асфальтом.
Столицы закисают в пластмассе.
Невежество и Мудрость учатся здесь
в одном классе —
в одном жёлтом,
душном
приготовительном классе
в избе со сгнившими лагами...
Встают — опадают
храмы по-над оврагами,
памятники — над обрывами...
А тропы в недобрые дали
выстланы благими порывами.
Носом в землю:
под звёздным венцом, под небесными рыбами...
Жители — всегда носом в землю -
и в ответ произносят название
своей страны
таким тоном,
словно это оправданье,
так, словно это — извиненье.
Сёла стекленеют, переходят в другое измеренье.
Сёла становятся святыми,
погружаясь в глину,
и нечистыми,
врастая в бетон...
На любом пути
мудрая древность — бронёй укрывает спину,
а впереди -
плоский жестяной звон.

29 июня 2010, Москва

Стеклянная стрела ветра.
Ветра выгнутая стрела.

Не терзают набухший воздух
билами -
колокола.

Бодрым утром -
бурый кирпичный сон
электронная клюнет игла.

Над помойными берегами
такой великой реки
пластается время,
пластается речь
и влажные
ветра платки.

Под широким-широким небом:
аккуратная грань кирпича -
и раскисшей глины
кишки.

1 октября 2010, Ростов-на-Дону (некие ростовские впечатления)

Река шевелится.
в её прозрачном теле
стальные крючья выгнутых мостов
натянутые лески проводов
и беспокойный поплавок буксира
подскакивает на волне

И мы нелепо замираем
на сером берегу:
мы предложить рее хотели дружбу -
а нам в ответ — студёный ветер:
вовек зеленопёрая река
не знала бескорыстья,
её всегда хотели покорить...
И сложно научить её доверью,
застыв под ветром на корме,
пластуя водяное тело
винтами пароходов.

... И верши пристаней...
...И спиннинги портовых кранов...
... И развернулся город за кормой.

2 октября 2010, Ростов-на-Дону. 5 октября 2010, Москва

Ты реставрировал икону:
смывал с неё чужие взгляды,
за слоем слой – века и годы,
и копоть, и усталость.
И медный змей сквозь кольца полз из ада,
и ангелы трубили.

Ты реставрировал икону:
снял – как лак – за слоем слой –
пласты неверных толкований.
Снял патину суеверий
с огромных круглых глаз святых, -
и возвращал
осмысленность в их взгляды.

Закончена работа.
Сияет обновлённая доска
без вековой коросты душевных мнений...
И ты – свершивший скромный подвиг возрожденья,
ты можешь кланяться и уходить из зала;
смирись, невидимый творец,
здесь подписи твоей не будет...

И всё же – присмотришься-ка лучше! –
у ангелов, у змей и у святых
собой сами появились
твои портретные черты.
Глаза твои –
и толкования твои, и смыслы
сиять с иконы будут людям
до новых реставраций.

22 июля 2012, Котлас

РЕКИ ИСЛАНДИИ

Квит-ау — белая проворная лисица
усердно роет коридор под лавой;
живёт в мокрети между берегами,
питается обрывками легенд.
И распушает водопад хвоста,
и обнажает каменные зубы.

Гуляй же, белоснежная, в полях!
Ведь ты пока ещё на воле.
А на товарищей твоих
уже поставлены капканы:
уже поставлены плотины.
На мокрых ледниковых выях
железные ошейники мостов...

конец декабря 2010

ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ

*Посвящается роману Кнута Гамсуна «Круг замкнулся» и
Стелле Натаровой из Балтимора*

Бетонная Америка меня поломала.
Багровое молчание меня опалило.
Моё тело больше не влезает в футляр
жизни в родном городке.
Слова языка земляков — обжигают рот.
Странная задача: прирастить засохшие корни...

А ведь помнишь? - Мы жили в Кентукки.
А ведь помнишь? - Мы были изгой.
Ночевали на сеновале,
воровали початки с плантаций, ежесекундно ловили
брезгливые взгляды хмурых чопорных дев...
Я хочу вновь туда,
где все рамки и все законы
были для нас не родными:
ими можно было пренебрегать...

28 декабря 2010

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТ ДРУЗЕЙ

Ярославль -
непонятный зверь.
Ярославль -
непроглядный дождь.
Смесь и радостей, и потерь,
и ночная зябкая дрожь.

Здесь вокзал -
безразличье спин.
Опоздал
поезд с северов.
Я в пути. Как всегда, один.
На душе - привычный покров.

За спиной -
пара дней тепла.
Предо мной -
серый холод лет.
В моём доме гнездится мгла.
Я войду - а уюта нет.

Путь домой
не сулит покой, -
только бой
со столетней мглой!

Поплывут мимо рельсов зданья...
Пусть укроет меня теперь
тёплой лапою на прощанье
Ярославль -
ясноглазый зверь.

17 сентября 2011

(Посвящается Мане и Гортхауэру)

В городах, где деревья пока ещё выше домов,
где сплетаются пальцы ветра и пряди дождя, -
там живут неспеша. Там не знают вычурных слов.
Там никто не наденет броню, в суету уходя.

Там на ухо дышит сырая кирпичная явь,
там свежее и ярче свет, там полнее звук...

Там на глинистой тропке - другой, нестоличный я:
он остался под вётрами -
после отъезда в Москву.

Осень 2011

ІІ.НОЧЛЕГ МАРГИНАЛА

В том виноват Жан-Жак Руссо с Вольтером,
в том виноваты Барт и Деррида,
что я сижу у леса утром серым,
но мне войти не суждено туда.

Вина учителей моих: мне страшен
живого подсознания бурелом...

... Культура – пёстрый панцирь черепаший:
мой груз постылый – и родимый дом.

19 июня 2010

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЕГОРУ ЛЕТОВУ

I.

Сбежал из тела в дальние миры -
из хворого медлительного тела,
в котором долго киснул взаперти.
Сбежал из тесноты седого дня -
оставил в дураках кондовых стражей
и гибких соглядатаев своих.
Они не там пошли его ловить:
обыскивали хижинку из мяса,
пустыню комнаты вокруг неё,
обшаривали душные углы.
А он — под солнцами!
И празднует свободу!
А он — под звёздами!

Слегка смущён лишь тем,
что огорчил друзей
своим исчезновением.

1 августа 2010, Москва

II.

Он озадачил всех друзей внезапным бегством.
Но и в безбрежной яме меж миров
ещё надеялся: они сообразят
прочсть о нём все ускользающие знаки
в камнях, травинках, облаках...
Пусть даже вычитают в древних песнях
несуществующий намёк, -
уже любой, кто выдумает сам
своё убогое смешное объяснение,
одним лишь этим защитит себя
от плесени тяжёлой клеветы,
покрывшей день и час
безумного побега.

2 августа 2010, ночь, Москва

*(Посвящается театру «Свое время» и его спектаклю «Планета
новогодних ёлок»)*

Телескоп мой сломан:

 гляжу сквозь него на небо,
но не вижу звёзды.

 А только цифры и цифры.
Развернулось в ночи небесное уравнение.
А я малограмотен. Я не учил математики.
Мне не решить задачки, написанной в небе.
А может, я спутал, и это вовсе не цифры, -
а лучистые слова
 межпланетного
 языка?

28 декабря 2011

Все великие книги
загажены
сотнями восприятий.
И когда ты будешь читать в первый раз, -
прошу, надевай на глаза
что-нибудь грязезащитное.

18 января, 2012

Я заплутал в пространстве.
Вставьте меня обратно
в мозаику
 бирюзовой
 планеты Земля.

20 января 2012

... Но в столице я продул свой поединок
с сероглазою богиней нищеты...

12 ноября 2010, Москва

ЧТЕНИЕ ЛИРИКИ

Логического мышления
и радио — не знай!

Похорони сомнения.
Возьми — читай.

Читай строку литую.
Читай воздушное имя.
И то, что стоит за ними.
И то, что стоит над ними...

И слово безбрежным будет,
омытое в океане
своих персональных смыслов,
своих пренатальных судеб.

25 ноября 2010

(посвящается Александру Кириосу и альманаху «Складчина»)

Обскуранты в косухах, замолкните!

Истый еврей
будет бояться
 только божьего гнева -
не эфемерной злобы
 земных царей;
он оденется панцирем
 ветхозаветного неба;
опояшется временем-лентой
 с нитками дней...

25 и 27 ноября 2010

...Дверка-память в заборе будней.
А вот этот обрывок листка
дал мне
 к ней
 ключи.

11 января 2011

УМИРАЮЩЕМУ КОТУ (Тима, 1996-2011)

Не увидишь ты ад (у зверей не бывает грехов)
и кудрявые кущи с тяжёлой росой еля.
В свой чертог — сквозь молочное небо и мех облаков -
заберёт тебя светлая Фрейя.

Зима 2011

Наш любимый вид спорта:

искать в каждом слове намёки;
потаённые смыслы —
в случайных движениях глаз.

Прямота и прозрачность — навеки загадка для нас,
мы её не затвердим уроки...

осень 2011

...А там под сводами два алтаря.
Один - в зеркальной стали - Справедливость,
другой - в плюще и свечках - Милость к падшим.
И там над первым - лезвия сверкают,
и пляшут птичьи крылья - над вторым.

Август 2011

МОСКВА-СИТИ-2011

Эмигрантская скука в безъязыкой столице.
Чужеземные песни наполнили зал.
Отражаются в стёклах непривычные лица.
Не по-нашему смотрят ледяные глаза.

Я забыл слово «корни». Я сменил себе имя.
(Если здесь всё чужое - то зачем имена?).
Здесь кирпичные стены снесены - но за ними
из седого стекла вырастает стена.

Помню, было иначе. Этот город был тёплым.
Было время, когда он - ещё был мне родным.
Голубые, стерильные, прочные стёкла
в нём ещё не сверкали огнём ледяным.

Вокруг сердца разлился / холодеющий глянecь.
Нет названья ему - на моём языке...
Это так! В своём городе я - иностранец...

.....

Сентябрь 2011

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

... И нагрудный карман
битком набит ручками
от давно не существующих дверей...

28 сентября 2011

ПЕЙЗАЖ С НАТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖНИКА

Были - ели и берёзы.
Стали - полосы и ромбы.

Стали - солнечные ромбы,
многоцветные полоски.
Переплавилась реальность
на натянутом холсте.

1 ноября 2011

СОНЕТ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ РАЕ

Мне не смеяться на звезде Маир,
не любоваться световым кристаллом:
моё окно с решетчатым забралом,
перед окном маячит конвоир.

А я мечтал, чтоб был для духа пир,
гармония во всём: в большом и малом.
Я так хотел...

А жил я - по подвалам,
мне незнаком был трепетный эфир.

Я потерял стремленье к идеалам...
И вот, когда я стал творить свой мир, -
не смог создать в нём радости и света.

Железный вихрь - не кружевной зефир
огромным овевает опахалом
мою больную грустную планету.

2011

НОЯБРЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

И проседь умирающей полыни
среди «ирокезов» блещущей травы...
Слепое солнце над тропею стынет.

И вот - легла рука небесной сини
на строй согбленных тростниковых вый.

Молчит-молчит ноябрьская пустыня.

Зима 2011

ПРОИГРАННЫЙ БОЙ

Мне хочется, чтоб кто-то мне сказал,
пока лежу поверженный в грязи:
«На самом деле ты не проиграл;
от мира ты опасность отразил.

«На самом деле ты не проиграл.
Какая мелочь - лавры всех побед!

А ты - урок смиренья преподавал
кичливым гордецам - на много лет.

«Домой с постыдным плачем не ползи,
приободришь: ты людям подал знак!»

... Окончен бой. А я всё жду в грязи:
вдруг кто-нибудь придёт и скажет так?

Июнь 2011-2 января 2012

АУТСАЙДЕР

«Всего один мир».
«Всего один бог».
«Всего один век»...

 Как ничтожно мало!
Не велено здесь
 ноге - за порог,
а крыльям - выше, чем потолок.
Не велено здесь -
 подземным вон из подвала.

В междумирье трепещет костёр: ночлег маргинала.

Каждый мир
 от других отделяет глухая дверь.
За неё - не выйти, в неё не войти по желанью.
И мечту об иных мирах
 ждёт за ней осмеянье;
каждый выбор приносит с собою горечь потерь.

А тот, кому одномирность тесна -
 живёт в междумирье.
А тот, кто не любит закрытых дверей -
 сидит в коридоре.
Он хотел бы родину встретить везде -
 но сейчас он везде чужой...

На околице
 он костерок разжигает свой.
Для него аутсайдерство - дар, и вечность, и горе,
и возможность взглядеться
 в глубины чужого сна...

И куда
 деться
 тем,
 для кого одномерность - тесна?

29 июня 2011, Москва

ЧЕЛОВЕК И НЕБО

«И с небом гордая вражда...»

1. И бросил небу:

«Хватит издеваться
и посылать мне стрелы чёрных бед.
В ответ на робкую молитву - хватит
смеяться громом, молниями лыбиться.
И хватит, - слышишь, хватит! - человеку
твердить, что он ничтожен и неправ!»

2. И снова крикнул: «Хватит, я сказал,
смотреть всё время безразмерным оком
на жизнь, простёртую в земном сору!
Повсюду хмурая твоя белёсость -
как будто надо мной казённый потолок,
а не сияющий простор эфира...
И я спрошу: на кой такое небо,
что равнодушно к бедствиям людей?!»

3. ... Под вечер снова: «Хватит! Хватит! Хватит!
Да хватит заператься! Не молчи!
Хоть проворчи из-под свинцовых риз,
хоть брось скупую каплю мне в ладони, -
Но дай мне знать, что ты ещё со мной!»

Не существует человек без неба.

8-9 июля 2011

Успокойся: все боги устали.
Им, по сути, давно наплевать,
что здесь: царство заржавленной стали
или райских садов благодать.

Успокойся: все книги истлели.
(Врёт молва: их никто не сжигал!)»
И у мудрых мозги заржавели,
и пророк залежался в постели,
муза – сгорбилась у колыбели, -
словом, каждый стал робок и мал.

Завернулась вся наша планета
в целлофан равнодушного сна...
Словом, вот он настал – конец света.
Ты-то думал, что будет не это,
ты боялся: цунами, война...

Но одна только участь страшна:
коль душа в серый саван одета.

16 мая 2012

Разученный по нотам авангард,
нагие правила нонконформизма...

Давно покинул двор последний бард,
и в мире свершена по Слову тризна.

И Разум шгурмом взят, как Изенгард.
Ведь он был лютый враг,
а мы – герои...
Во славу личности – сомкнёмся строим!
Во имя лета – будем славить снежный март.

.....
А на дюралевых проспектах авангарда
да на руинах Разума и Слова
опять проклёвываются напевы.

Мы их не знаем,
а они растут.

10 июня 2012

ТЕАТР

Своего лица
 актёр не уронит,
коль отыграет честно...
А ваша Офелия не потонет:
слишком она легковесна.

Дайте ретивым критикам пищу;
им эти шгучки по нраву:
ваша Гертруда выпьет винище,
ей нипочём отравы.

То ль вы вправляете вывихи века,
то ль издеваетесь тонко...
А я боюсь за вашего Пэка:
ироничность сгубит ребёнка!

28 января 2012

НЕ ТОТ ЛЕС

Ведёт за сосны тропинка -
серая.
Смотрю вглубь -
а там пусто.
Открываю глаза -
не узнаю
местности из давних лунных снов.

Это не тот лес.

12 декабря 2011, поезд Спб - Москва

Ещё один похоронил себя
в той кружевной могиле – колыбели.
Он там лежал... А дети песни пели
и в нос травинкой тыкали – любя!

Ещё один себя похоронил:
накрылся враз надгробьем одеяла.
Его ничто вне спальни не прельщало:
ни блеск кольчуг, ни росчерки чернил.

Похоронил себя... И что ж теперь?
Имеет ли нам смысл ломиться в дверь,
с утра дежурить под окном закрытым, -
чтоб тот, кто, как землём, завален бытом,
вернулся в мир – и стал бы вновь нам близок...
А вдруг придёт не он, а бледный призрак?

13 февраля 2012

Нынче / в небе пусто.
В небе просторно...
Отпустим чувства
в заповедную сторону!

Дождались мы пропуска
от райской таможни:
сегодня
бог
в отпуске,
грешить – можно!

Грозить людям розгою
он нынче не будет,
за удаль безмозглую
никак не осудит.

Ну что же вы мнётесь
в тени у порога?
Ведь сказано: отпуск
у этого бога.

Теперь всё дозволено,
потом – не успеете!
Отпляшем на воле да
свернём миру шею!
По снам, как по доскам,
пройдём сапогами!

.....

Но совесть –
не в отпуске
с любимыми богами.

18 февраля 2012

**Ш ТЫСЯЧА ТОМОВ СЧАСТЬЯ И ОДИН ТОМ
ГРУСТИ**

Лес отдохнёт после Нового года
от криков, огней, от разрывов петард.
Успокоятся в чаще дриады.
Уставшие энты уснут.

А ближе к опушке – деревья уже городские,
и ночью им нужно веселье.
Будут ветвями махать до восхода солнца
под светомузыку
рыжих шоссе.

1 января 2013

САМОКРИТИКА

Но ни верным друзьям,
ни румяной родне,
ни деревьям на склоне,
ни рыбам на дне, -
никому-никому
не хочу – не хочу
в этот час
показаться излишне хорошим.

14 января 2013

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Я приручил дикарку-боль.
Объездил красную лошадку..
Теперь в пилюльном хомуте
она так чинно ходит.
Теперь в покатой темноте
она так редко плачет...

Она отныне возит груз
благоразумья и заботы.

25 января 2013

ЖИЗНЬ В ЖЕСТОКОМ МИРЕ

Робким рукам
не навести
мост через море
ненависти.

Не обороть пичуге железную стаю...

Но – мне не хочется верить,

что я проиграю.

«Стаю стальную не обороть пичуге», -
так говорят все те, что застыли в испуге,
сами прервали полёт...

Но бояться некогда;
надо идти вперёд...

25 января 2013

В моей библиотеке
тысяча томов счастья
и один том грусти.
В нём написано,
что не постичь всей красоты мира
за одну-единственную
человеческую жизнь.

27 января 2013

О БЛАГОРОДСТВЕ ВОРОНОВ

Ворон умнее всех.
Но есть у него недостатки:
он жрёт падаль,
он любит войну,
он вьёт свои гнёзда порой
из обрезков колючей проволоки.
Но самого крупного
из известных недостатков
у него нет:
он никогда не каркнет во славу подлецов,
что некромантией и чёрным колдовством
задумали прорваться к власти...

13 апреля 2013

НЕ СОШЛИСЬ ВО МНЕНИЯХ

... У нас с тобою, приятель,
не похожи календари:
на твоём – золотая осень Средневековья,
а на моём давно уж
ядерный январь
Нового времени.

17 апреля 2013

Своего внутреннего ребёнка
посадил твердить грамматику.

Своему прекрасному дикарю
велел селиться в гетто.

Своих драконов приковал к стене.

Сам сел за стол и приуныл:
Ах, отчего же стало всё вокруг бесцветным?

26 апреля 2013

Мой учитель – лес.
Мой антиучитель – город.

Всё, чему меня научили
звёзды над соснами,
снег на сучьях,
тени ветвей, -
переулки заставляют забывать.

Антиученик способен:
забыл уже многое...

18 июня 2013

Давным-давно
папа знал всё:
отчего выпадает снег,
что у машины внутри,
кто зажигает звёзды.

Раньше
папа знал многое:
как чинить мотоцикл,
что подарить девчонке,
зачем нужна геометрия.

Ещё недавно
папа знал кое-что:
как помириться с другом,
что делать, когда долги,
какая профессия лучшая.

Теперь
папа не знает ничего:
ни стоит ли дать развод,
ни где лучше брать кредит,

ни как отучить дошкольников
от сидения в Интернете.

Скоро папа
не будет знать,
зачем мы живём на свете...

Интересно, найдёт ли он,
у кого спросить?

28 декабря 2012

И белёсая нищая жизнь
покрылась ввечеру
золотым драгоценным лаком воспоминанья...

8 июня 2012

Показали дураку столицу,
башни и дворцы, и колокольни,
где рассвет на витражах искрится...
Он пробормотал: «Ага, прикольно!»

Прочитали дураку поэму
о героях и богах могучих.
Он промямлил: «Да, я въехал в тему!» -
и ушёл к себе, мрачнее тучи.

Рассказали дураку о войнах,
о пожарах, взрывах и несчастьях.
«Это жуть!» - сказал он недовольно
и ушёл, всё так же безучастен.

Показали дураку рекламу.
Шла она всего одну минуту.
Думали, он выключит программу...
А дурак воскликнул: «Это круто!»

31 декабря 2012

Нынче нас в комнате двое:
я и моя паранойя.

В комнате стало нас много:
с нами – моя тревога.

В комнате нас – без счёту:
входят толпой заботы.

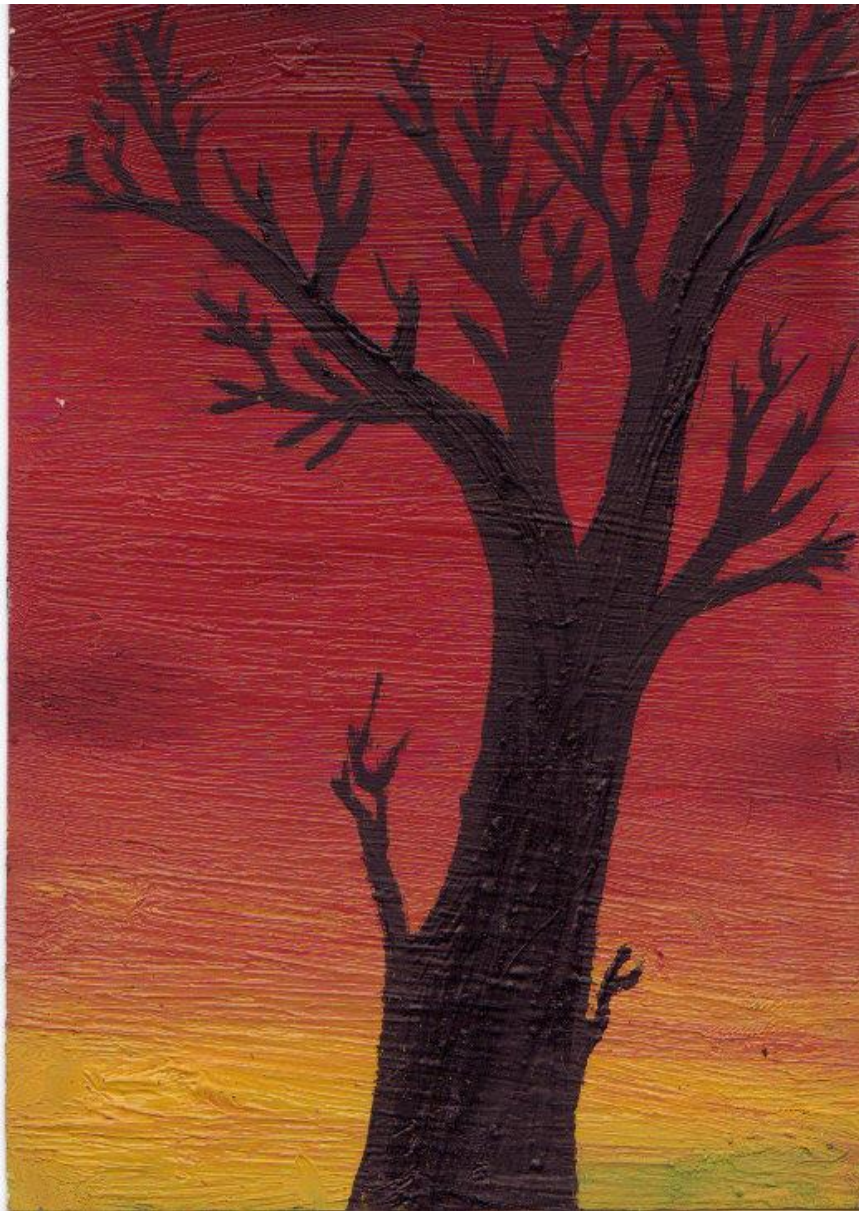
Комната стала пуста:
в ней поселилась тоска.

2 декабря 2012

Моя остановка конечная: я не просплю.
А если засну, то разбудит толстуха в синем.
И я побреду по умолкшей железной пустыне
и взгляды людей уловлю.

Моя остановка конечная: лес да завод...
Окраина города сделалась краем сознания.
Смешались отчаянье, творчество и ожиданье.
Всё это у края живёт.

20 декабря 2012

IV. В МОЕЙ НОРЕ СВЕТЛО

Воплотился.
Вошёл в тело.
Повертел на пробу руками...
Пора привыкать к эпохе,
где всё не того размера.
Будут мысли отныне бродить не по тем коридорам.
То, что было родным, изойдёт иномирными снами.
Мы сменили судьбу...
И привычные думы не с нами.
Подымай по ночам своё разноцветное знамя!
Знамя грёзы и ностальгии.
Чтоб сливались миры живые
в общую сверхреальность.
Чтобы стал человек сам собой.
Чтобы вышел в мир – но при этом вернулся домой.

19 декабря 2012

И вот моя рок-нора:
здесь жёлтые лестницы пахнут лаком.
С обшарпанного двора
здесь тянет весна промокшую лапу.
Здесь прошлое – в голосах,
в размашистых надписях на обоях.
Цветёт в подсознание сад.
Ушедшие – в звуках живут герои.

Седое дрожит стекло,
и дождь расставляет на нём многоточья.
Пропавшей ноябрьской ночью
в моей рок-норе светло.

2 апреля 2012

ЛЕТО ПРИШЛО В ГОРОД

Ночью по асфальту ходят парни.
И у каждого из них
в руке
посверкивает
в свете электричества
бутыль,
словно тусклый
фонарь
Диогена.

20 апреля 2012

Тропическая Москва.
Турецкие туфли девушек.
Арабские глазки мальчиков.
Тополя-баобабы.
Пальмоватые ивы.

Тропическая столица.
Дикари-лотофаги
забыли свою культуру
и спят под кустами
безвоздушной ночью
у липкой воды.
Мерцают бурые стёкла...

Тропический город
вновь обретёт лицо
лишь в лютую зиму.

29 июня 2013

Моя такая болдинская осень:
ненастье поутру; пустой кошель;
тугие поводки промокших кобелей;
и взмахи сонных лап в тепле;
и яблоки в садах.
И долгожданные живые письма.

А высоко над этим всем,
а может, даже - глубоко,
не над, а под
всем этим маленьким зверячьим бытом, -
мерцает в тишине надежда,
как морем отшифрованный кристалл.

28 августа 2012

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕМЕСЛА (стихотворение в прозе)

Человек трудится над книгой зарубежного писателя: переводит.

Совестливый тимуровец переводит старушку через улицу – филолог с пером в руке переводит беспомощного читателя через бурный поток иностранных слов. А на той стороне всё тихо и безопасно, и травы шелестят на понятном языке.

Перевод – это денежный перевод. Спасительная посылка от родни голодающему студенту. Бесценное вливание в неразменный

символический капитал современникам и потомкам – чтоб они не знали духовной нищеты, чтоб богатели.

Перевод – это перевод бумаги. Пишешь-пишешь, изводишь белые листы, - а потом понимаешь, что не смог верно передать дух подлинника. Да и сам подлинник-то скучноват, глуповат и вряд ли войдёт в сокровищницу мировой литературы. И тогда возникает острая потребность взяться за новую книгу – даже если это не сулит славы и гонораров.

А ещё есть деревенское слово «переводы»: балки, на которые стелется дощатый пол избы. Они несут на своих шершавых бурых спинах всё, что находится в доме: стоящую там утварь, людей, животных... И переводчик несёт на себе весь выверенный и замкнутый мир книги, над которой трудится: её героев, быт, атмосферу.

1 февраля 2013

ЛЮБИМОМУ ПИСАТЕЛЮ (посвящается Хатльгриму Хельгасону)

И я переведу твои слова
на выпранный язык сентябрьской ночи,
на старомодный диалект деревьев.
На величавый говор ветра,
на новояз рокочущих машин.

Я отложу готовый лист в сторонку...

Стихи помедлят...

Освоятся в иноязычных строчках
(как перевоплощённый – в новом теле).
Они шагнут в открытое пространство,
чтоб перестать принадлежать тебе
и мне, и всем другим сплетателям словес,
сидящим ночью за столами.

Они принадлежат отныне – миру,
его наречиям и языкам.

27 января – 1 февраля 2013

БЕЗУМНЫЙ ПРОРИЦАТЕЛЬ

По нечёсаным равнинам
бродят дикие стихи...

10 февраля 2013

ФИНАЛ

Спускался в глубину потустороннего себя,
подземного себя.
И глубь звенела девятью железными кругами.
А за плечом - ни ангела,
ни доброго Вергилия,
который бы сказал своё заветное «Не бойся».

Спустился вниз до центра,
до полого ядра, -
и вышел на горе у солнцеликих антиподов.
И знание о тяжких плотных кольцах темноты
под небом -
обратил
в девять звёздных троп.
И развернулись вольные миры над головою.

25 ноября 2011, 01:57

МОЙ ТЕКСТ (Незамысловатая элегия)

Люди, люди навстречу по тропкам садов -
с ними мы из разного теста.
Строки, строки ползут по стёклам очков –
а я не из этого текста.

Огни сверкают, стоят хоромы –
я не из этого дома.

Сколько раз бывало: найдёшь себе угол, в котором
погреться хотел – а оттуда
тянет студёным ветром!

Сколько раз бывало: только споёшься с хором, -
а он берёт ноту не так,
как тебе представляется верным!

Всю-то юность грустил:
аутсайдеру одиноко,
если лыко – не в стрОку.
Но может быть, просто строка
недостаточно глубока?

Перемещаются люди с места на место:
кто стопами шествует, кто нарезает винта...
А я не из этого...
и не из этого...
и не из этого текста!

И у меня тональность совсем не та.

А где же мой собственный текст? —
Не дописан, немые страницы.
Но он ещё будет, он непременно родится.
А покуда — сижу на кухне
по горло в черновиках
на известных и на неведомых языках.

Кто-то скажет, что эти листки для меня —
вроде тёплого одеяла;
кто-то — что это груды сырого,
как говорят, матерьяла.
И я поджидаю под серым окном —
откровения...
вдохновения...
В общем, жду сигнала.

15 февраля 2016, Коупавог.

СТИХИ 16 МАРТА 2011

I
*Чуть взлетишь на орлиных крыльях к высотам духа-
как настанет пора возвращаться:
снижаться
обратно в бытовуху;
носом в какую-нибудь
 мусорную корзину,
да так, чтоб покрыла труха
 осиянную звёздами спину,
да чтоб вместо хрустальных
 яблок-планет -
картофелины в котле!
Утопают подошвы в раскисшей земле.
Здесь небесное слово опально...
И сам ты — опальный,
опалённый
жаровнями масляных глаз;
вечно приговорённый
к тому, что «душевным расстройством»
назовут твой священный экстаз...*

*Человек (если он Человек)
обречён каждый раз
возвращаться с неба,
курсировать между
 бурленьем болота
 и кротостью синих вершин,
возводит мосты и ставит ворота.*

А пройдёт он по ним — один.

II

*Сочиняешь строку — и отпускаешь на волю.
Сплетаешь созвучья — и пускаешь по ветру.
Пускаешь стихи — по небесным течениям:
пускай не запомнятся — а всё ж не утратятся, -
вернутся к единому
первоисточнику,
туда, где пульсирует сердце -
алое Слово.*

16 марта 2011

БАЗАЛЬТОВАЯ (О)КРОШКА И (БЕЗ)НАДЕЖНОСТЬ КАМЕННЫХ ИМЕН

Как ни странно, неплохие поэты получаются и из выпускников разных там словесных отделений и прочих филологических факультетов. Первым в русской поэзии поэтом-филологом был, наверное, Василий Кириллович Тредиаковский. Когда филологические науки окрепли, пришли Афанасий Афанасьевич Фет, Иннокентий Федорович Анненский, Александр Александрович Блок... Впрочем, лучше, наверное, сказать, что выпускники филфаков и *остаются* поэтами, если, конечно, они до поступления на филфак были таковыми. Словом (кроме шуток) хотелось бы заметить, что и филологи писать стихи умеют.

Когда-то в ходу у критиков были всякие (а ныне, в наш век гендерной проблематики, ставшие одиозными) дефиниции: «женская поэзия», «молодежная поэзия»... Насчет «половозрастных поэзий» не знаю, но мне кажется, что помимо принятых в разные времена делений поэзии на древнюю и современную, гражданскую и интимную, реалистическую и сюрреалистическую, интеллектуальную и глуповатую и т.д., и т.п. и даже помимо самой уж беспроектной классификации: «плохая» и «хорошая», - помимо всего этого, поэзия делится на поэзию филологов и поэзию всех остальных.

Конечно, по стихам вовсе не обязательно догадаешься, является ли их автор филологом. (Справедливости ради стоит заметить, что и не всегда сразу догадаешься, является ли автор стихов поэтом). Зато при встрече с живым филологом почти всегда сразу понимаешь, пишет ли он стихи. (Почему это так – не знаю). Скорее всего, в оригинальную поэзию филологи приходят через поэтические переводы. Соперниками хотят быть (прав Жуковский).

Ольга Маркелова – ярко выраженный филолог (филологиня), поэтому не только она пришла к переводам, но и переводы к ней. Я думаю, что к ней уже пришла и ее ярко выраженная оригинальная поэзия. Ведь настоящий поэт не пишет стихи, а *записывает*, если, конечно, они приходят.

В этой книге представлены стихи, написанные Ольгой Маркеловой в разные периоды, отражающие всю гамму чувств: от восторга бытия – до бездны крайнего отчаяния. Также это и стихи, написанные в разных странах: жизнь их автора тесно связана не только с родной Москвой, но и с Данией, Исландией и Фарерскими островами, где она провела много лет («много» - это с точки зрения тридцатилетних), изучая литературу этих стран.

Как переводчик и исследователь литературы Ольга Маркелова, можно сказать, уже к тридцати годам сделала себе имя. Она переводит на русский современных датских и исландских авторов (из исландцев можно назвать широко известных у себя на родине Хатльгрима Хельгасона, Оулава Хейка Симонарсона, Сигурда Паульссона, Ауртни Бергмана) и даже исландский фольклор – былички о привидениях (что, наверное, труднее, чем переводить наших современников, пишущих о наших современниках).

О литературе Фарерских островов Ольга написала серьезную монографию (издана в 2006 году).

Но вернемся от науки к поэзии.

По стихам Ольги не догадаешься, что они «женские» и «молодежные». Но это стихи, и стихи филолога, т.е. того, кто любит слово (и Слово). Больше всего мне нравится, что эта любовь есть в ее стихах, и даже, я думаю, небезответная. Есть в этих стихах и всегда модный интертекст, что тоже придает им обаяние, потому что этот интертекст знает, что он интертекст, и не претендует на «стиль», или «продолжение традиций», или – упаси Бог! – на подражания. (Хотя что плохого в подражаниях как таковых? Пушкинские «Подражания Корану», например, и хотели быть подражаниями...). Ольга Маркелова размышляет: «А – это поле. Е – это небо...». Поэт скажет, что это уже было. Филолог скажет, что категорический сонет Рембо («Гласные») уже расставил все точки над «і». Маркелова поэт-филолог, поэтому она не говорит ни того, ни другого, она просто «примеряет звуки, как различные платья» (а, вот где затаенное женское – в «платьях» этих, не «костюмах»; теперь уже поклон Фрейду). Есть и поклон С. Беккету, а может быть, и островитянам Ирландии («Я будущего жду, как ждут Годо.») Но о безысходности и об островах в поэзии Маркеловой – позже, а пока отметим, что интертекстуальное у Ольги не для интеллектуального, оно -- в высшей степени органично.

Белые стихи и неточные рифмы, впрочем, как и верлибры, вообще-то редко вызывают доверие читателя (это мое личное мнение), но Ольгины вызывают. Говорят, что рифмы, особенно точные, в лирику стал приводить Эрос. Но Ольгины стихи не «про это», и неточность рифм им идет, как и причудливость строфики. Кое-где изящная усеченность рифм («лес» - «блеск», «кроны» - «стронуть») привносит гармонию в крошку рваного ритма. Стихотворение «Здесь нет трагедии...» вообще мучительно-блестяще построено на игре неточных дактилических рифм и головокружительных интертекстуальных отсылок – если не к Апокалипсису, то к красному смеху Леонида Андреева и всем «заблудившимся трамваям» и «тронувшимся (во всех смыслах) вагончикам» русской поэзии.

Но вот мы добрались и до островов, этого каменного «интертекста», разбросанного в мировом океане. Любому острову в его жизни надо быть мужественнее и каменнее материка, ведь все-таки страшно быть «частью суши, со всех сторон...» (далее см. высказывания Душечки в одноименном рассказе Чехова). Так как Ольга – знаток и переводчик (талантливый, не побоимся) островной поэзии Исландии и Фарер, то Беккет для нее, может быть, тем и хорош, что по происхождению тоже островитянин – ирландец. Ее собственные стихи довольно каменны – эпитет сей вовсе не в упрек, ведь и у Мандельштама был «Камень». Каменность придает стиху не только некоторую затрудненность понимания, но и мужественность (а это перекрывает все претензии). Стихи Ольги – как базальтовая крошка, крошка, если хотите. Или – гранитная похлебка. Камни в морской воде, переплетенные водорослями. По виду – кушанье троллей. Почему такие ассоциации? А вы представьте себе:

Миллионы лет немой базальтовый тролль
Хлебал соленую воду...

Вот так и возникли острова. Мотив камня в стихах Ольги можно назвать предметным, возникающим из прямого смысла этого слова, но можно назвать и ассоциативным, даже «смысловым пучком». Сейчас модно видеть в таких переплетениях смыслов «концепт». Итак, концепт «Камень». У Ольги это «базальт», «гранит», «лед», даже «косточка в небесной сливе» - хорошие камни. Плохие камни: «асфальт», «бетон», «кирпич», «строительный мусор» - потому что сами по себе они в природе не растут, это отходы сомнительной человеческой деятельности. Тролль дик, но он лучше человека уже тем, что не огаживает камень.

Извлекается из смыслового пучка и иносказание. «Городили смыслы на смыслы. Разбивали камни о камни». Кто? Уж конечно, люди, а не тролли или норны. Когда это было? Всегда. Хотели достичь неба, громоздили Пелион на Оссу, строили Вавилонскую башню, «забивали досками ставни», разъединяли, делили, продавали. Получили небо глиняное, то есть из праха, а не в алмазах. Все пошло прахом.

Если камень в стихах Ольги приобретает символичность, то это, как мне кажется, - и твердость, и безысходность, безнадежность. Что же касается острова, то он обычно у поэтов символизирует одиночество. Но у поэта-филолога и остров – камень, с острова нет исхода по воде, яко посуху, поэтому и остров символизирует безысходность. Одно из стихотворений подборки, «Vanitas», имеет хронотопную помету: «11 августа 2004, среда, Рейкьявик». Из «Рейкьявика» следует, что оно про безысходность и написано на острове (как и многие другие Ольгины стихотворения). А зачем «среда»? Хронос это или топос? У поэта «среда» относилась бы к хроносу, как «двадцать первое, ночь, понедельник», у Ольги же как поэта-филолога «среда» добавлена к дате «11 августа» в качестве и хроноса, и топоса, даже в большей мере топоса. Этот мир страшен, наша среда – «ярмарка тщеславия». Можешь, конечно, строить себе остров или там башню, хоть из слоновой кости, но кругом-то безысходность, она же среда обитания.

Исторического оптимизма в стихах Ольги не надо искать. Соцреализма давно уж не ищет в литературе никто, однако вопрос: «Что так уныло?» в духе грибоедовской Натальи Дмитриевны до сих пор любят задавать всякие румяные критики и упитанные рецензенты в ... не красных, но (скажем помягче) румяных упитанных журналах. Поясним румяным и толстопузым, что обилие камня – это надежность в безысходности. А что еще можно искать?

Скрытое в поэте можно узнать по первому и последнему слову каждого стихотворения. Проверим.

«Разливая ... блеск» («Судьба»), «Не продавайте ... выздоровленье» («Не продавайте землю»), «Городили ... небо» («Гнилое небо»), «Не думай ... жду» («Не думай о словах: они придут...»), «Надежность ... о пустяках» («Надежность каменных имен...»). Это поэзия жизнеутверждения или жизнеотрицания? Филология учит, что есть предложения утвердительные, отрицательные и вопросительные. Я бы сказала, что подборка Ольгиных стихов – это поэзия *жизневопросия*. Эх, хочется поиграть словами: *аффирматив негатива* под вопросом. Великие ведь любили антиномии и рифмовали «безнадежность» с «нежностью» (Блок), а строчку стихотворения (Фета) уподобляли твердому обломку драгоценного мрамора (Л.Толстой).

Правда, одно из стихотворений Ольги начинается словом «надежность» («Надежность каменных имен...»). Но другое заканчивается словом «безысходность» («Да, так уж и быть...»). Безысходность и безнадежность – родные сестры. В стихах Ольги – надежда на безысходность и некоторые вопросы к ней («Разве владеют тем, с кем не могут сладить?») и «Что достанется археологам в наследство от нашей эпохи?». Безысходность эта относится, как видите, не к любви и не к печальному взгляду на наше поколение и даже, пожалуй, не к философии, хотя сгоряча можно отнести многие её стихи к философско-пейзажной лирике. Но это только сгоряча, а внимательное чтение книги почти сразу остужает и даже «подмораживает», хотя и не в смысле Константина Леонтьева. На дурацкий (но неизбежный) вопрос: «О чем эти стихи?» приходится дать оксюморонный ответ: «О том, что самое надежное на свете - безнадежность». Самое большое мужество нужно для сознания безнадежности. Мифология камня и скалы-острова – это мифология мужества во многих (не только в русской поэзии) «каменноостровских» циклах и стихотворениях. «Мужайся, сердце, до конца».

Только слепой не заметит, что настойчивые даты-финалы в Ольгиных стихотворениях упорно относят безнадежность к нашей постперестроечной среде.

«Вы безнадежны», - сказал Льву Толстому Константин Леонтьев, много чего повидавший в своих странствиях (особенно на минотаврском *острове* Крит). «А вы надежны», - срезал обидчика и не таких троллей укрощавший яснополянский домосед. Леонтьев, хоть и зачисленный Толстым в «надежные», вспомнился тут не случайно. Ведь и он определял свое умонастроение как «философскую ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни».

Поэты-непоседы встречаются в наши дни, поэт-то должен быть менее оседлым, чем прозаик. Пусть себе посещают всякие острова, даже блаженных, но каменная безнадежность и философская ненависть – позиция поэта и филолога Ольги Маркеловой – более достойна уважения всегда и особенно в наши дни, чем стабильная надежность.

Е.Ю. Полтавец

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо:

Моей семье и друзьям, домашним животным нескольких поколений, Торстейну Свейнссону (Þorsteinn Sveinsson), преподавателям филологического факультета МГУ, особенно Ольге Юрьевне Пановой (Суровой), Татьяне Дмитриевне Венедиктовой, Александру Васильевичу Сергееву, Елене Юрьевне Полтавец, преподавателям Университета Исландии, современным исландским поэтам, сибирским панкам, городу Рейкьявику и его жителям, Эльсе и Свейнну с хутора Ульвстадир в Боргарфьорде (Исландия), (Guðrún Elsa Þorsteinsdóttir og Sveinn Þórarinsson Víkingur frá Úlfsstöðum), городу Торсхавну, Тури Сигурдардоттир (Turíð Sigurðardóttir), Гурун Гор (Guðrun Gaard), Киму Симонсену (Kim Simonsen), организаторам литературоведческой конференции «Северный текст» в Архангельске, жителям г. Сольвычегодска, Тверской области, горе Эсья (Исландия).

Для связи с автором: tysdagur@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. КРЕДО

Не думай о словах: они придут.....	3
ПОРОХ.....	4
ПОЭТ.....	4
ЖДУ.....	5
ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ.....	5
Льёт дождём... ..	6
Стихи не разворачивались свитками... ..	6
ТВОРЕЦ.....	7
Возможно, что слова окажутся простыми... ..	7
СТИХИЯ.....	7
Пора запрячь трёхпалого коня... ..	8

2. ЮНОШЕСКОЕ

КРЫЛАТАЯ ТЬМА.....	10
Виса (Полдень, ельник и холмы).....	10
ПОСЛЕ КОНЦА.....	11
БРАНТ	12
ЛЁД И ЯД.....	13
РУБКА ДЕРЕВЬЕВ.....	13
СЧАСТЛИВЧИК ПЕР.....	14
КОНЕЦ ВСЕГО.....	14
КОНУНГ КНУД И НОЧЬ.....	15
МАРТ.....	16
Всё снег и мгла.....	16
ПЕЧЬ.....	16
Над пропастью идет.....	17
ИЗ ТЕТРАДИ СУМАСШЕДШЕГО	
1. Тоска от бледных поездов	18
2. Остался я, бедный западник.....	18
По хребтам оврагов мы бродили.....	18
ЕЩЕ РАЗ О НОВОМ ВРЕМЕНИ.....	19
Зимний лиловый ветер метет в лицо	19
Теперь уже не разберешь.....	20

3. НЕВМЕНЯЛОВО

НЕВМЕНЯЛОВО.....	22
Застыл степенно чинный род.....	23
СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ СТИШОК О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ.....	23
НОВЫЙ ГИМН ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ С ПОСВЯЩЕНИЕМ ОЛДОСУ	
ХАКСЛИ.....	24
Выпили ржавую воду.....	24
ПРИЗРАКИ.....	25
А я становлюсь невидимым.....	25
ТЕ, КТО... или ЭССЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАВНОДУШИИ.....	25
СТРАНА ПОДВАЛОВ.....	26
В КАНЦЕЛЯРИИ У КЛИО.....	26
Смерть не страшна... ..	26
Читая Умберто Эко.....	27
ПСЫ В УПРЯЖКЕ.....	27
КРЕДО.....	28
Да, я не жил, не видел ваших глаз.....	28
КАЧАЮЩИЙСЯ МОСТ	29
ВРЕМЯПРОПАЛО.....	29
После жизни не вписался... ..	29
Нити, реки и дороги.....	30

КОЛЫБЕЛЬНАЯ	31
ЛОЖЬ.....	31
Больше нет красивых лиц!	32
ЗАКАТ ПРИ ЛЕСНОМ ПОЖАРЕ.....	32
Летела Кля в небесах.....	33
ПЕШАЯ ПРОГУЛКА	33
Я забыл все термины.....	34
Человек тогда лишь верен себе, когда спит.....	34

4.У вечности холодное утро

<i>Исландия – доисторическая рыба</i>	36
У вечности холодное утро	37
Вы ли видели, что синева здешних гор... ..	37
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	
1. Судьба свивается в кольцо.....	38
2. Среди еловых высохших костей.....	38
СНЕГ В ГОРАХ (KALDIDALUR).....	38
Четыре дня... ..	39
ГОРНЫЙ ПЕЙЗАЖ (Там над туманом...)	39
Лиловая гора целует брюхо тучи... ..	39
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОТИВ.....	40
В ГОРОДЕ ЭЙРАРБАККИ.....	40
СТИККИСХОЛЬМ	41
ПЕСКИ	41
АМЕРИКАНСКАЯ ГОРА.....	42
Из колодца, из колодца.....	43
НА ВЗМОРЬЕ.....	43
ДОРОГА В ГОРАХ цикл	
1.И стало видно, что горы здесь две... ..	44
2. Смотрел не на горы... ..	44
3. Я выхожу в сплошную дождливую ночь... ..	44
4. БОРГАРНЕС.....	44
5. В ГОРОДЕ.....	45
НЕ ПРОДАВАЙТЕ ЗЕМЛЮ!	45
НА МОГИЛЕ ЙОУНА СИГУРДССОНА	46
Уберите с датского флага крест – пусть будет он алым!.....	47
Снова знакомые заводи... ..	47

5.РЕЙКЬЯВИК

<i>Проницательный читатель, конечно, уже догадался</i>	50
РЕЙКЬЯВИК (Я люблю этот город, хотя он несносен...)	51
РЕЙКЬЯВИКСКОЕ ОЗЕРО.....	51
РЕЙКЬЯВИК (МЕДИТАЦИЯ)	51
КОРНИ РАВНОДУШИЯ ЗАПАДНЫХ ЛЮДЕЙ.....	52
Кто лишил ваш город неба.....	52
НЕЗАТЕЙЛИВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПРО ГОРОД РЕЙКЬЯВИК.....	53
ТОПОГРАФИЯ РЕЙКЬЯВИКА	53
В НОВЫХ РАЙОНАХ РЕЙКЬЯВИКА	53
СОЛНЦЕ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ.....	54
Мимо, мимо расписного кладбища.....	54

6.ТОРСХАВН

I. ВЕЛИКАЯ КРИВАЯ

Торсхавнские стихи (цикл)

1. Ты, Торсхавн, размокший камень.....	56
2. Город ускользает из рук.....	56
3. ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД РАГНАРЁКОМ.....	56
4. НОРНЫ.....	57

5.	Мыльная тряпка – чужая мораль.....	58
6.	ОБРАЗ ФАРЕРСКИХ ОСТРОВОВ.....	59
7.	Луна застыла на востоке... ..	59
	ВЕЛИКАЯ КРИВАЯ.....	59

II. СКАНДИНАВСКАЯ СЫРОСТЬ

ФАРЕРСКИЙ ПЕЙЗАЖ.....	61
Рухнул столб... ..	62
И звездная буря над городом снилась.. ..	62

<u>III. Стишок на взморье в Торсхавне 19 октября 2002.</u>	62
--	----

IV. Мох и туман

Сегодня нам на восток... ..	63
Остается только ждать... ..	63
ДУМЫ МОИ – СУМЕРКИ (Серый мех дней ...).	63
НОЧНОЙ ТРОЛЛЬ.....	63
ГОРОД ЧИРЧЬЮБЁУР.....	64
Здесь каменные корабли	64
Сколько пылких дней, сколько слитных строф... ..	65
Горный тролль с тумана бородищею.....	65

V. Влияния

НОРНА (НАВЕЯНО СТИХАМИ ФАРЕРСКОГО ПОЭТА Й.Х.О.ДЖЮРХУСА).....	65
БАЙНГА.....	65
НЕБЕСНЫЕ ФАРЕРЫ.....	66

7. СЛОВА ИЗ ПЛОТИ И СЛОВА ИЗ ПЛАСТМАССЫ

ЗАМЕТКИ ПО КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	69
ДЛИННЫЙ ЗМЕЙ (БЫТИЕ).....	69
ВПЕРЕД!.....	70
ХРОМАЯ СОБАКА (Мировая душа).....	71
ЯНВАРЬ	72
ГОРОД (Ваши деньги пахнут тухлой рыбой...).	72
XXI ВЕК. ЗАРИСОВКА.....	73
ДУША В ЗАГОНЕ	73
СЛОВО СТАЛО ПЛОТЬЮ.....	73
ФИЛОЛОГИЯ БУДУЩЕГО.....	74
Рассвет дай бог что в полдень - и сразу закат... ..	74
ПОТРЕБИТЕЛИ.....	75
АПОФЕОЗ НЕКРОФИЛИИ.....	75
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ.....	75
И живем, не зная... ..	76
Вот сижу... ..	76
КРУШЕНИЕ НАДЕЖД.....	76
ЖЁЛТЫЙ МИР.....	77
ЕВРОПА.....	77
Понесло по полю памяти... ..	77
И разворачивался рассвет... ..	77
ПРАВДА.....	78
Я СЛЕПОЙ.....	78
Снова между нами города... ..	78
Беззакатной ночью... ..	78
РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИФА.....	78
ОЧЕНЬ ПРОСТО.....	79
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА.....	79
ТАК БУДЬ ЦАРЁМ.....	79
Ненужно... ..	80
КОЛЫБЕЛЬНАЯ САМОМУ СЕБЕ.....	80
ЗИМНЕЕ УТРО или НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДНЯ ДО РАССВЕТА.....	81

МЕТЕЛЬ.....	81
Были сыты - ядовитым хлебом... ..	82
В этом городе рано темнеет... ..	82
ИЗ САМОЛЕТА.....	82
В НЕБЕСАХ (ПТИЦА СМЕРТИ КАЗУАР).....	83
ТЕЛЕГА (ЖИЗНИ).....	84
ПАНКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ОБ ОДНОМ УЖАСНОМ ДНЕ В ГОРОДЕ РЕЙКЬЯВИКЕ.....	84
ВЛАСТЬ КОММЕРЦИИ.....	85
ВЛАСТЬ ПАУКОВ.....	85
Здравствуй... ..	86
Поглядим, как нелепые существа ковыляют на двух ногах... ..	86
БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА	86
VANITAS.....	87

8. СКВОЗЬ ЛЕС

СКВОЗЬ ЛЕС (ПОЭМА).....	89
-------------------------	----

9. КОЛОДЕЦ ЛУНЫ И ПОДСОЗНАНИЯ

ВИСА ВЕТРА.....	92
ГЮТЛЬФОСС И ВЕЧНАЯ ТЬМА	93
В ПОЛНОЛУНИЕ.....	94
ПРЕВРАЩЕНИЕ В ВОЛКА.....	94
У нас внутри живет паук... ..	95
А – это поле... ..	95

Из колодца луны и подсознания

цикл

1. Скакали по невысохшему долу... ..	96
2. ПРЕВРАЩЕНИЕ В ВОЛКА II.....	96
3. Закаты, запреты... ..	97
4. Луна в подвал... ..	97
5. А я распят на колесе... ..	97
6. Заметней стали... ..	98
7. На этот век... ..	98

СОЛНЦЕВОРОТ (Тлей, земля! Гори, бумага!)	98
УТРО ПИСАТЕЛЯ.....	100

10. ГНИЛОЕ НЕБО

ГВОЗДИ.....	102
РЫБАЛКА НА ОЗЕРЕ.....	102
ГНИЛОЕ НЕБО.....	102
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.....	103
ДЕТСКИЙ МИР.....	103
Лира Нерона... ..	103
НЕ НАДО УМИРАТЬ.....	104
УЛИЦА 1. ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ.....	104
Убогое тепло той ситцевой страны... ..	104
Два друга спят под одной шинелькой... ..	104

11. ЗАКЛЯТИЕ ЗМЕИ

I. Заклятие змеи

БЕЛЫЙ ОГОНЬ.....	106
Я был у вас в раю. Там очень холодно... ..	106
Пора меж волка и собаки... ..	107

ЗАКЛЯТИЕ ЗМЕИ.....	108
ТУМАН.....	108
Вдоль дорог крылом цикадным...	109
ВЕК ПЕНТАКЛЯ.....	109
ИСТОЩЕНИЕ.....	110
Надёжность каменных имён...	111
Буйный конь человеческих страстей...	111

II. Я был у вас в раю...

ПЬЕДЕСТАЛ.....	114
Дождь истории...	114
ЗАРИСОВКА (Серый дом, золотое небо...)	114
И я пошел...	114
НОЯБРЬ	
(цикл)	
1.ОТТЕПЕЛЬ	115
2. Земле не дали слова...	116
3.ТЕЛО И НЕБО.....	116
ПОЭТ В ДЕПРЕССИИ.....	116
ПОЛНОЧНЫЕ ЦВЕТЫ СЮРРЕАЛИЗМА	117
Разверзлась города могила... (РОЖДЕНИЕ ПАНК-РОКА).....	118
ГЛЯДЯ В СВЕЧУ.....	118
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДЕПРЕССИЯ (Осмеянный...)	119
Расстреляли над обрывом...	119

12. СИНЕЕ ОГНЕННОЕ СЛОВО

Аса-Тор сказал человеку.....	122
Был квадратный человек...	122
САМОУНИЧТОЖЕНИЕ И ВОСКРЕШЕНИЕ.....	123
РАЗГОВОР НА ДОРОГЕ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ.....	123
ГОРЯЩАЯ СВЕЧА.....	125
МУЗЫКАНТ.....	126
РАЗОМКНИ РЕКИ!	127
СИНЕЕ ОГНЕННОЕ СЛОВО.....	128

13. Я ОДИН (ШКУРА СУДЬБЫ НА ПЛЕЧАХ)

И тогда дома качнулись...	131
Во мгле живет моя любовь...	131
ВИВИСЕКТОРЫ или КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ.....	131
Здесь нет трагедии...	132
Ворон ворону...	132
В девятнадцатом веке...	133
В этом царстве колочек и сомкнутых стен...	134
МОРСКОЙ ЧЕЛОВЕК.....	134
Я будущего жду, как ждут Годо...	135
СЛЕПОЙ.....	135
Я ОДИН.....	136
Если сегодня будет война...	137
СЕНТЯБРЬ.....	137
КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ.....	138
БЫТ.....	139
Я надеваю эту действительность...	139
(ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ФАУСТА).....	139
Я желаю спать в чистом пространстве...	141
БЕЗЫСХОДНОСТЬ.....	141
ЧЕР(ВОН)НЫЙ МИР.....	142
По колено желтая хлябь...	142
Сядь, успокойся, посмотри на гору...	142
АЛКОГОЛЬНЫЙ ЭКСПИРИЕНС.....	144
ПОТОК СОЗНАНИЯ НА ДНЕ РОЖДЕНИЯ ДРУГА, ЗАПИСАННЫЙ НА ЧЕКЕ.....	144
НУ И ЧТО? (ОПИСАНИЕ ПОДВИГА).....	145
Покрытый ненавистью, как коркой грязи...	146

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ.....	146
СОВЕТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА ПОЭТУ.....	146
АНТИ-КРЕДО.....	147
ПАНКОВСКАЯ ВЕСНА.....	147
СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ В РЕЙКЬЯВИКЕ.....	148
«ОЧИСТКА СОВЕСТИ».....	148
ОБЫДЕННОСТЬ.....	149
Открывая фанерную дверь добровольной тюрьмы... ..	149
РАБОТА – ЭТО БОЛЕЗНЬ.....	149

14. ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ

I. Социальное

ВЕРНУЛСЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.....	152
Голодная неизбежность... ..	152
АРХИВЫ.....	152
МЫ ЗАКРЫВАЕМ ЭПОХУ.....	153
Неистребимая поэтика... ..	153
«Сказал я: «Всё!»... ..	153

II. Небесное

НОЧНАЯ ЗАРИСОВКА.....	156
Наблюдали из окна всю ночь... ..	156
На небе нет никаких богов... ..	156
На небе всё как у нас, всё как у нас... ..	156
В метро нет стрелок... ..	157
Люди уходят, словно деревья в парке... ..	157
БУНТ ПЛОТИ ПРОТИВ РАЗУМА.....	157
ИНЕРТНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ.....	158
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ.....	160

III: По мирам

ВОЗДУШНЫЕ КОРНИ

1. Воздушные корни	162
2. Человек-дерево.....	162
3. Евангелие от Работника Неба (оно же Рождение Панк-рока-2).....	162
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ РАБОТНИКА НЕБА – 2.....	163
ТЕЛО И ДУХ.....	163

1. Отрекись от рода... ..	164
2. Рождаясь в новое тело... ..	164
Здравый смысл ковыляет по пряным полям психодела... ..	165

15. ГОРЫ И РЕЛЬСЫ

I. СУМАСШЕДШАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Цинизм или высшая мудрость?.....	167
ЗАПАДНЫЕ ФЬОРДЫ.....	167
В каждой горе таится собственный стих... ..	168
РОМАНТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О ЗАПАДНЫХ ФЬОРДАХ.....	168
СКАЗОЧНОЕ.....	169
СОН НА ХЕЙДИ.....	169
Я не сочинял этих строф: я просто их вспомнил... ..	169
А к тридцати годам обжился в теле... ..	170
СТРОФЫ (У каждой вещи в мире есть собственный стих... ..)	170
Российская осень – глубокий аккорд... ..	171

II ДЕРЕВЯННЫЕ ХОРОМЫ

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ.....	173
Товарные поезда – это потроха России... ..	173
Проезжаю лес... ..	173
ВЕТХИЙ ДОМ В АРХАНГЕЛЬСКЕ	174

ВИНЬЕТКА В СЕВЕРОВЕЛИКОРУССКОМ СТИЛЕ.....	174
СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ В СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ НОЧЬЮ С 21 НА 22 ИЮЛЯ 2012	
1.ДОМА.....	175
2.Ночь-вуаль... ..	154
3.Пойду на берег сочинять стихи... ..	175
4.У пней есть глаза... ..	175
5.ВЫШЕЛ НА БЕРЕГ.....	175
6.СОЛЯНОЙ ФОНТАН.....	176
7.Рухнул дом... ..	176
ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЗИМНЕГО СОЛЬВЫЧЕГОДСКА	176
ВОКЗАЛ (Это идолы дороги).....	177
ИЗ ОКНА ВАГОНА.....	178
Потянулся на медленный север... ..	178

16. СИНИЕ СТИХИ

I ЗВЁЗДНЫЙ СМЕХ

РОЛЕВАЯ ИГРА.....	180
«ПОТОМ!».....	180
Здесь очень много ненаписанных страниц... ..	181
Я ездил по югам и северам... ..	181
Из необъятных постумных миров... ..	182
В ОБИТЕЛИ ОБСКУРАНТОВ.....	182

II СИНИЕ СТИХИ

ЖАЖДА СТРАНСТВИЙ И ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЦИКЛ)

1.СЕРДЦЕВИНА.....	185
2. УШЁЛ В ПОХОД.....	185
3.БУДУЩЕЕ.....	185
4. СОТВОРЕНИЕ МИРА.....	186
Не надо бояться, что кто-то подслушает... ..	186
ВРАЖЕСКАЯ ПРОПАГАНДА.....	186
В углу японский меч, над ним – цветок... ..	186
ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ О МОРЕ.....	187
Белые стихи – о вселенском разуме... ..	187
ЖЕРТВА ВОЗДУШНОГО НАЛЁТА.....	188
В зеркале стоит темнота... ..	188
Я не знаю имён в этом трепетном царстве растений... ..	188
ФУТУРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УТОПИИ.....	188
ЧЕЛОВЕК XX ВЕКА	
1. Я полюбил свою нескладную избушку над обрывом... ..	189
2. Мой палач – мой единственный брат... ..	189
На прекрасной планете Земля... ..	190
Люди придумали многое множество слов... ..	190

III ЗВЕРИ

КОТ-ВОИН И КОТ-ФИЛОСОФ.....	192
Мы дали всем животным имена... ..	192
Кошка, я помню тебя тонколапым глазастым котёнком... ..	192
ВОСПОМИНАНИЯ ЖИВОТНЫХ ОБ УМЕРШЕЙ ХОЗЯЙКЕ	
1. Моей собаке снится сон... ..	193
2. Весь коридор в следах от каблуков... ..	193
ЗАРАЖЁННОЕ НЕБО.....	193

17. ДЕРЕВО НАДЕЖДЫ

На моём бескрайнем пустыре... ..	195
ИСЛАНДИЯ 2010	
I. Экскаватор жрёт мою лаву... ..	195
II. Да пребудет с вами морской прибой!	195
Рейкьявик не спит... ..	195

В этом доме всё слышно...	196
СТИХОТВОРЕНИЕ О СМЕНЕ ПОКОЛЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ	196
Потянулась темнота...	197
Кончатся медовые сны...	197
- Да будет с тобой ночь!	198
СТРОИТЕЛЬ МОСТОВ	198
СОБАЧЬИ СТИХИ	200
ЧЕЛОВЕК И ЕГО СНЫ	200
ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ЧАС	201
В ту ночь все деревья столицы...	201
Вереницы ликов полустёртых...	202
ОГОНЬ	
1. Танцует двурогий огонь	202
2. Белый огонь	203
МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПОЭТУ	203
МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПОЭТУ-2	204
МЕЩАНКА СКАЗАЛА ПРОРОКУ	204
Майор сказал	205
... А давайте, он к нам не придёт...	205
В промышленных дремучих городах	206
Сотвори себе мир	206
Заснём-ка вместе!	207
ДИВНОЕ (ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЫЕЗДУ В ХОТЬКОВО 1 МАЯ 2011)	207
ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ "ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН"	208

18. ИСТОРИИ

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ	210
ГОЛОВА И СЕРДЦЕ	211
НОЧНОЙ ГОСТЬ	212
ДЬЯКОН С ТЁМНОЙ РЕКИ	212
ПОСВЯЩЕНИЕ ИСЛАНДСКОМУ ПОЭТУ ТОУРАРИНУ ЭЛЬДЬЯРТНУ	213
МЕМУАРЫ ХАРОНА	214
МЕДОТОЧИВАЯ ЛЕГЕНДА	214
ИЛЬЯ ИЛЬИЧ (НАШЕ ВСЁ)	214
ДИКАРСКИЕ ОСЕННИЕ СТИХИ	215
СТИНА	215
ПОЛЁТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЗЕМЛИ	216

19. МОЗАИКА БИРЮЗОВОЙ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

I. ПУТЕШЕСТВИЯ

Белая гора на горизонте	218
Привыкай: здесь нет асфальта	218
Деревни зарастают кипреем	219
Стеклянная стрела ветра	220
Река шевелится	220
Ты реставрировал икону	221
РЕКИ ИСЛАНДИИ	221
ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЭМИГРАЦИИ	222
ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТ ДРУЗЕЙ (Ярославль...)	222
В городах, где деревья пока ещё выше домов	223

II. НОЧЛЕГ МАРГИНАЛА

В том виноват Жан-Жак Руссо с Вольтером	225
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЕГОРУ ЛЕТОВУ	
1. Сбежал из тела в дальние миры	225
2. Он озадачил всех друзей внезапным бегством	225
Телескоп мой сломан	226
Все великие книги	226
Я заплутал в пространстве	226
... Но в столице я продул свой поединок	226

ЧТЕНИЕ ЛИРИКИ.....	227
Обскуранты в косухах, замолкните!	227
...Дверка-память в заборе будней... ..	227
УМИРАЮЩЕМУ КОТУ.....	227
Наш любимый вид спорта... ..	228
...А там под сводами два алтаря... ..	228
МОСКВА-СИТИ-2011.....	228
ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО.....	228
ПЕЙЗАЖ С НАТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖНИКА.....	228
СОНЕТ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ РАЕ.....	229
НОЯБРЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ.....	229
ПРОИГРАННЫЙ БОЙ.....	229
АУТСАЙДЕР.....	230
ЧЕЛОВЕК И НЕБО.....	231
Успокойся: все боги устали... ..	231
Разученный по нотам авангард... ..	232
ТЕАТР.....	232
НЕ ТОТ ЛЕС.....	232
Ещё один похоронил себя... ..	233
Нынче в небе пусто... ..	233
III. ТЫСЯЧА ТОМОВ СЧАСТЬЯ И ОДИН ТОМ ГРУСТИ	
Лес отдохнёт после Нового года... ..	235
САМОКРИТИКА	235
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ.....	235
ЖИЗНЬ В ЖЕСТОКОМ МИРЕ.....	235
В моей библиотеке... ..	236
О БЛАГОРОДСТВЕ ВОРОНОВ.....	236
НЕ СОШЛИСЬ ВО МНЕНИЯХ.....	236
Своего внутреннего ребёнка... ..	237
Мой учитель – лес... ..	237
Давным-давно... ..	237
И белёсая нищая жизнь... ..	238
Показали дураку столицу... ..	238
Нынче нас в комнате двое... ..	239
Моя остановка конечная... ..	239
IV. В МОЕЙ НОРЕ СВЕТЛО	
Воплотился... ..	241
И вот моя рок-нора... ..	241
ЛЕТО ПРИШЛО В ГОРОД.....	241
Тропическая Москва. ..	242
Моя такая болдинская осень... ..	242
ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕМЕСЛА.....	242
ЛЮБИМОМУ ПИСАТЕЛЮ.....	243
БЕЗУМНЫЙ ПРОРИЦАТЕЛЬ.....	243
ФИНАЛ	
Спускался в глубину потустороннего себя... ..	245
МОЙ ТЕКСТ.....	245
СТИХИ 16 МАРТА 2011	
I. Чуть взлетишь на орлиных крыльях к высотам духа... ..	246
II. Сочиняешь строку — и отпускаешь на волю... ..	247
Е.Ю.Полтавец. Базальтовая (о)крошка и (без)надёжность каменных имён.....	248
БЛАГОДАРНОСТИ.....	252

О.А.Маркелова: Лес подсознания. Стихотворения. Послесловие Е.Ю.Полтавец.
Иллюстрации автора. Москва, 2018. – 260 стр.

Ольга Александровна Маркелова (род. 1980) – поэт, прозаик, литературовед, переводчик скандинавских литератур. Ей принадлежит перевод на русский язык крупных фарерских и исландских поэтов XX-XXI вв.

В своём собственном поэтическом творчестве О.А.Маркелова во многом берёт на вооружение формы европейской поэзии XX века – и часто воплощает собственный опыт жизни в Исландии, Дании и на Фарерских островах. Её стихи – в основном философская и медитативная лирика; далеко не последнее место в них занимают рассуждения о взаимоотношениях человека с мирозданием и с социумом, о культуре, о генезисе творчества – а также о взаимодействии сознания и бессознательного.

Какие леса растут в нашем подсознании? Кто живёт в них?

Об этом – стихи в этой книге.